

РОСТИСЛАВ КИНЖАЛОВ

КОНЕЦ СвЯЩЕННОГО КРУГА

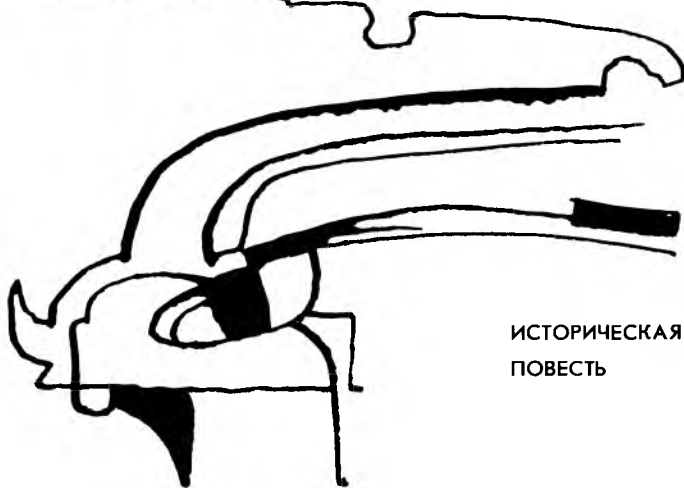

РОСТИСЛАВ КИНЖАЛОВ

Конец Священного Круга

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1988

Р 2+902

К 41

Все переводы из «Пополь-Вух», «Летописи какчикелей»
и других литературных произведений древней Мексики
сделаны автором книги.

РИСУНКИ И ОФОРМЛЕНИЕ
С. ОСТРОВА

К $\frac{4802000000-107}{M101(03)-88}$ 226—88

ISBN 5—08—000058—9

© Издательство «Детская литература», 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более ста лет назад в непроходимых тропических лесах Южной Мексики случайно была обнаружена колоссальная каменная скульптура весом в несколько тонн, изображавшая человеческую голову в причудливом головном уборе. Несколько позже стали известны и другие каменные головы подобного облика.

Ученым уже давно было известно искусство ацтеков и майя — тех народов, которых в XVI веке встретили испанские завоеватели, устремившиеся в Мексику за золотом.

В разрушенных испанскими конкистадорами городах аборигенов было обнаружено много скульптур и рельефов, отражающих высокую культуру ацтеков — столица их государства Теночтитлан находилась на месте современного города Мехико, — а также народа майя, жившего в восточной части Мексики. Но им эти колоссальные головы были чужды.

Прошло много лет, прежде чем археологи, изучавшие древние культуры Мексики, предшествовавшие тем, с которыми встретились испанцы, открыли археологические памятники, уходящие в глубь веков. И тогда тайна загадочных каменных голов была раскрыта. Они оказались принадлежащими древней культуре ольмеков — народа, жившего в XV—IV веках до нашей эры. Р. В. Кинжалов, известный этнограф, изучающий культуру Средней Америки, избрал этот период древней истории Америки для своей повести. Об археологическом изучении этой культуры рассказывается в заключительной части книги «По следам сыновей божественного ягуара». Надо заметить, что назначение монолитных каменных голов в культе ольмеков было научно установлено автором книги.

Археологические работы показали, что у ольмеков уже существовало государство с развитым социальным расслоением, ими были созданы монументальные памятники архитектуры, скульптуры и настенной живописи. Дошли до нас и замечательные памятники искусства, но орудия труда ольмеков изготовлялись из камня и дерева, так как металлы были им еще неизвестны. Сложные религиозные представления этого народа были основаны на обожествлении природы, и особое значение в культе имели кукуруза — основной продукт питания — и ягуар, считавшийся тотемным животным и прародителем ольмеков.

Ольмекская культура была распространена на широкой территории — в Мексике, Гватемале, Коста-Рике, Сальвадоре и Никарагуа.

Историческая повесть Р. Кинжалова «Конец священного круга» рассказывает о своеобразных обычаях этого исчезнувшего ныне народа. Причем в основу рассказа положены наход-

ки уникальных произведений ольмекского искусства — монументальных каменных голов, их культовое назначение научно обосновано автором. Установлено, что ольмеки избирали юношу, который с момента избрания воплощал в себе духа кукурузы и в течение года пользовался всеми привилегиями живого божества, а потом приносился в жертву. Человеческие жертвоприношения во всех культурах древней Мексики были распространены. Каменное изображение головы, связанное с культом и установленное на священном участке, по религиозным представлениям ольмеков должно было обеспечить хороший урожай кукурузы.

По представлениям древних индейцев Мексики, мир развивался по циклам в сто четыре года. Для предотвращения мировой катастрофы по истечении этого «священного круга» требовалось совершение многочисленных сложных обрядов, что и отражено в повести Р. Кинжалова, названной им «Конец священного круга». Автор с этнографической достоверностью рассказывает о жизни ольмеков, их религии, выступавшей основной формой идеологии и приносившей страдания народу. Р. Кинжалов, крупный ученый, труды которого хорошо известны научному миру, выступает и как популяризатор, автор литературного произведения, показывающего жестокий мир древних народов Америки. В 1976 году вышла из печати его повесть «Воин из Киригуа», открывающая жизнь народа майя в VIII веке нашей эры. Она сразу же привлекла к себе внимание и вызвала большой интерес у читателей. Необходимо отметить, что новая книга Р. Кинжалова — первое (и у нас, и за рубежом) художественное произведение о загадочных ольмеках.

В свою повесть «Конец священного круга» наряду с трагической историей девушки и юноши автор вводит вторую сюжетную линию — рассказ о знатном египтянине, который бежал из Египта от гнева фараона, попал к финикийским мореплавателям — торговцам — и во время путешествия при разразившейся буре был занесен к берегам Мексики. Этот рассказ напоминает теорию знаменитого путешественника по океанам Тура Хейердала, считавшего такие дальние случайные плавания исторической реальностью; кстати, Тур Хейердал допускал связь ольмекской культуры с Египтом.

Р. Кинжалов в основу этой сюжетной линии кладет замечательные древние египетские документы конца XII века до нашей эры, соответствующие одному из периодов истории ольмеков, рассказывающие об ограблении гробниц царей и цариц в Фивах. Это протоколы допросов грабителей, их показания, решения судей, в них упоминается много имен. В вынужденное путешествие к берегам далекой от Египта Мексики автор и направил знатного египтянина, помощника градоправителя Фив, посмевшего нарушить покой царей Египта в фиванском некрополе. Такая вымышленная автором ситуация оживила повесть и связала рассказ о древних ольмеках с хорошо известной читателям культурой Древнего Египта конца XX династии. История бежавшего от царского гнева египтянина, достоверно описывающая разграбления царских гробниц, перекликается с подлинной древнеегипетской повестью о Синухете, искавшем убежище у сирийцев за пределами Египта. Связь культуры Древнего Египта с ольмеками представляется мне удачным авторским приемом, приближающим малоизвестную древнюю мексиканскую культуру к известной ребятам древнеегипетской культуре.

К сожалению, древняя культура Средней Америки мало известна советским школьникам, так как коллекции древних памятников Америки в музеях Москвы и Ленинграда незначительны, а в учебниках эта культура также не представлена. Поэтому историческая повесть Р. Кинжалова, интересная и достоверная, поможет читателю познакомиться с культурой одного из очагов мировых цивилизаций.

Академик Б. Б. Пиотровский

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ш а н г — земледелец из рода Кааб.

Т у г-А н с е н г — его брат, скульптор.

О ш-Ч о ч — их мать.

Т и а́ н г — дочь земледельца из рода Цокан.

М а а́ ш — ее дядя.

А н а́ й б-У н г и́ р — старший жрец бога кукурузы, затем верховный жрец столицы.

М и ш п и́ т а к у́ к — жрец, приближенный Анаиб-Унгира.

Т у м е́ х-Ц а́ х и́ н г — старший жрец Сердца земли — бога землетрясений и подземного мира.

Н и а́ н г-Х н н а́ х — главный жрец молодого божества кукурузы.

Б е л е́ н г-Х и ш — старший жрец бога солнца.

А х-М а ш — жрец — блюститель календаря и погоды.

И ш-К а н-Л е о́ ш — верховная жрица Матери богов Текаймá-Пойá.

С у э́ м б а́ х а м о́ н — египетский вельможа, помощник градоправителя Фив — столицы Верхнего Египта.

П а в е́ р а́ а — правитель западной части Фив, начальник охраны царского некрополя.

Н е б́ м а́ а́ т́ р а́ н а́ х т — визирь фараона, наместник Фив, начальник Суэмбахамона.

М е л ь к а́ р т-М а ш а́ л — финикийский мореход и торговец.

Н е с у́ б а́ н е б́ д́ ж е́ д — фараон Нижнего Египта — Дельты.

А х-Ш о́ б ч — старый скульптор, учитель Туг-Ансенга.

Н а м-Ц у́ к — его дочь.

А х-Ш а́ к а́ н — начальник скульпторов Ниваннаа-Чакболая.

И р и́ н е ф е́ р — египетский кормчий на службе у Суэмбахамона.

К у о́ б к у — карлик, шут при дворе ольмекского правителя.

Х а́ н г-Н о́ к-П и́ н г — ольмекский царевич, второй сын правителя.

Т е н е́-Т у́ в у́ й к — придворный Ханг-Нок-Пинга.

Т е н е́-Т у́ н г — придворный ольмекского правителя.

ПРОЛОГ

1. Два брата

СЕЛЕНИЕ ХОКТУНГ,
БЛИЗ САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Стоял знойный полдень. Хотя солнце только угадывалось в серовой, застилавшей небесную гладь пелене, от него исходил одуряющий жар. Раскаленная земля потрескалась, листва деревьев поникла. Дышалось с трудом: уже третий день не было ни малейшего ветерка. Жители столицы ольмекского государства, великого города Ниваннаа-Чакболая*, и земледельцы рассыпанных поблизости от него селений с нетерпением ждали сезона дождей — времени прохлады, влаги и обновления природы.

Все наиболее значительные и важные части города были размещены на громадном плоском плато, имевшем причудливую форму и крутые склоны. На нем располагались храмы божеств, площади для священнодействий, дворцы и дома знатных владык — вельмож. А ниже, вокруг плато, в рощах, остававшихся островками девственного леса — могучих джунглей, раскинулись небольшие поселения. В них жили те, кто обрабатывал поля, отвоевывая место для них у буйной тропической растительности, кто засеивал их, собирал урожай и создавал своим трудом все необходимое для жизни обитателей Верхнего города.

В Хоктунге, одном из таких поселков неподалеку от Ниваннаа-Чакболая, в этот знойный полуденный час царила тишина и покой. Все, кто мог, укрылись в жилищах и отдыхали, переживая самое тяжелое время дня. Только в одном переулке слышались детские голоса.

В прохладной тени могучей ветвистой сейбы* у хижины земледельца сидели два мальчика. На первый взгляд они не были похожи друг на друга, но что-то неуловимо общее, родственное проскальзывало в их чертах. Первому было лет десять, второму — года на два-три меньше. Старший сосредоточенно лепил из большого куса влажной глины голову брата, по временам остро и внимательно взглядывая на него.

* Слова, отмеченные звездочками, смотри в конце книги, в «Словаре незнакомых слов».

— Повернись немного левее, Шанг! — командовал юный скульптор.

— Я устал сидеть неподвижно, Туг-Ансенг, отпусти меня! — взмолился младший. — Я хочу побегать! И хочу увидеть, что у тебя получается. Похож я на себя?

— Еще немного, ихцин*, подожди, еще одно мгновение... сейчас я кончу, и ты все увидишь! — отвечал отрывисто Туг-Ансенг. Его пальцы проворно мяли податливую глину.

За разговором дети и не заметили, как, бесшумно ступая по жухлой траве, к ним приблизились двое мужчин и остановились поодаль, внимательно наблюдая за происходящим. Старший из подошедших — ему было лет двадцать восемь — тридцать — прошептал чуть слышно своему спутнику:

— Вот будущий лем-хоолом!* Я говорю о младшем! А старший будет скульптором!

Его собеседник, юноша с узким, птичьим лицом, ответил почтительно:

— Ты всегда удивительно прозорлив, почтеннейший Анаиб-Унгир! Да сбудутся неукоснительно твои предначертания и на этот раз!

Они приблизились к братьям, и Анаиб-Унгир спросил их, стараясь придать голосу ласковый оттенок:

— Как вас зовут, дети?

Мальчики подскочили, словно уколотые шипом, и обернулись. Увидев перед собой незнакомцев в богатой одежде и украшениях, они почтительно поклонились.

— Меня зовут Туг-Ансенг, о владыка, — ответил слегка дрожащим голосом старший, — а моего младшего брата — Шанг.

— Какие хорошие имена, — сказал ласково Анаиб-Унгир, но глаза его оставались по-прежнему холодными. — Ты действительно будешь силен, как тапир, а твой брат вырастет стройным, как пальма! Прекрасные имена даны вам! И будущее ваше будет прекрасным!

Личики братьев покраснели от смущения и удовольствия. Удостоиться такой похвалы от старшего человека, и не просто старшего, а от незнакомца владыки, — какая почесть!

— А кто ваши родители?

— Мы из рода Кааб, — ответил Туг-Ансенг, — нашу мать зовут Ош-Чоч, а отца — Саник, он земледелец из этого селения.

— Поистине все складывается счастливо! — воскликнул Анаиб-Унгир, обращаясь к своему спутнику. — Даже имена благоприятствуют!

— Да, это великое знамение! — согласился тот, почтительно склоняя голову.

— Будьте здоровы и благополучны, Туг-Ансенг и Шанг! Придет время, и мы еще увидим друг друга, а пока прощайте! — сказал Анаиб-Унгир.

— Прощай, о владыка!

— И непременно возвестите вашим родителям, дети, что сегодня с вами беседовал старший жрец великого Зеленокудрого* и остался доволен, что у них такие хорошие сыновья, — добавил спутник Анаиб-Унгира.

Туг-Ансенг и Шанг опустились на колени и с трепетом и почтением глядели на взрослых. Им стало даже страшно от неслыханной чести, внезапно обрушившейся на них.

— Идите, дети, идите! — махнул рукой старший жрец.

Обрадованные разрешением, братья вскочили с коленей и устремились в соседнюю рощу, чтобы там шепотом еще раз поговорить друг с другом обо всем случившемся. Брошенная глиняная поделка осталась лежать на траве.

Жрецы молча смотрели вслед исчезнувшим в зарослях детям. Затем младший (его звали Мишпитиакук) наклонился и взял в руки вылепленную голову.

— Очень похож, — заметил он, — у старшего мальчика безусловно есть способности к ваянию.

— Еще один знак, — отозвался Анаиб-Унгир. — Родные руки лучше!

И старший жрец двинулся дальше по улице селения. Мишпитиакук, бросив глиняную голову, последовал за ним.

Когда вечером дети, перебивая друг друга и безмерно волнуясь, рассказали родителям о неожиданной встрече, у Ош-Чоч по щекам потекли радостные слезы.

— Может быть, наши дети будут счастливее нас, — сказала она с робкой надеждой, — если старший жрец Зеленокудрого о них позаботится.

— Все может быть, — ответил ей задумчиво Саник, — но пока дети должны забыть об этом происшествии. Надежды — опасная вещь! Не напоминай мальчикам о случившемся, и они быстро забудут. А сбудется, что суждено волею богов!

Жрецы продолжали свою прогулку. Покинув Хоктунг, они довольно долго шли по извилистой тропинке среди возделанных полей, а потом вступили в новое селение.

Когда священнослужители проходили мимо скромной, но чисто прибранной хижины, четырехлетняя девчушка, игравшая перед ней, взглянув на Анаиб-Унгира, вдруг стремглав кинулась к хлопотавшей у зернотерки матери. Наверное, ее испугал вид незнакомого и необычно одетого человека.

Припав к склоненной родной спине, малютка горько, взхлеб расплакалась.

— Тише, тише, Тианг! — сказала, успокаивая ее, мать. — Что ты плачешь? Что испугало мою хорошую девочку?

Но Тианг замолкла и успокоилась только тогда, когда высокая фигура старшего жреца скрылась из виду.

В эту ночь Анаиб-Унгир увидел удивительный сон: на его груди сидела маленькая девочка и своими крошечными ручками сжимала ему горло так сильно, что жрец начинал хрипеть и задыхаться.

Анаиб-Унгир встал, выпил воды, немного походил по комнате, снова лег и скоро заснул.

На следующий день он совершенно забыл об этом странном ночном кошмаре.

2. Десять лет спустя

ОКРЕСТНОСТИ САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА

Время едва ли не самое важное из всего, что принадлежит человеку.

Время стремительно, беспощадно и мстительно.

Человек бессилен хотя бы на мгновение остановить его бег. Но он и всемогущ над временем, если может заполнить его постоянным трудом, ибо любое творчество — это победа над забвением, а следовательно, и над всепоглощающей бездной времени.

Рукопись, картина, статуя, музыка, здание, чертеж машины — это сгусток мыслей и чувств, это запечатленный кусок времени, это преодоление его неотступного движения.

Движение времени порой кажется человеку неравномерным. Бывают минуты, которые можно с трудом резать ножом, как густой вар, так плотно и медленно течет время. Есть годы, которые уносятся, как дым по ветру, тают, как парок дыхания на морозе. В счастье время течет быстро, в несчастье времени просто нет, оно исчезает. У молодого каждый день продолжается бесконечно, вмещая множество событий, у старого человека год пролетает, как день, потому что старики живут, уже ничему не удивляясь.

Осознание человечеством понятия времени было колоссальным интеллектуальным завоеванием. Вначале отрывочное, робкое — день сменяется ночью, а ночь — днем, — это понимание через такие вехи, как создание календаря (лунного, солнечного, по планете Венера) и часовых механизмов, через циклические явления, начиная с сезона и кончая мирозданием, ведет человечество к осознанию узловых проблем как его собственного развития, так и всей необъятной Вселенной. Учение о необходимой смене общественных формаций и гипотезы о разбегающихся галактиках обязаны своим существованием далеким людям палеолита, впервые задумавшимся над понятием времени. Но путь познания тернист, и на этом пути у человека было немало ошибок. Мы увидим это в нашем дальнейшем повествовании.

Казалось, время незаметно текло над Ниваннаа-Чакболаем. В постоянном размеренном ритме сменяли друг друга дни и ночи, сезоны года. Деревья расцветали, приносили плоды, отдавали жаждущей земле семена, погружались в покой и снова покрывались цветами. Земледельцы трудились на полях, ремесленники — в мастерских, распоряжались ими и пировали в своих дворцах владыки, жрецы провозглашали молитвы богам и следили за исполнением необходимых ритуалов... Представлялось, что так было всегда, так есть и так будет вовеки... И неожиданные несчастья, иногда прерывавшие размеренность жизни, только подчеркивали ее изменчивость.

А между тем каждый день, каждая ночь приносили ничтожные, незаметные изменения. Они собирались, скапливались и постепенно обнаруживали себя. Старики умирали, так и не поверив и не поняв, что они стали стариками. Рождались и росли дети, подростки становились взрослыми.

За прошедшие десять лет многое изменилось в жизни Шанга, Туг-Ансенга и Тианг. Так и не увидев детей счастливыми, умер Саник. При расчистке нового лесного участка его придавило большое подгнившее дерево. Только через два года после его внезапной гибели начало сбываться предсказание старшего жреца Зеленокудрого. Начальник всех скульпторов города самолично явился в хижину за Туг-Ансенгом и увел его, сказав, что по повелению свыше мальчик будет учиться искусству ваятеля. С тех пор Ош-Чоч и младший брат очень редко видели Туг-Ансенга: он жил совсем в другой части великого города и его нечасто отпускали повидаться с родными.

Шангу исполнилось восемнадцать лет, и он, пройдя необходимые, но простые обряды посвящения в земледельцы, работал, как и его отец, на полях.

Произошли изменения и в жизни Анаиб-Унгир: он стал верховным жрецом города Ниваннаа-Чакболая, а следовательно, и высшим духовным сановником всей страны. Погрузнело его тело, глаза глядели еще более холодно и жестко. Теперь он почти не выходил из Верхнего города (хотя знал все), а если такое случалось, рабы несли его на пышно украшенных носилках. Анаиб-Унгир был счастлив тем, что его боялись. Мишпитиакук по-прежнему оставался самым близким ему человеком.

Новые владыки, новые жрецы становились на место умерших. Старшим жрецом Сердца земли — страшного бога подземного мира, землетрясений и вулканов — был избран уже пожилой Тумех-Цахинг, славившийся своим благочестием, суровостью и неуклонным соблюдением обрядов.

Разрастался и рос Ниваннаа-Чакболай. Великолепные дворцы гордо возвышались на месте старых невзрачных зданий. Правитель поощрял строительство.

Прошедшие годы были на редкость урожайными, и подати поступали владыкам и в государственную казну полностью и без задержек. Ожилилась торговля. Из столицы в далекие страны часто уходили торговые караваны. Они возвращались через полгода или год, груженные редкостными и ценными товарами: самоцветами, благовониями и плодами божественного дерева какау, из зерен которых изготовлялось чудесное укрепляющее питье для владык.

Тианг стала уже почти взрослой девушкой, ей исполнилось пятнадцать лет. Словно оправдывая свое имя, она вытянулась и действительно стала походить на молодую стройную сосенку. За это время от острой желудочной болезни разом умерли и ее родители, и младший, едва начинавший ходить братишка. Сироту приютил ее дальний родственник, отец двух детей, вечно угрюмый и недалекий вдовец Мааш.

Тианг целый день хлопотала по хозяйству, и в жизни ее совсем не было места радостям.

Но теперь нам придется на время расстаться со страной ольмеков, или,

как они сами называли ее, Красной землей. Перенесемся мысленно отсюда через Атлантический океан и Средиземное море в Древний Египет, Кемт — Черную землю. Странные нити случая, а может быть, и судьбы соединили однажды жизнь обитателя страны Кемт, жителя долины Нила, с далекой ольмекской землей.

В отличие от молодой ольмекской державы Египет к тому времени просуществовал как единое государство уже более двух тысячелетий. За свою долгую историю Кемт знала и небывалое величие, и периоды упадка, дворцовых смут, беспощадных всеокрушающих народных восстаний. В это время Египет фактически был разделен на два самостоятельных царства: Верхнее — со столицей в древних Фивах — и Нижнее, где в городе Танисе правил фараон Несубанебдженд

ГЛАВА I

БЕГСТВО

ФИВЫ.
ЕГИПЕТ.

Мы уходим отсюда, мы уходим далеко...
«ПОПОЛЬ-ВУХ»*

«Сокол взлетел!»

Хотя принесший известие уже давно выскользнул из комнаты, страшные слова все еще продолжали звучать в ушах Суэмбахамона.

Итак, все раскрыто! Дело только во времени... Придут ли за ним через два часа или через несколько дней, все равно! Сперва позор ползущих слухов, гнев фараона и всемогущего жреца Амона — истинного владыки страны, медленная пытка суда, в котором, может быть, будут восседать его бывшие подчиненные, а затем — кол! Деревянный кол, раздирающий внутренности, долгие муки, невыносимая, все сжигающая жажда и позорная, без погребения, без мумифицирования и гробницы, смерть! Зачем, зачем он польстился на мертвые сокровища давно мертвых владык страны Хапи?* Это они, видно, мстят за нарушение их вечного покоя, за ту страшную участь, которая ожидает всякого египтянина, лишенного достойного погребения!

Но почему он думает о суде? Почему он потерял свою рассудительность, которой так славился? Разве не было предусмотрено то, о чем ему сейчас сообщил, сам того не ведая, вестник? Нет, он, Суэмбахамон, всегда тщательно обдумывал все, что ни делал. И случайное раскрытие его тайны было тоже предусмотрено и продумано им. Значит, надо только следовать заранее составленному плану. Разве не стоит на Ниле давно приготовленная для бегства барка? Только быстрее, только не терять драгоценного времени!

Теперь к помощнику градоправителя великих Фив, казалось, вернулось его обычное спокойствие. Не спеша, как всегда величаво, он поднялся с кресла, подошел к окну и слегка хлопнул в ладоши.

— Упряжку с Быстрым Меру и Великолепным к выходу из сада! Быстро! — приказал он вбежавшему молодому рабу.

Что будет с женой и детьми? Об этом он еще успеет подумать в дороге. Сейчас важно одно: быстрее оказаться на корабле! И побыстрее отплыть!

Суэмбахамон позволил себе только несколько мгновений постоять перед большой скульптурной группой, изображавшей его покойных родителей. Отец и прижавшаяся к нему мать, как всегда, спокойно и благожелательно смотрели прямо перед собой, на устах их играла полуулыбка. Низко склонившись, сын отдал им последний поклон и тихо выскользнул из комнаты. Ему почудилось, что брови отца стали хмуриться, словно он начал осознавать случившееся...

Когда вельможа проходил по еще полному утренней свежести саду, он мучительно заставлял себя шествовать, как всегда, неторопливо. Никто не должен догадаться, что он куда-то спешит: ищейки суда потом будут докапываться до каждой мелочи, ничто не должно навести их на след! Жаль только, что он не сможет попрощаться с детьми... Ведь он их никогда уже не увидит! Мгновенная судорога сжала горло Суэмбахамона. Но все, что он делал, он делал для них!..

У задних ворот в почтительной позе стоял Нури — домоправитель. Он, конечно, не мог не проводить своего господина. Ну что ж, пусть он знает, куда Суэмбахамон направляется так рано утром.

— Хочу искупаться в священном Хапи. Пусть госпожа завтракает без меня!

Управляющий был слишком хорошо вышколен, чтобы выразить свое удивление причудой господина. Он согнулся в глубоком поклоне:

— Да, повелитель! — И нерешительно добавил: — Госпожа Реннеферт будет огорчена...

Не отвечая ему, вельможа вскочил на пестро раскрашенную легкую колесницу, принял из рук раба-конюха поводья. Быстрым движением он послал коней вскачь.

Улицы столицы были еще почти пусты. Лишь изредка мимо Суэмбахамона мелькали испуганные грохотом колесницы водоносы и мелкие торговцы со своими нехитрыми товарами, нагруженными на терпеливых маленьких осликов. Длинные высокие стены, ограждавшие дворцы с их службами и большими садами, постепенно стали уступать место более скромным домам чиновников, а затем появились и совсем бедные низкие лачуги, наскоро слепленные из ила и камыша. Повеяло свежестью: воды Нила, прежде отгороженные от дороги дворцовыми участками, теперь беспрепятственно оведали путников своим животворным дыханием.

Хотя движение на дороге стало более оживленным, помощник градоправителя продолжал нещадно гнать коней: жалеть их не приходилось, а кто бы ни увидел его на этой дороге, все равно не добавит ничего нового сыщикам. Трудное начнется дальше!

Еще несколько минут бешеной скачки, и Суэмбахамон начал придерживать лошадей. Вот и давно избранное им на случай несчастья место.

Торопливо сойдя с колесницы, он привязал коней к стволу высокой пальмы и спустился к воде. Если посланцы визиря не явятся к нему в дом в течение двух часов, то первую тревогу поднимут его домашние. Следовательно, в его распоряжении немногим более этих двух часов. Надо скорее уйти отсюда!

Суэмбахамон разделся и сложил свои одежды аккуратной кучкой. Все это будет не раз осматриваться и проверяться, малейшее отступление от обычного вызовет добавочные подозрения. Так, все в порядке! Конечно, удивит само купание: вельможа один, без слуг отправился в такое пустынное место, когда рядом с садом есть собственная великолепная купальня! Но и Реннеферт, и слуги подтвердят, что в последнее время он иногда проделявал такое. Вернее всего сочтут за обычную причуду, а тогда и гибель его припишут какой-нибудь случайности. А все это оттянет и запутает следствие.

Теперь надо надеть другую одежду. Из-под обломков камня, лежавших на берегу, вельможа вытащил скромное одеяние ремесленника. Оно немного пожелтело, тем лучше... Только бы не наткнулся сейчас на него какой-нибудь маджай*: такое переодевание, конечно, возбудило бы любопытство, а может быть, и вызвало подозрения. Скорее, как можно скорее! Теперь надо вымазать лицо и руки илом священной реки...

Взгляд помощника градоправителя упал на массивные кольца на пальцах. Это надо сохранить, он просто не может расстаться с ними. Как трудно снимаются! Сюда их, в набедренную повязку. Скорее, как можно скорее!

Через две минуты, бросая вокруг боязливые взгляды, переодетый до неузнаваемости вельможа быстро отошел от ставшего опасным места. Один из жеребцов упряжки, Великолепный, внезапно вскинул голову и протяжно заржал, словно прощаясь с хозяином.

Он двинулся по берегу, как бы направляясь обратно в Фивы. И это тоже было продумано заранее: если поверят, что он утонул во время купания, то тело будут искать ниже по течению. Если ищейки-маджаи все же будут разыскивать преступника, то, конечно, среди выходящих из города, а не входящих в Фивы.

Но удача в этот день не покидала Суэмбахамона. Не было видно ни маджаев, скачущих по дороге и встревоженно озирающих всех прохожих, ни плывущих в лодках его собственных слуг. Все кругом было спокойно и обыденно. А через полчаса он встретил того, о ком мечтал, не смея особенно надеяться, потому что это было самым слабым звеном в его тщательно продуманном плане, — старого рыбака. Тот сидел у лодки, печально рассматривая свой скудный улов.

— Перевези меня на берег Запада, отец, — попросил он, — мне срочно надо быть там, и я хорошо тебе заплачу!

Старик сперва посмотрел недоверчиво, но, получив вперед два медных кольца, успокоился и обрадовался неожиданному приработку. Скоро тростниковая лодчонка уже пересекала Нил.

Рыбак ни о чем не расспрашивал Суэмбахамона, чему тот был очень рад. Вероятно, он принял его за подгулявшего накануне ремесленника некрополя. Высадив его на западном берегу, рыбак наставительно сказал ему вслед:

— Помни, что палка надсмотрщика любит гулять по спине пьяницы!

Суэмбахамон постарался придать лицу виноватое выражение и быстро удалился от берега. Но как только увидел, что перевозчик отправился в

обратный путь, он вернулся назад и через несколько минут уже стоял около своего корабля.

Это была быстроходная небольшая барка для путешествий по Нилу, внешне ничем не примечательная. Экипаж ее состоял из двух особо доверенных рабов, трех матросов и кормчего. А в двух небольших, но тяжелых сундучках, заботливо спрятанных на ее борту, заключалось теперь все богатство беглеца.

Кормчий Иринефер, казалось, совсем не удивился появлению своего господина в такой необычной одежде. Он молча склонился перед Суэмбахамоном, всем своим видом давая понять, что ждет приказаний.

— Немедленно отплываем, направление — Дельта! — отрывисто сказал помощник градоправителя. — Я отдохну в каюте.

Пока Суэмбахамон переодевался с помощью раба Кени в обычное для его сана платье, причальные канаты были отвязаны и барка устремилась в путь. Беглец улегся на ложе и попытался заснуть, но сон не шел: слишком велико еще было возбуждение.

Суэмбахамону так и не было суждено узнать, что его бегство было напрасным. Следствие по поводу разграбления царских могил началось только через месяц, когда все разговоры о его неожиданной гибели в водах Нила уже стихли. Никто из допрашиваемых не назвал его имени, потому что не знали его, а те, кто знали, благодаря своему высокому положению и щедрым подаркам сумели уклониться от следствия. Он не знал, что его жена Реннеферт и дети были обласканы фараоном после такой неожиданной и нелепой гибели главы семьи. Суэмбахамон так никогда и не узнал, что он бежал напрасно!

ГЛАВА II

ГРАБИТЕЛИ ЦАРСКИХ МОГИЛ

НИЛ.
ЕГИПЕТ.

Был доставлен Аменпанефер, сын Инхернехета, мать его Мери из Куша, каменосечец храма Амона, подведомственный первому жрецу Амона. Он был допрошен избием палкой и выламыванием рук и ног.

Он сказал: «Я отправился к гробницам Запада Города с ворами, уже бывшими вместе со мной у гробниц Запада Города. Мы унесли то серебро и то золото, которое было найдено нами в гробницах, и жертвенный сосуд, найденный нами в них. После того как мы схватили мои медные зубила в наши руки, мы открыли саркофаги медными зубилами, бывшими в наших руках. И мы унесли внутренние деревянные гробы, в которых было золото, и мы взломали их; и мы предали их огню ночью внутри гробниц; и мы собрали то золото и то серебро, которое было найдено в них; и мы его украли; и мы разделили его между собой».

(из протокола допроса обвиняемых в ограблении гробниц шестнадцатый год царствования Рамсеса IX¹)

Лежа у себя в каюте, Суэмбахамон мысленно перебирал все звенья злочастной цепи событий, начавшихся так невинно...

А началось все с того, что могущественный Павераа, правитель западной части Фив, начальник охраны всех царских кладбищ, как-то показал ему массивный анх* на изящной, но тоже массивной цепи. Обе вещи были из золота с невиданным дотоле Суэмбахамоном красивым розоватым оттенком. Помощник градоправителя не был, как некоторые вельможи, особым любителем или знатоком старины, но он невольно отметил и древность изделий, и редкий, энергичный и грубоватый стиль работы. Особенно же его привлек необычный цвет металла.

Хотя Суэмбахамон и скрывал это, настоящей страстью и влечением в его жизни было золото. Блеск и неповторимая приятная тяжесть этого драгоценного металла околдовывали его, и он мог часами сидеть, переключая из ладони в ладонь массивный золотой слиток, чувствовать его гнет, любоваться переливами света на его отполированной поверхности (поэтому он и не любил вещей с гравировкой или инкрустациями). Редкие цвета — зеленое, розовое, белое золото² — приводили Суэмбахамона в неистовый восторг.

Когда он, замороженный цветом золота, спросил Павераа, откуда у него такие вещи, начальник некрополя ответил неопределенно, что это, мол, чей-то подарок, а чей, он не помнит. В конце же дружественной беседы, длившейся около двух часов, тот вдруг сказал: «Мне показалось, что тебе понравился анх. Прими его от меня в подарок, я буду рад, если ты согласишься. Но прошу об одном: не надевай его при торжественных выходах!»

¹ Перевод Н. С. Петровского.

² Древнеегипетские ювелиры с помощью особых присадок умели придавать золоту разные цвета.

«Здесь-то я и должен был заподозрить что-то неладное, — мысленно сокрушался теперь Суэмбахамон. — Если бы я отказался от такого щедро-го и неожиданного подношения, все пошло бы по-другому. Но увы, я, как жадная обезьяна, хватающая финик, принял анх!»

Да! Старинный «знак жизни» был всего лишь приманкой, а он, как глупая рыба, проглотил ее и оказался на крючке. Теперь опытному рыбакову оставалось только немного поводить добычу, перед тем как вытащить ее из воды. А Павераа был опытным ловцом слабых душ.

Когда через месяц по столице поползли слухи о том, что неизвестные грабители взломали и разграбили гробницу царевны Тахордуэнист, Суэмбахамон по-настоящему испугался. Теперь он понял, откуда был анх. Он запрятал драгоценность в тихом уголке своего загородного сада и с трепетом стал ждать неприятностей.

Однако ничего не случилось. Слухи о грабеже постепенно стихли, а вскоре все Фивы заговорили о ссоре начальника некрополя Павераа и наместника города Небмаатранахта. Причины ее были неясны, и остроумцы столицы изошрялись в самых разнообразных догадках. Сам наместник как-то доверительно сказал Суэмбахамону, что подозревает Павераа в омерзительных делах.

Приблизительно еще через месяц высокий и плечистый детина с неприятным лицом, несмотря на все трудности, добился приема у заместителя градоначальника. Он сказал, что у него срочное и секретное сообщение. Когда писец, повинуясь знаку Суэмбахамона, вышел, посланец положил к ногам вельможи небольшой сверток и, шепнув: «Павераа шлет тебе семена вечного лотоса», исчез.

Суэмбахамон с трудом донес домой этот сверток. Он уже догадывался, что в нем находится. Закрывшись в спальне и приказав себя не тревожить, вельможа вскрыл неожиданное подношение. В нескольких слоях плотного полотна были завернуты десять кирпичиков золота. Все они были, как видно, очень высокой пробы: очевидно, вещи, пошедшие на переплав, были взяты из древних гробниц, когда еще не употребляли различных сплавов.

Суэмбахамон был обрадован вдвойне. Во-первых, он увеличил свое сокровище. С нежностью вельможа укладывал кирпичики в огромный ларь кедрового дерева, стоявший около его ложа. Во-вторых, хотя на слитках не было обычного знака «нефер» — «доброе», указывавшего на то, что золото прошло проверку в государственной сокровищнице, все же это был металл, а не изделия из него. Следовательно, размышлял помощник градоправителя, уличить его по этому золоту никак нельзя. В тот вечер он был особенно ласков со всеми домашними.

Через два дня Суэмбахамона пригласил к себе в гости начальник закровов фараона Мааннахтуф. Только когда любезный хозяин, показывая гостю сад, привел его в уединенную беседку, где сидел Павераа, и, извинившись, покинул их, помощник градоправителя понял, в чем дело.

Павераа был на этот раз немногословен и энергичен. Он уже не разливался в длинных речах, как в предшествующую встречу.

«Получил ли ты золото, которое я послал тебе с Хонсуэмхебом?» — сразу же спросил начальник некрополя, опустив обычные приветствия.

«Да!» — ответил смущенно Суэмбахамон, поняв, что посетивший его детина и был этим самым Хонсуэмхебом.

«Хорошо! Каждый месяц он будет доставлять тебе на дом такое же количество — по десять дебен* золота. Подумай, как и где ты будешь встречаться с ним. Вот как высоко ценю я нашу дружбу. Но конечно, знать о ней не должен никто: это ни к чему. Кстати: ты часто видишься с Небмаатранахтом, не было ли у вас разговора обо мне?»

С несвойственным ему смущением, запинаясь, Суэмбахамон рассказал Павеера о своей беседе с чати*.

«Ну, в этом ничего нового для меня нет, — заметил хладнокровно начальник некрополя, — но если ты, почтенный Суэмбахамон, услышишь от Небмаатранахта что-либо важное для меня, ты, конечно, не откажешься сообщить мне об этом, как другу! — И затем, пригнувшись, почти касаясь лица собеседника, Павеера добавил тихо: — Не бойся! Никто и никогда не узнает, откуда у тебя это золото! Если же вдруг сверх ожидания возникнет какая-то опасность, я пришлю к тебе гонца со словами: «Сокол взлетел!» Запомнил? «Сокол взлетел!» Это будет сигнал опасности. А теперь прощай! Не следует, чтобы нас видели вместе!» Начальник некрополя бесшумно исчез за виноградными лозами, оплетавшими беседку, а Суэмбахамон долго еще сидел на скамье, растерянный и взволнованный.

Из него сделали платного соглядата! Он, один из вельмож двора фараона, чья жена — певица великого бога Амона, стал шпионом у грабителя, у гнусного осквернителя царских могил! Может быть, завтра осквернители проникнут и в гробницы его собственных предков! Нет, конечно, они этого не сделают, Павеера такого не допустит! Уж он-то знает, чьи могилы будут грабить, а может быть, и сам указывает какие? Не в его интересах раздражать Суэмбахамона, недаром он так щедро вознаграждает его за молчание. Да, именно за молчание, ведь он, Суэмбахамон, ничего полезного ему не сделал, даже не сказал ничего нового...

Постепенно краска вернулась на щеки вельможи. Он глубоко вздохнул, сорвал цветок, рассеянно понюхал. Мысли потекли спокойнее.

Да, осквернение гробниц — дело ужасное, поступок, который мерзок небесам. Но можно ли назвать Павеера первым, кто осмелился на такое? Суэмбахамон вспомнил рассказ своего прадеда, который в молодости исполнял приказ самого великого фараона Усермаат-Расетепенра-Рамес-су-Мериамона. По повелению благого бога¹ прадед устроил каменоломню из пирамиды фараона Снофру в городе Джед-Снофру и возил оттуда плиты для построек царя в Нен-Несут. Выходит, даже великий повелитель Египта был осквернителем покоя древних властителей. Ибо, успокаивал он себя, в глазах богов одинаковая мерзость: отнять у покойного золото или камень. А сам он, Суэмбахамон, ни разу не коснулся (и не коснется!) своими руками чужого праха. Это делают другие, на их плечи и головы ложится тяжесть греха. Золото, приходящее к нему, неизвестно какого происхождения. Может быть, Павеера даже отдает ему свои слитки, доставшиеся ему в наследство!

¹ Умерший фараон обожествлялся и получал название «благого бога».

Окончательно успокоив сам себя, Суэмбахамон вышел из беседки и с любезной улыбкой на губах отправился разыскивать Мааннахтуфа. На пиру он был весел и разговорчив, и никто не заметил, что в этот раз он выпил вина больше, чем обычно.

И все-таки разговор с начальником некрополя не выходил из головы хитрого и трусливого вельможи. Суэмбахамон стал вынашивать план своего спасения на случай, если эта позорная история откроется и его имя будет смешано с грязью. Среди других решений лучшим ему казалось тайное бегство в Дельту, под покровительство Несубанебджеда. Обстоятельства, казалось, благоприятствовали ему. Повелитель Нижнего Египта, могущественный фараон Дельты Несубанебджд, после многочисленных подарков и кое-каких услуг вот уже два года называл себя другом фиванского вельможи и, непрестанно посылая гонцов с письмами, звал его к себе в гости.

Однако Суэмбахамон не торопился расстаться с родным городом. Причиной тому было не только время, постепенно рассеявшее его страхи, но и золотые слитки, регулярно отяжелявшие его сундуки.

Два раза помощник градоправителя узнавал, что Небмаатранахт засылал в некрополь своих шпионов, и сообщал об этом Павераа через верного Хонсуэмхеба. Не удивительно, что ищейки пропадали бесследно. Правитель города не понимал, почему срывается задуманное, и приходил в неистовство, но заподозрить своего помощника не мог.

И все-таки содеянное вскрылось! Каким образом? Суэмбахамон беспокойно заворочался на своем ложе... Впрочем, какое это имеет теперь значение? Сейчас важно одно: быстрее достигнуть владений Несубанебджеда. Только там он будет в безопасности.

Интересно: кто будет судьями при расследовании грабежа гробниц? Конечно, сам Небмаатранахт, затем великий дворецкий, опахалоносец фараона Иниса, еще кто-то из царских писцов... Суэмбахамон вспомнил клятву, которую должен был принести всякий, выступающий по такому судебному процессу. Торжественные и суровые слова звучали в его ушах: «Как существует Амон, как существует правитель, да живет он, здравствует и благоденствует! Если будет обнаружено, что я общался с грабителями из числа этих грабителей, да буду я изувечен...»

Холодный пот покрыл все тело Суэмбахамона. Видение суда устрасило его. Разъяренный градоправитель — его помощник оказался предателем! — не поскупится на самые изощренные пытки. Беглецу показалось, что даже корабль замедляет свой ход. Скорее, скорее выбраться из пределов Египетского царства!

В дверь каюты просунулась голова раба Пенниута.

— Угодно ли господину обедать?

После молчаливого кивка Суэмбахамона раб исчез и скоро вернулся с подносом. На плоских деревянных блюдах лежали две холодные жареные утки, овощи, фрукты, стояли кувшины со сладким вином и водой. Только после первой чаши и ложки редьки в меду вельможа почувствовал острый голод и вспомнил, что за целый день еще ничего не ел. Все кушанья показались ему необыкновенно вкусными, и блюда скоро опустели. Отяже-

левший от еды и вина Суэмбахамон снова прилег на ложе и незаметно для себя уснул.

Спал вельможа долго. Когда он проснулся, в каюте уже было темно. Покряхтывая, Суэмбахамон выбрался на палубу. Корабль продолжал свой неустанный бег на север; рулевой чуть слышно мурлыкал себе под нос незатейливую песенку. Все вокруг было тихо и безмятежно. Медленно проплывали назад темные купы рощ на берегах, иногда вспыхивали одинокие огоньки селений.

Полный Неферхотеп-Хонсу* спокойно сиял с неба. Серебрился под его лучами Хапи. И вдруг сердце Суэмбахамона сжала острая тоска, она была почти физически ощутима, как боль. Ведь через несколько дней он навсегда расстанется с этим привычным миром, в котором он родился, вырос и надеялся умереть! Никогда, никогда больше он не увидит Хапи, не напьется его сладкой воды. В удачу, выпавшую некогда беглецу Синухету¹, вельможа не верил. Такие поступки не прощаются!

Суэмбахамон резко повернулся и вошел в каюту. Он впервые почувствовал на своих глазах горькие слезы изгнанника.

¹ В древнеегипетской повести о Синухете рассказывается, как приближенный фараона, убоявшись гнева своего повелителя, бежал в пустыню, долго прожил среди кочевников, но потом был прощен, снова призван в Египет, где и обрел прежнее благополучие и счастье

ГЛАВА III

ИСПЫТАНИЕ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Они были флейтистами, певцами, стрелками из выдувной трубки, художниками, скульпторами, резчиками по камню, ювелирами.

«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Туг-Ансенг волновался. Юноша не замечал ни свежести раннего утра, ни ласкового ветерка, обдувавшего его разгоряченные щеки. Сегодня у него был очень важный день: ему должны поручить изготовить вещь, после которой его будут считать уже не учеником, а мастером. Какое ответственное дело! Справится ли он? И что будет с ним, если его постигнет неудача?

Только после полудня юношу призвали к дому начальника скульпторов. В тени строения на большой циновке сидели пять самых уважаемых и старых мастеров, в том числе и Ах-Шооч, наставник Туг-Ансенга. По его обычно спокойному лицу было видно, что и он сам сильно взволнован. Такое испытание бывает раз в жизни, и по работе ученика судят, каков и его учитель. Ведь создать произведение искусства — это одно, а научить этому — совершенно другое.

Ах-Шакан, начальник скульпторов Ниваннаа-Чакболая, внимательно оглядел склонившегося в глубоком поклоне Туг-Ансенга, почему-то покачал головой и, помедлив, сказал:

— Скоро закончатся твои годы учения, о юноша! Семь долгих лет ты впитывал знания от твоего учителя Ах-Шооча. Теперь тебе настало время доказать всем нам, что ты учился не напрасно и овладел всем, что мог дать тебе наставник. Песок быстро впитывает воду, но так же быстро она и уходит из него. Труднее насытить водой глину, но она прочно держит жидкость, особенно если ее обжечь. Теперь мы увидим, из какого материала тебя создали боги...

Он оглянулся на мастеров. Старики утвердительно закивали головами. Лишь Ах-Шооч оставался недвижим, лицо его застыло каменной маской.

Сделав паузу, Ах-Шакан продолжал:

— Сейчас я вручу тебе прекрасное изделие камнерезов. Много дней провели они, обрезая, обтачивая и шлифуя этот великолепный и драгоценный камень. Теперь настала твоя очередь. Ты должен украсить этот пред-

мет своим рисунком и вырезать его уверенно и осторожно. На нем надо изобразить священного младенца. Срок для работы дается тебе небольшой — полторы луны¹. Через этот промежуток времени мы снова соберемся здесь и примем от тебя выполненное... Работая, ты все время должен помнить, что топор — это триединое целое. Он — орудие в руках бога дождей, следовательно, податель влаги, благодаря ему податель нашей жизни обрел первое кукурузное зерно — пищу для человека. Но топор и орудие смерти. И нефрит тоже триединство. Он — символ воды, зеленой растительности, но он же и кровь! Помни об этом непрестанно!

Ах-Шакан развернул белую тряпку, лежавшую у него на коленях, вынул из нее какой-то предмет и протянул испытываемому.

Это был продолговатый топор из великолепного сине-голубоватого нефрита. Камнерезы действительно изготовили его на славу. Острия, плавно изогнутого, страшно было коснуться, а шлифовка была такой совершенной, что орудие казалось влажным, словно окунутым в воду.

Темный румянец пополз по щекам юноши. Ему доверили такую вещь! Туг-Ансенг знал, что, если он испортит топор, не хватит труда всей его жизни, чтобы заплатить за него.

Один из мастеров наклонился вперед и что-то шепнул на ухо Ах-Шакану. Тот добавил:

— Это священная вещь, и предназначена она для самых великих и тайных обрядов. Поэтому, чтобы не осквернить ее, ты пройдешь очищение, тебя запрут в хижине в лесу, и никто в это время не должен видеть ни твоей работы, ни твоего лица. Пищу тебе будут приносить к порогу ночью. Когда пройдет необходимый срок, за тобой придут. Прощай, о Туг-Ансенг, мы все желаем тебе упорного труда и удачного завершения!

Юноша осторожно завернул драгоценность в тряпку и, отвешивая поклоны, удалился. Мастера молча смотрели ему вслед.

— Он справится, — произнес наконец один из стариков, — видно, что он выполнит задание.

Ах-Шакан снова покачал головой. Чувствовалось, что его одолевали сомнения, но сказать об этом вслух он не решался: в такой ответственный момент неосторожное слово могло принести облако неудачи испытываемому.

Вечером того же дня четверо младших жрецов отвели Туг-Ансенга в глубь леса, где уже была сооружена легкая временная хижина, почти шалаш. После необходимых церемоний очищения, когда его окурили травами и окропили священной водой*, юношу оставили одного. На чисто выметенном и посыпанном крупнозернистым розоватым песком полу хижины были разложены на циновке все необходимые инструменты — резцы, бамбуковые сверла. Скромное ложе из свежих ветвей было покрыто грубой тканью, рядом лежала еда на сутки. Снаружи, по углам сооружения, дымилась четыре курильницы, благовонный дым должен был отгонять злых духов.

Эту первую ночь и половину следующего дня Туг-Ансенг бездействовал. Он был в полном отчаянии и даже ни разу не взглянул на топор, положен-

¹ Примерно сорок три дня.

ный им в самый дальний угол жилища. Ему казалось, что он ничего не сможет сделать, все его знания, опыт и воображение словно улетучились. Только в следующий полдень после короткого полчасового сна на солнце он наконец решился взять в руки топор. И снова безупречный блеск камня, совершенство формы привели его в отчаяние. Горечь комом стала в горле. У него никогда не хватит смелости провести резцом хотя бы раз по этой великолепной гладкой поверхности! Он сразу же все испортит!

С ощущением полной беспомощности и безнадежности своего положения юноша улегся внутри хижины и после долгого и бесцельного рассматривания звезд, видневшихся через плетенку из тростника, заменявшую в хижине крышу, наконец крепко заснул.

Туг-Ансенг спал долго, он проснулся лишь перед самым восходом солнца. Лес был заполнен криками птиц. Изредка слышался голос обезьяны-ревуна, еще не улегшейся спать. Перед входом юноша заметил три тыквенные чаши с едой. Кукурузная каша в одной из них была еще теплой, и ее запах приятно шекотал ноздри. Ученик скульптора сразу вспомнил, что он еще ничего не ел с утра позавчерашнего дня. Быстро покончив с кашей, Туг-Ансенг съел всю еду, что была в хижине, слегка стыдясь чувства пробудившегося голода. После этого он снова улегся на циновку...

Проворочавшись в течение получаса с боку на бок, Туг-Ансенг встал и опять развернул камень. Он долго вглядывался в его поверхность, но струившиеся в прозрачной глубине нефрита прожилки ничего не подсказали ему. А ведь он как-то должен использовать их в своем рисунке. Хороший мастер обязан видеть все особенности камня, должен суметь выявить их, а не заглушить. А вот этот кружок почти в самом центре топора — что с ним делать?

Туг-Ансенг отложил в сторону драгоценный предмет и бессмысленно уставился на яркую весеннюю зелень леса. Он словно чего-то ждал. Текли минуты, но юноша не двигался и по-прежнему смотрел в одну точку.

И вдруг — о чудо! — перед его невидящим взором словно всплыл, сложившись из узора переплетенных ветвей и лиан, какой-то рисунок. Это был Кыахоль-Болай — предок ольмекского народа, божественный младенец, полуягуар-получеловек. Но в этот раз он виделся Туг-Ансенгу вовсе не милостивым, хотя из его головы и вырастал длинный стебель кукурузы — символ его доброты. Нет, Кыахоль-Болай явно сердился, и его полураскрытый рот словно издавал недовольное рычание. А кружок в камне оказался просто крупной серьгой в его ухе!

Туг-Ансенг на мгновение закрыл глаза, чтобы лучше удержать видение, а затем опрометью бросился к циновке с инструментами. Конечно, здесь лежала гладко выструганная дощечка и несколько хорошо отоженных мягких угольков. Промелькнула в голове благодарная мысль о заботливости учителя: он предусмотрел все! Но она быстро исчезла, потому что в мозгу молодого скульптора все ярче вырисовывался облик божественного младенца. Рука будто летала над дощечкой, пытаясь закрепить в рисунке найденный образ. Юноша стирал проведенную линию и снова проводил ее, в нетерпении крошил уголек, слишком крепко нажимая на него, быстро брал следующий...

Действительно, Кыяхоль-Болай получался совсем не такой, как обычно изображали его мастера. Голова была повернута в профиль, что помогло выявить недовольный или грозный оскал божества, ноздри трепетали от гнева. Тела видно не было, Туг-Ансенг нарисовал только украшенную браслетом правую руку, крепко прижатую к груди... Из головы появлялся толстый кукурузный стебель — обычный символ божественного младенца...

Композиция на оборотной стороне сложилась в сознании сразу: она должна была изображать схватку двух сил — добрых помощников Великой Матери богов и их противников, слуг страшного Сердца земли. Вооруженные палицами, они яростно сражались друг с другом. Но исход битвы был уже предreshен заранее: несмотря ни на что, Кыяхоль-Болай появится и принесет людям обильную пищу...

С этого часа молодой скульптор не замечал ничего, кроме работы. Лихорадка творчества захватила его полностью. Он машинально ел; охваченный усталостью, засыпал на несколько часов, не выпуская из рук топора. Рисунок с дощечки был перенесен на поверхность камня при помощи замешанной на смоле красной краски, и юноша работал резцами, высверливал углубления бамбуковыми трубочками, заменявшими сверла, полировал готовые части изображения мягкой пемзой и тонко выделанной шкурой мертворожденного олененка. Он забыл все, в том числе и счет дней...

Когда работа была закончена, Туг-Ансенг бегло оглядел ее и, завернув снова топор в тряпку, положил драгоценный предмет около пустых чаш изпод еды на пороге хижины. Странное безразличие и какая-то опустошенность овладели юношей. Теперь он ясно видел все недостатки своего произведения, но ни за что не смог хотя бы еще раз прикоснуться к нему. Молодой скульптор с наслаждением выкупался в протекавшем неподалеку от его временного жилища небольшом ручье и лег спать. Впервые после начала работы юноша спал спокойно и долго.

Прислужник, приносивший по ночам пищу испытуемому, немало удивил Ах-Шакана, когда положил перед ним сверток с топором. С начала срока прошло всего двадцать дней, и работа не могла быть выполнена. «Значит, — размышлял начальник скульпторов, и лицо его нахмурилось, — юноша просто не справился с заданием и возвращает вещь в знак отказа от всех претензий. Не случайно что-то в этом Туг-Ансенге сразу не понравилось мне...»

Вдруг на лбу Ах-Шакана выступил холодный пот. Не сломал ли парень топор? При сверлении или грубом нажиме резца такие происшествия могут случиться... Что же тогда он, Ах-Шакан, скажет верховному жрецу? И начальник скульпторов мысленно проклял и Туг-Ансенга, и Ах-Шооча, уговорившего его отдать такую ответственную работу ученику, пусть и хорошо показавшему себя. Нет! Больше он никогда не будет так рисковать!

«Правда, — вспомнил Ах-Шакан, — сам великий жрец рекомендовал когда-то принять этого мальчика в обучение. Значит, и ответственность за совершенное в конечном счете лежит на самом Анаиб-Унгире». Эта мысль немного успокоила начальника скульпторов. И все-таки сколько будет лишних хлопот и волнений!

Долго, ох как долго сидел Ах-Шакан, не решаясь дотронуться до лежащего перед ним свертка. Наконец он развернул его и при первом взгляде на топор буквально оцепенел. Этот ученик, этот мальчишка оказался превосходным мастером! Он выдержал испытание, и выдержал его блестяще.

С повеселевшим лицом Ах-Шакан приказал слуге немедленно призвать сюда Ах-Шооча, а сам прикрыл драгоценность тряпицей и стал мысленно подсчитывать все приятное, что может выделить ему верховный жрец за такую быструю и великолепную работу.

Ах-Шооч не замедлил появиться. По его лицу было видно, что он не ждал ничего хорошего от этого неожиданного вызова. Ах-Шакан не отказал себе в удовольствии повторить с ним то, что пережил сам. Сперва он кратко извещил учителя Туг-Ансенга, что юноша прислал топор назад. По встревоженному вопросу: «Вещь цела?» — начальник скульпторов не без удовольствия отметил, что думают они совершенно одинаково. Он притворился, что еще не смотрел изделия, а ожидал Ах-Шооча. С позволения Ах-Шакана Ах-Шооч заметно дрожащими пальцами сдернул тряпицу. Беспокойство на его лице сменилось живым интересом, удивлением, а потом — глубоким удовлетворением. Оба скульптора долго смотрели на лежавший на земле топор. Наконец Ах-Шооч поднял его и еще раз тщательно осмотрел со всех сторон.

— Мне кажется, что испытание он выдержал, — нарочито сдержанно произнес Ах-Шооч, — очевидно, избранный для работы месяц был благоприятен...

Теперь Ах-Шакан мог уже не скрывать своих чувств. Сановитость и важность сразу слетели с него, и перед Ах-Шоочем появился талантливый мастер и тонкий ценитель прекрасного.

— Выдержал? — негодуя переспросил он. — Признайся, Ах-Шооч, что ты, опытный мастер, не мог бы сделать лучше! А я, — начальник скульпторов невольно понизил голос, — наверное, исполнил бы даже хуже. Ты посмотри, какая у него сила воображения, необычна и смела композиция, и все это при такой уверенности линии. И не забудь: задание исполнено меньше чем за половину отведенного ему времени! Туг-Ансенг — прекрасный мастер уже сейчас, а в будущем — поверь мне — превзойдет всех нас! Боги щедро, очень щедро одарили его...

— Что же, — согласился Ах-Шооч, — наверное, ты прав! Кажется, этого юношу тянет к крупным формам. Работа по нефриту не его удел. И тем не менее он справился с нею отлично. Но прошу тебя, поговори с ним о своих работах и, когда представится возможность, дай ему исполнить объемное и большое произведение!

— Хорошо! — кратко ответил начальник скульпторов. — А пока давай завтра соберем старейшин, и пусть они подтвердят наше мнение.

Утром следующего дня ласковое прикосновение к плечу разбудило Туг-Ансенга. С тех пор как юноша убедился, что топор взят, он сделался вялым и спокойным. Может быть, таким образом он невольно избавлялся от творческих мук и напряжения предшествующих дней. Он предпочитал не думать, как будет оценена его работа и что ждет его в будущем.

— Учитель! — растерянно воскликнул Туг-Ансенг, быстро вскивая на ноги. — Я не ждал тебя!

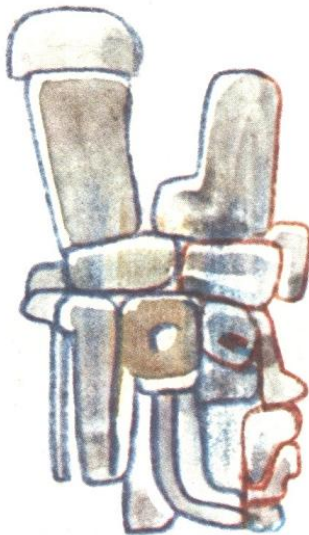
— Уже не учитель, а твой старший брат, — серьезно прои- эс Ах-Шооч. — Привет тебе, мастер скульпторов, самый молодой ваятел Иван-наа-Чакболая!

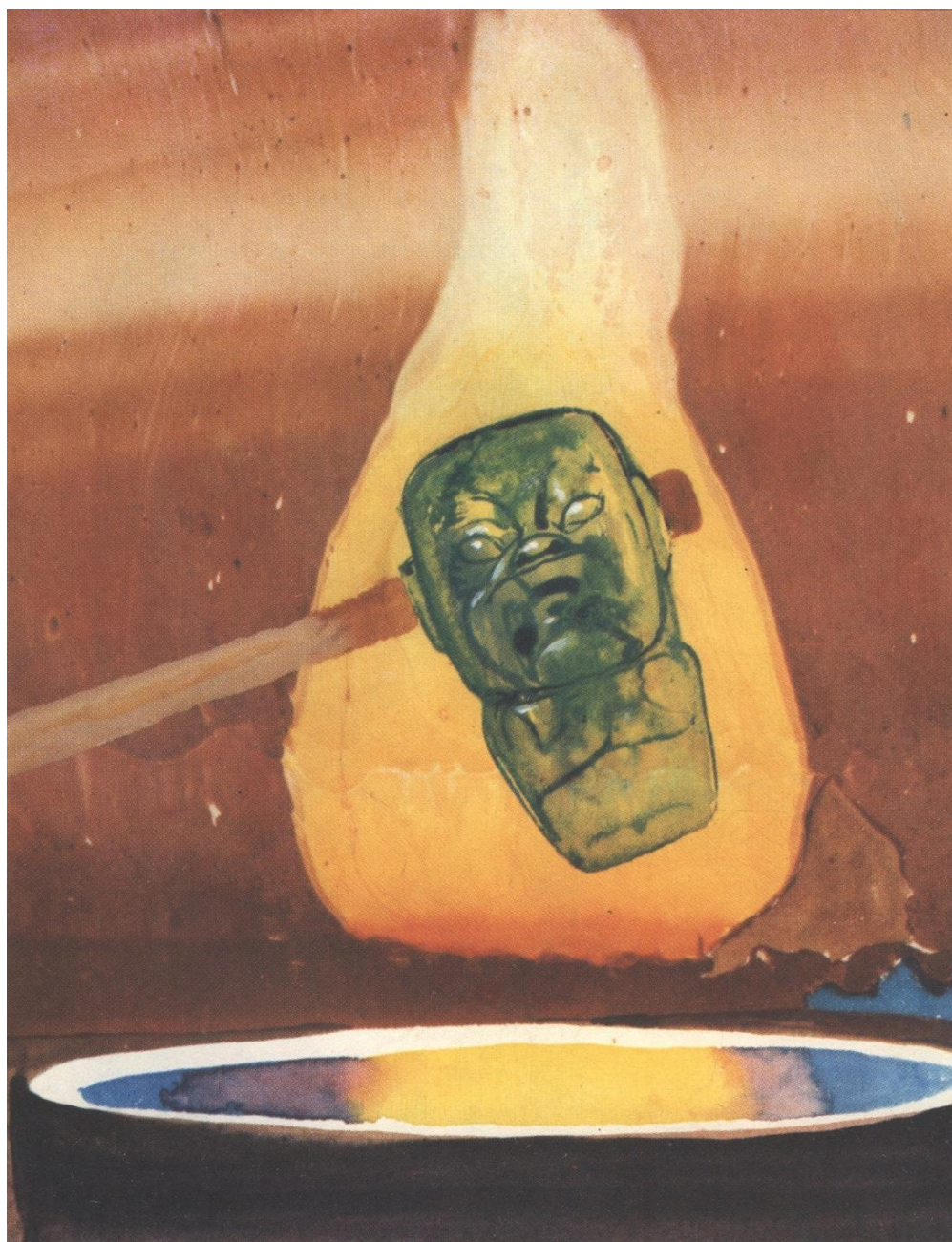
Он крепко обнял смущенного юношу и продолжал:

— Приведи себя в порядок, и идем на совет старейшин. Ты хорошо выполнил задание, и я горжусь тобой! Уверен, что сегодня тебе единогласно присудят это звание, ты доказал, что заслужил его! Но через два дня я хотел бы тебе кое-что показать и потом серьезно побеседовать. За это время ты отдохнешь и от работы, и от почестей нынешнего дня. Итак, не забудь: мы встретимся через два дня в моем доме, после того как спадет жара. А теперь иди и готовься!

Собрание мастеров высоко оценило работу Туг-Ансенга, ему единогласно присудили звание мастера. Юноша услышал много лестного. Затем последовала длительная, но волнующая церемония посвящения ученика в мастера, а после этого — празднество в доме Ах-Шакана.

К матери Туг-Ансенг добрался только поздним вечером. И Ош-Чоч, и младший брат после всех волнений этого длинного дня теперь с замиранием сердца слушали подробный рассказ юноши о всех событиях. Вопреки обычаю, они засиделись далеко за полночь, но все трое были необыкновенно счастливы.

ГЛАВА IV

СОВЕТ ЖРЕЦОВ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

И тогда все владыки собрались на совет...
«ПОПОЛЬ-ВУХ»

На следующий день Анаиб-Унгир созвал совет жрецов великого города Ниваннаа-Чакболая.

Степенно и важно входили они в большой храм при святилище богов. Первым, как всегда, явился Мишпитиакук. Он заметно потолстел за прошедшие десять лет, держал себя теперь с значительно большим достоинством, но перед Анаиб-Унгиром заискивал по-прежнему. За ним, бормоча что-то непонятное себе под нос, пришел старец Ах-Маш, как всегда рассеянный и углубленный в свои календарные расчеты. Торжественно внес свое тучное тело Нианг-Хинах, главный жрец молодого бога ишима*. Он весь излучал сияние: приближался главный праздник его божества. Высокий и худой Тумех-Цахинг, жрец страшного бога подземных недр и землетрясений, как всегда появился незаметно, казалось, он возник из воздуха. Даже жрецы сторонились его и держались с ним крайне почтительно. Окруженный толпой учеников, в зал шумно вошел Беленг-Хиш, самый молодой и блестящий среди собравшихся. Анаиб-Унгир встретил его изысканно вежливо, но сразу было видно, что они недолгобливают друг друга, как это часто бывает у соперников. Верховная служительница Матери богов Текайма-Пойа, носившая одно из имен своей богини — Иш-Кан-Леош, вошла медленно и как будто неохотно: очевидно, предстоящие разговоры совсем не радовали ее. К ней сразу же направился Беленг-Хиш, они уединились в наиболее удаленном от Анаиб-Унгира уголке и начали перешептываться. Ученики и прислужники бога солнца почтительно стали в отдалении, образуя что-то вроде живого занавеса, отделявшего беседующих от верховного жреца.

Последним в зале появился правитель Ниваннаа-Чакболая, мужчина средних лет с худым, озабоченным лицом. Сложная татуировка испещряла его щеки. Отвечая на почтительные поклоны собравшихся, он подошел к Анаиб-Унгиру и после нескольких приветственных слов уселся на единст-

венное в зале сиденье. Повелитель страны был одет в простую белую накидку безо всяких украшений. Не сопровождал владыку и никто из вельмож: на этой беседе из-за ее исключительной важности могли присутствовать только посвященные высокого ранга.

Убедившись, что все приглашенные уже находятся в зале, Анаиб-Унгир начал тихим голосом свою речь.

— Мы собрались здесь, чтобы решить несколько очень важных дел, — сказал он. — Приближается срок выбора очередного лем-хоолома. Благодарный посев должен быть произведен через три года, считая от этого, но надо заранее позаботиться и о камне, и о достойном представителе. Священная игра, следовательно, должна состояться через два года. Я не ошибаюсь в своих расчетах, мудрый Ах-Маш? — обратился он к хранителю календаря.

— Нет, нет, все совершенно правильно! — рассеянно отозвался тот, не отрываясь от рукописи, которую держал в руках.

— Благодарю тебя! Итак, со сроками все ясно. Посев будет, как всегда, произведен на священном поле. Мы получили от начальника скульпторов Ах-Шакана новый топор, изготовленный одним из учеников. Если совет одобрит его, то можно будет приступить к церемонии освящения. Он ведь у тебя, почтенный Мишпитиакук? Покажи, пожалуйста, его благочестивым!

Мишпитиакук повиновался приказанию верховного жреца. Топор переходил из рук в руки, вызывая сдержанный гул одобрения.

— Великолепный нефрит, и цвет его очень подходит для священного дела! — воскликнул радостно Нианг-Хинах. — Где ты достал его, мудрый Анаиб-Унгир?

— Этот кусок давно хранился в наших кладовых, — ответил верховный жрец, — но он считался плохим из-за тусклости верхнего слоя. Я отдал его искусному камнерезу, и он выявил, что сердце у камня чистое.

Нианг-Хинах, все еще не решаясь передать топор соседу, задумчиво взвесил его на руке.

— У него и тяжесть, необходимая для великого обряда, и изображения очень хороши! — заявил наконец он. — Я думаю, что мы можем принять его и освятить!

Предложение жреца молодого бога кукурузы было принято остальными без возражений. Только Тумех-Цахинг сердито сверкнул глазами и поджал тонкие губы, но не промолвил ни слова.

Приступили к освящению. Была принесена большая чаша, наполненная священной водой, разожгли высокие курильницы. Под звуки торжественного гимна, который пели все присутствующие, Анаиб-Унгир, бормоча молитвы, трижды окунул топор в чашу, а затем провел его над дымом курильниц. Его сменил Тумех-Цахинг, проделавший то же самое. Он произносил слова молитвы энергично и отчетливо.

Пение гимна прекратилось. Все собравшиеся молча и настороженно следили за выполнявшими обряд. Малейшее упущение в ритуале — и бесценная вещь станет бесполезной. И тогда таким топором можно будет только рубить деревья...

Последнее трехкратное погружение совершил Нианг-Хинах, но уже моляся про себя. Наконец на широкой полосе зеленой ткани топор поднесли к правителю, и он прикоснулся к нему правой рукой. Освящение было закончено. Верховный жрец передал священный предмет Нианг-Хинаху, в храме которого топор должен был сохраняться до необходимого времени.

— Кто же будет избранником? — вдруг спросил Беленг-Хиш, и в его голосе послышалась скрытая насмешка. — Ты, как всегда, уже позаботился и об этом, мудрый Анаиб-Унгир?

К немалому удивлению присутствующих, верховный жрец кратко и спокойно ответил, что об этом не задумывался и что поиски будут производить, как и следует по установлениям, жрецы бога ишима. Нианг-Хинах засиял от удовольствия; Мишпитиакук, хотя и знал нечто большее, не пошевелил ни одним мускулом лица при неожиданном заявлении Анаиб-Унгира. Только Беленг-Хиш был явно недоволен сдержанным ответом верховного жреца, казалось, он искал повода для ссоры. Но в этот раз он промолчал. Тогда в поддержку жреца солнечного божества неожиданно выступила Иш-Кан-Леош. Правда, внешне ее речь не имела ничего общего со словами Беленг-Хиша.

— Старые обычаи приходят в забвение! — гневно провозгласила она. — Почему же ты, Анаиб-Унгир, не подумал и не позаботился о новом лем-хооломе? Ты — верховный жрец, и если этим не занялся Нианг-Хинах, то ты, именно ты, должен был заставить нерадивого жреца выполнить свои обязанности. Я уже не говорю о том, что Великая Мать богов давно находится в забвении. Приношения поступают в ее храм все реже и реже, благочестие среди простого народа падает. Вот уже семь лет, как Четырехликой не приносили Большую жертву. Разве не ты как верховный жрец должен был найти для богини красивую девушку? Через три месяца будет осенний праздник Текайма-Поя. Не медли, о Анаиб-Унгир, подумай об этом!

Слова жрицы сразу же были подхвачены Беленг-Хишем, который заявил, что подобные упущения недопустимы. В плавной, цветистой речи он намекнул, что совет может избрать и другого первосвященника, если Анаиб-Унгир не под силу его почетные обязанности.

Жрецы в смущении переглядывались. Открытое нападение Беленг-Хиша и Иш-Кан-Леош на верховного жреца беспокоило их: это означало, что надо принимать серьезное решение. Кроме того, прежде чем высказаться, хорошо было бы знать, чью сторону в споре возьмет живой бог — правитель Ниваннаа-Чакболая. А он пока только слушал и молчал.

Затянувшуюся паузу прервал Анаиб-Унгир. Очень спокойно, ласковым голосом, словно он говорил с балованным ребенком, верховный жрец заявил:

— Мудрая Иш-Кан-Леош совершенно права! Разве мы можем забыть Великую Мать богов перед праздником ее возлюбленного сына! Конечно, жертва будет принесена. Но искать ее не надо: ваш слуга, о мудрейшие, уже позаботился об этом. А не говорил я лишь потому, что считал уместным возвестить это в конце нашего собрания. Но воля великой жрицы Четырехликой для меня закон! Если она хочет знать имя избранницы, то она его

услышит. У скульптора Ах-Шооча, почтенного и доброго человека, есть дочь по имени Нам-Цук. Эта девушка красива и добродетельна. Она будет достойной жертвой для богини на осеннем празднике!

О словах Беленг-Хиша Анаиб-Унгир и не упомянул, словно их и не было. Иш-Кан-Леош, озадаченная таким быстрым исполнением своего требования, вопросительно поглядывала на жреца солнца. Но тот, убедившись, что большинство собравшихся не на его стороне, предпочел промолчать. Вместо него внезапно возвысил свой голос Тумех-Цахинг.

— А думает ли кто-нибудь о жертве моему господину, Сердцу земли? — с горечью спросил он. — Или сам бог должен искать себе жертву?

При этих словах все присутствующие содрогнулись: они слишком хорошо знали и страшные обряды этого божества, и суровый характер Тумех-Цахинга. И каждый, даже Беленг-Хиш, внутренне порадовался, что верховный жрец не он и что отвечать на такой вопрос придется Анаиб-Унгиру.

Но последний показал, что он достоин своего высокого сана. Не торопясь, Анаиб-Унгир сказал спокойным голосом:

— Особому подобает особое, о Тумех-Цахинг! Надо, чтобы жертва была достойна твоего бога, здесь не подобает просто какой-нибудь юноша. Будем молиться Сердцу земли и ждать его знамения. А пока я хотел бы просить тебя о другом. Знаете ли вы, мудрые, — обратился он ко всем присутствующим, — что в селении Тахкум-Чаканг, совсем рядом со столицей, обнаружен молодой земледелец, почти каждодневно предающийся страшному греху — пьянству?

Ропот удивления прокатился по залу. Все переглядывались. Действительно, наверное, близок конец света, если появляются такие нечестивцы. Неслыханно!

— Он бьет жену и даже выходит нетрезвым на улицу! — вставил Мишпитиакук.

— Ужас, ужас! — послушались возгласы жрецов. — Подумайте, к чему это может привести! Наказать! Наказать!

— Его надо немедленно достойно наказать! — горячо воскликнул Тумех-Цахинг.

— Вот об этом я и хотел просить тебя, мудрый служитель Сердца земли, — сказал Анаиб-Унгир. — Возьмешься ли ты за исправление нечестивца?

Тумех-Цахинг радостно согласился и обещал провести церемонию в ближайшие дни. Он был явно доволен. Остальные про себя еще раз восхитились мудростью верховного жреца.

Совещание было закончено и все уже собрались расходиться, когда раздался жалобный голос хранителя календаря:

— О Анаиб-Унгир, когда же мы обсудим новый вид календаря, который я предлагаю?

Ах-Маш неожиданно повернулся к правителю:

— О великий! Нельзя жить при таком несовершенном летосчислении. Подумай, через каждые сто четыре года обозначения повторяются...

Правитель бесстрастно окинул взглядом фигуру жреца и ничего не ответил. Тогда поспешно вмешался Анаиб-Унгир.

— Я обещаю тебе, мудрый Ах-Маш, что при следующей встрече мы обстоятельно обсудим предлагаемое тобой нововведение, — сказал он. — Эта тема слишком значительна, чтобы заниматься ею наспех. Ты приготовишь нам в письменном виде все расчеты...

Хранитель календаря покорно выслушал решение верховного жреца, повернулся и, еще больше сгорбившись, направился к выходу, но его тут же догнал Беленг-Хиш.

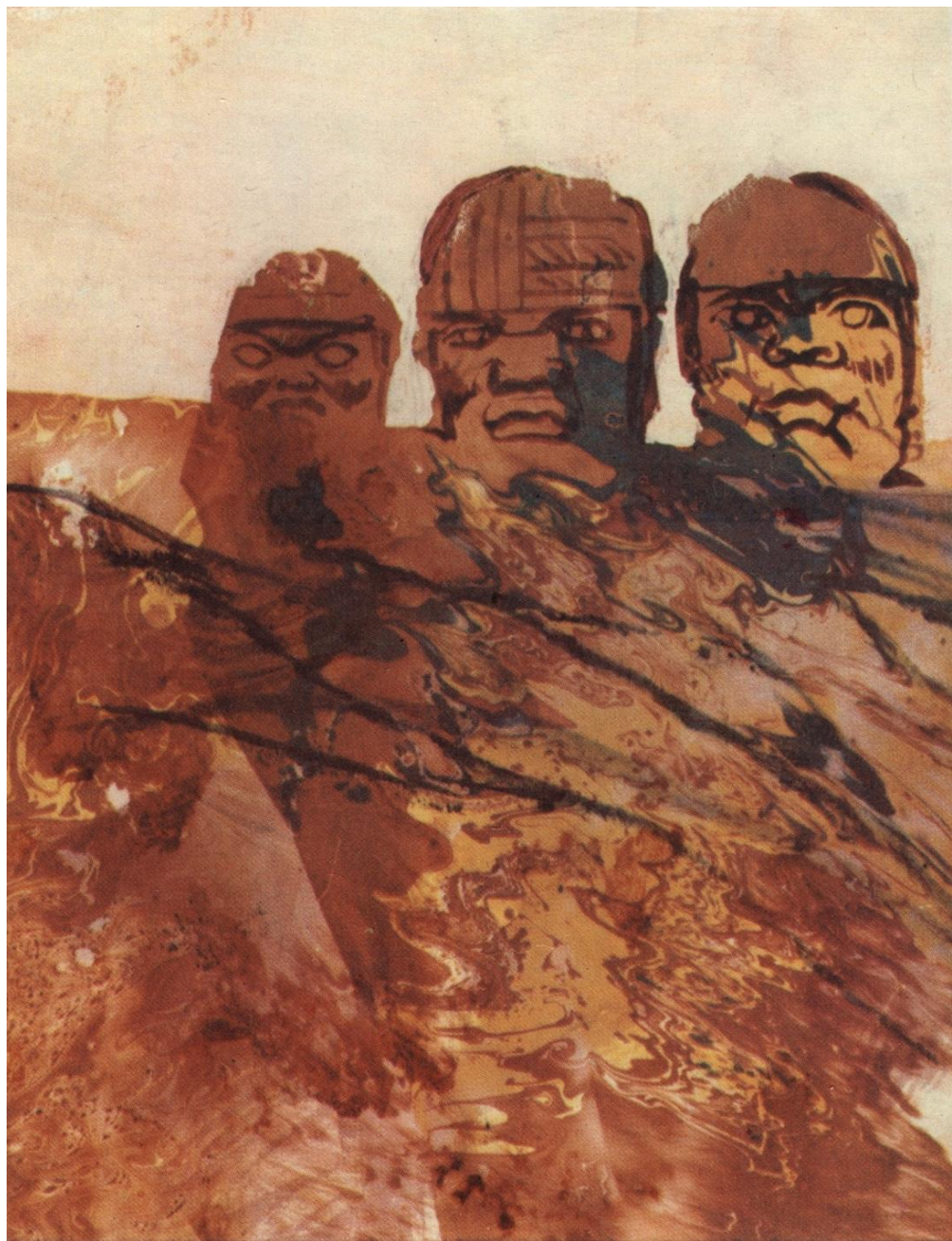
— Как ты думаешь, мудрый Ах-Маш, сочетать священный круг с большим периодом? — спросил он. — Это меня очень интересует! Не сможешь ли ты мне хотя бы вкратце рассказать о твоих замыслах...

— Основная мысль моя состоит в следующем, — обрадованно заговорил старый жрец. — Природа времени не кругообразна, не циклична, как мы думаем. Иными словами, время не замкнутое кольцо, а бесконечная лента, тянущаяся от прошлого к бесконечному будущему...

— Очень глубокая мысль, — сказал торжественно Беленг-Хиш, хотя по выражению его лица было ясно, что он ничего не понял.

Обрадованный хранитель календаря, крепко уцепившись за руку жреца солнца, на ходу продолжал с жаром что-то объяснять ему. Странная пара вышла, провожаемая неотрывным взглядом Анаиб-Унгира.

ГЛАВА V

ПРОГУЛКА С УЧИТЕЛЕМ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Камни стен, изваянья немые из яшмы льют без-
молвье на площади...

Р. ОБРЕГОН МОРАЛЕС. ГРОМКOE БЕЗМОЛВИЕ

С невольной робостью Туг-Ансенг приближался к дому своего учителя. Он и раньше неоднократно бывал там, но теперь, смущенный своим новым званием и предстоящей беседой, чувствовал себя очень неловко.

Около дома юношу встретила дочь Ах-Шооча, Нам-Цук, и застенчиво поздравила его с удачным завершением испытания. Туг-Ансенгу уже давно нравилась эта тоненькая хрупкая девушка, бесстрашно взявшаяся за хозяйство, когда Ах-Шооч потерял жену, но он никогда не решался подолгу разговаривать с ней при прежних посещениях дома. То ли на него невольно подействовало полученное им звание мастера, то ли подтолкнула на это явная радость, светившаяся в глазах Нам-Цук, но в этот раз их разговор оказался более продолжительным. Ни с кем, даже с матерью и братом, Туг-Ансенг не говорил так откровенно. Он рассказал девушке о первых днях отчаяния и неверия, когда оказался в лесной хижине, рассказал о радости и трепете внезапного озарения. Сочувственные вздохи и возгласы Нам-Цук подбодряли его. Они настолько увлеклись разговором, что только голос Ах-Шооча из глубины дома, осведомившегося, с кем она говорит, заставил их опомниться. В смущении юноша торопливо попрощался с дочерью мастера и поспешил в дом.

Ах-Шооч, однако, не выразил никакого недовольства. Он ласково приветствовал Туг-Ансенга, усадил его на циновку и после нескольких обычных слов начал торжественно и серьезно:

— Каждый мастер не может быть безграничным в своем творчестве, иначе он ничего не достигнет. Чем раньше молодой ваятель осознает свое истинное призвание, тем лучше, тем плодотворнее будет его работа. Перед тобой, Туг-Ансенг, начало большой дороги, и ты уже сейчас должен выбрать, по какой стороне тебе следует идти! В нашем деле можно всю жизнь заниматься резьбой по нефриту, обсидиану, серпентину, аметисту, халцедону и другим замечательным породам камней, можно изготавливать из этих материалов статуэтки божеств, магические орудия жрецов и различные

амулеты. Меня это особенно привлекало. Прошедшее испытание показало, что и ты здесь не лишен способностей. Но есть и другое... Многих мастеров привлекают большие по размерам произведения: стелы, алтари...

— Учитель, — горячо воскликнул Туг-Ансенг, — я давно уже думал об этом! Не случайно я растерялся, когда узнал, что мне предназначено в качестве испытания украсить топор...

— Подожди, Туг-Ансенг, — прервал его Ах-Шооч, — не торопись с ответом! Прежде посмотри некоторые мои работы по нефриту, затем мы совершим прогулку к храмам. И только потом ты ответишь на мой вопрос. Согласен?

От волнения у юноши пересохло в горле, и он только кивнул.

— Прекрасно! — произнес Ах-Шооч. — Так мы и поступим. Сначала посмотри вот на это!

Учитель достал из неглубокой продолговатой корзины, стоявшей рядом, три небольших предмета и разложил их перед юношей. Туг-Ансенг долго глядел на них, не решаясь прикоснуться ни к одной из вещей. Наконец он осторожно взял в руки маленькую, всего в человеческую ладонь, статуэтку — изображение Кыахоля-Болая. Облик божественного младенца непривычен: без единого атрибута или символа божества. Напротив, все говорило о простом, земном и человеческом. Еще неуверенно ступающий пухлыми ножками по земле ребенок шел навстречу матери. Ручонки его были вытянуты вперед, ища успокоения и поддержки в теплых материнских руках, из широко раскрытых глаз лились крупные слезы, полуоткрытый рот, казалось, издавал жалобный плач. Переживания маленького существа, на минуту предоставленного самому себе и испугавшегося этого, были переданы столь выразительно, что не могли не потрясти молодого скульптора. Туг-Ансенг, глядя на эту статуэтку, удивился творческой смелости Ах-Шооча. Мысленно сравнивая ее со своими работами, юноша особенно остро почувствовал, как ему еще далеко до такого совершенства и мастерства.

Это чувство еще более усилилось, когда Туг-Ансенг, бережно отложив в сторону статуэтку Кыахоля-Болая, взял в руки вторую вещь — топор. На нем были выгравированы несколько изображений, имевших, очевидно, символический характер: здесь были и стилизованный початок кукурузы, из которого выходили три цветка, и боевая палица, и скрещенные руки, и три обсидиановых острия, и еще какие-то, более сложные символы... Исполнение было безупречным, размещение и группировка знаков — совершенной.

Ах-Шооч, наблюдавший за реакцией ученика, тихо произнес:

— Этот топор заказан мне правителем, да славится трижды его имя! На нем изображены события его царствования. И мне здесь далеко не все понятно, смысл этих знаков известен только посвященным. Все символы мне начертил на бумаге верховный жрец, я только сгруппировал их и перенес на камень.

Чем дольше смотрел Туг-Ансенг на топор правителя, тем тверже становилось его убеждение, что он не рожден быть мастером обработки нефрита.

Чтобы немного успокоиться, он взял в руки последнюю вещь. Это была небольшая лодка-плоскодонка, также вырезанная из нефрита. Синевато-

прозрачные бока ее невольно напоминали о воде, по которой должно было скользить суденышко, а беловатые пятна на концах камня, казалось, были нанесены мастером, а не самой природой, чтобы выделить нос и корму, украшенные тонкими врезанными рисунками. Они изображали лицо Повелительницы воды с характерным угловатым вырезом на лбу. Вся вещь, такая простая на первый взгляд, была в действительности шедевром как по замыслу, так и по исполнению.

Ах-Шооч был явно доволен и, когда Туг-Ансенг с невольным вздохом наконец отложил лодку, сказал:

— Первую вещь — статуэтку божественного младенца я делал для себя. Много лет мне пришлось отказывать во всем, чтобы заработать средства на такой большой и безупречный кусок нефрита. Но я ее никому не уступлю, хотя почтенный Анаиб-Унгир, как-то раз случайно увидав ее, сулил мне неслыханное вознаграждение. Я хочу, чтобы эта работа осталась в семье и после моей смерти как память обо мне. Правда, — его лицо при этих словах слегка омрачилось, — я не знаю, кто будет муж моей дочери. Некоторые люди ради богатства готовы на все...

Затем, словно для того, чтобы переменить тему разговора, выдававшую его постоянную заботу и показавшуюся ему слишком личной для беседы с учеником, Ах-Шооч взял в руки топор и продолжал:

— Про эту вещь ты уже знаешь. Я нарочно немного задержал ее у себя, чтобы ты смог ее увидеть. Лодка же заказана мне жрецами для святилища на острове Усокиток-Петенг, и я тоже на днях отошлю ее...

Старый скульптор замолчал и посмотрел на Туг-Ансенга, словно приглашая его высказаться. Юноша с трудом облизал пересохшие от волнения губы и произнес, запинаясь:

— Учитель, только теперь я понял, как велико твое дарование и как я не способен. Никогда не смогу я достигнуть таких высот, как бы ни старался. Нет и не может быть у меня такого понимания нефрита, как у тебя!

— Не надо спешить, Туг-Ансенг, — прервал юношу учитель. — Ты молод, ты только начинаешь работать, и никто, в том числе и ты сам, не может сказать, что будет достигнуто тобой к закату жизни. А позвал я тебя сегодня не для того, чтобы ты, смотря на чужие работы, пал духом. Наоборот, ты должен сегодня выбрать свою истинную дорогу. Поэтому укрепись духом, сейчас мы отправимся с тобой на священный участок, где ты увидишь настоящие произведения нашего благородного искусства!

Ах-Шооч заботливо убрал свои скульптуры в корзину с хлопком, поднялся и, знаком пригласив ученика следовать за ним, вышел из дома. У очага, стоя на коленях, хлопотала Нам-Цук. Увидев подошедшего с отцом Туг-Ансенга, девушка вспыхнула. На краткое уведомление Ах-Шооча, что он уходит, Нам-Цук сбивчиво произнесла, что собиралась угостить его и гостя свежими лепешками.

— В другой раз, — сказал Ах-Шооч и, видя явное огорчение дочери, добавил: — Я надеюсь, что Туг-Ансенг еще не раз придет к нам!

Не менее смущенный, чем Нам-Цук, юноша пробормотал, что он тоже надеется на это, и, бросив последний взгляд на отвернувшуюся девушку, торопливо двинулся вслед за своим учителем.

Священный участок — огромное поле около главных храмов — был расположен на плато. Когда старик и юноша, достигнув склона плоскогорья, начали подниматься вверх, Ах-Шооч, задыхаясь, остановился. Переведа дух, он сказал Туг-Ансенгу:

— Главное в нашей жизни — это труд. И хорошенько запомни: он должен быть непрерывным. Каждый день делай свое дело, пусть понемногу, но обязательно каждый день! Мне приходилось видеть прекрасных мастеров, которые, надеясь на свои способности, не работали по месяцу, а потом в течение нескольких дней пытались выполнить свой замысел. И что же? Почти всегда их работа, несмотря на все усилия, оказывалась хуже, чем скульптура не такого даровитого, но зато неустанно трудившегося человека. Рывком осилить в нашем деле нельзя ничего! Впрочем, — он топнул ногой о землю, — этот пример должен говорить тебе больше, чем все мои слова!

— А при чем здесь эта гора? — удивился Туг-Ансенг. — Какое отношение она имеет к искусству ваяния?

— Разве ты не знаешь историю нашего плоскогорья?

Ученик отрицательно качнул головой.

— Так слушай. Когда-то здесь, на этом месте, простирались огромные болота. И вот наши далекие предки начали носить корзинами землю. Каждый ольмек приносил сюда ежедневно по две корзины земли — утром и вечером. Так возникло гигантское плато — результат непрерывного труда и бесконечного терпения!

Туг-Ансенг обмяк. Мысль о том, что эта чудовищная по объему работа была выполнена человеческими руками, не умещалась в голове. Он всегда думал, что плато — творение могучего бога земли.

— А зачем надо было воздвигать такую гору? — наконец робко спросил юноша.

— Во-первых, наши предки пришли на эту равнину с гор, они хотели видеть перед собой хотя бы напоминание о своей далекой родине. А во-вторых, ты еще очень молод и никогда не видел в своей жизни наводнений. Когда боги разгневаются, они насылают на наши земли воду. И тогда все, кроме этой горы, оказывается залитым. Только здесь можно спастись от наводнения. Но пойдем, время уже позднее!

Через десять минут подъема, когда Ах-Шооч и Туг-Ансенг достигли вершины плато, солнце уже низко стояло над горизонтом. На священном участке, полностью свободном от деревьев и покрытом особой низкорослой густой травой, в разных местах и, казалось, в совершенном беспорядке стояли большие скульптуры. Косые лучи солнца хорошо освещали их.

Учитель и ученик подошли к первой — могучему алтарю, высеченному из одного гигантского куска базальта. На передней стороне его из ниши, похожей на раскрытую пасть ягуара, выдавалась монументальная статуя. «Дарователь жизни и существования» будто бы выходил из земных глубин. На вытянутых руках он держал мирно спящего младенца. Лицо божества было спокойно и благожелательно. Весь его облик словно говорил подошедшим: «Теперь вы, люди, будете жить без забот. Вот мой драгоценный подарок вам — священное зерно кукурузы, с таким трудом и опас-

ностями добытое мною в таинственных глубинах земли!» По бокам алтаря высеченные в низком рельефе фигуры жрецов благоговейно созерцали совершающееся на их глазах чудо.

У Туг-Ансенга снова захватило дух от волнения. Какая огромная работа была проделана создавшим этот памятник мастером! Опасность неверного расчета, которой он боялся при работе над топором, здесь подстерегала ваятеля на каждом шагу. Стоило ему ошибиться только в одной точке, и весь монумент был бы безвозвратно испорчен. А такую ошибку сделать очень легко: достаточно нескольких неверных ударов резцом! Юноша вспомнил, сколько нечеловеческих усилий надо затратить множеству людей, чтобы доставить сюда такую глыбу камня из каменоломен. Они расположены очень далеко от Ниваннаа-Чакболая, на склонах погасшего вулкана. Камень надо спустить по горному склону до реки, погрузить на крепкий плот и затем вверх по течению привезти в город. Нет, никакой кусок нефрита не может сравниться по ценности с этим монолитом! И в то же время Туг-Ансенг, невольно стыдясь стоящего рядом учителя, чувствовал, что именно такая работа, подчинявшая огромную неподатливую массу камня воле человека-творца, привлекала его неизмеримо больше, чем изящество и филигранная точность в изделиях Ах-Шооча. По сравнению с нефритом, здесь все было грубо, но объемно и величественно. Здесь мастер боролся с недвижимым каменным гигантом и, напрягая все силы, побеждал его, а не приспособлялся к изменчивому, как вода, характеру нефрита.

Туг-Ансенг несколько раз обошел алтарь и осмотрел скульптуру с разных точек. И всякий раз он удерживал невольно рвавшийся с его губ возглас восхищения. Какое замечательное произведение! И какой изумительный мастер! Как он умел находить такие простые и действенные решения! Если бы можно было стать его учеником!

Ах-Шооч, внимательно следивший за юношей, спросил его наконец тихим голосом, нравится ли ему эта скульптура.

— Да, — пылко ответил молодой ваятель. — Очень нравится. Кто создал этот алтарь?

— Тугрутах, он умер несколько лет тому назад. Но пойдем дальше, здесь есть и другие скульптуры, достойные твоего восхищения!

Учитель и ученик прошли мимо мелкой лагуны, в которой резвилось огромное количество жаб. На недоуменный взгляд Туг-Ансенга старый мастер кратко сказал:

— Это — священная пища жрецов, это — тайна!

Вторая вещь, к которой Ах-Шооч привел своего ученика, не вызвала у юноши особых эмоций, пожалуй, даже оставила его внутренне холодным. Это была большая статуя правителя. Он сидел, скрестив ноги, на возвышении и бесстрастно смотрел поверх их голов куда-то вдаль. В руках, опущенных на колени, покоился символ его безграничной власти — короткий жезл. Но, несмотря на все мастерство в передаче сидящей фигуры, на тонкость отделки украшений, эта величественная скульптура не вызвала никакого отклика у Туг-Ансенга. Почему, он осознать не мог.

Ах-Шооч не задал молодому скульптору ни одного вопроса и повел его дальше.

Они прошли мимо небольшого водоема, окруженного густыми зарослями камыша, и юноша увидел три больших памятника, расположенных почти рядом друг с другом.

Ничего подобного он до сих пор не видел. На гладкой красноватого цвета земле покоились три колоссальных изваяния человеческих голов в шлемах игроков в мяч. Все они изображали юношей. Казалось, эти головы принадлежали трем великанам, покоящимся где-то глубоко внизу, в земных недрах, и высунувшим головы оттуда, чтобы осмотреться. На губах юношей играла улыбка, выражение их лиц было спокойным и добрым.

— Что это, — невольно прошептал Туг-Ансенг, поддаваясь странному очарованию, исходившему от изваяний, — что это такое, учитель?

Ах-Шооч, также погрузившийся в задумчивость, когда они подошли сюда, чуть помедлив, ответил:

— Сперва осмотри их как следует. И знай, что каждое изваяние стоит друг от друга на тринадцать лет. Первое — самое недавнее, его сделал десять лет тому назад теперешний начальник скульпторов Ах-Шакан. Конечно, в исполнении, именно в исполнении, а не в замысле, ему помогали и другие мастера. Эти работы всегда бывают срочными!

Туг-Ансенг начал осмотр с левой скульптуры, самой старой. Юноша быстро подсчитал, что она была выполнена тридцать шесть лет тому назад, еще задолго до его рождения. Обойдя ее кругом, он заметил, что задняя сторона скульптуры почти не обработана: несколькими глубокими линиями были лишь помечены нижний край шлема и выступившие из-под него пряди волос. Значит, памятник был предназначен только для рассмотрения спереди. В обработке ушей и зрачков глаз явно были видны еще старые традиции, они не удовлетворяли Туг-Ансенга, воспитанного на достижениях его учителей. Средняя голова была в этом отношении лучше. Но некоторая скованность черт, необычное исполнение шлема выдавали, что памятник создан более двадцати лет тому назад.

Больше других юношу поразила голова, выполненная Ах-Шаканом. Ему казалось, что он узнал бы изображенного юношу, встретить он его в городе. Крупный короткий нос с широкими крыльями, энергичный рисунок рта со сжатыми губами, волевой подбородок, ровные полукружия бровей, широко раскрытые глаза — все это имело неповторимый живой облик. Даже в деталях украшения шлема чувствовался безупречный и строгий вкус ваятеля.

Туг-Ансенг повернулся к Ах-Шоочу.

— Больше всего мне понравилась голова, созданная начальником скульпторов, — откровенно признался он, — хотя и две предшествующие тоже работы выдающихся мастеров. Но скажи мне, учитель: почему у всех них был один, и очень странный, замысел — изобразить только голову без тела и в таких колоссальных размерах?

— Разве ты никогда не слышал о лем-хооломах? — вопросом на вопрос ответил Ах-Шооч.

— Никогда!

Старый скульптор почему-то оглянулся, хотя они были совершенно одни, и начал рассказывать приглушенным голосом:

— Это поле — священное, все памятники на нем посвящены божествам или их олицетворителям на земле (как наш трижды великий владыка) и имеют глубокое таинственное значение. Таковы и эти головы. Они изображают юношей, в которых воплощался дух молодого бога нашей священной пищи — ишима, без которого невозможно существование человека. Ты слишком молод и не помнишь предшествующего праздника в честь этого божества, он бывает раз в тринадцать лет. Жрецы, выслушав волю богов, по известным только им признакам избирают безупречного юношу; целый год он является живым богом ишима. По прошествии двенадцати месяцев здесь воздвигают его изображение, и оно своей магической силой обеспечивает нам хорошие урожаи благословенного зерна в течение последующих тринадцати лет. Это великий и торжественный праздник. Тебе недолго ждать его, он настанет через два года, и ты увидишь все обряды своими собственными глазами, ведь ты теперь взрослый и полноправный член общины. Но это еще не все. Тринадцать лет — это четвертая часть священного круга в пятьдесят два года. Когда этот цикл завершается и счет годов начинается заново, происходит великое обновление. Если жрецы подадут знак, что переход к новому кругу завершился благополучно (а в конце каждого цикла может наступить конец света и все существующее погибнет), то сменяется все: одежда, домашняя утварь, храмы получают новую облицовку, а старые изображения воплощений духа ишима уничтожаются. Если пожелают боги, проживешь ты и до этого великого события, оно настанет через пятнадцать лет!

Аш-Шооч замолчал, переводя дух после длинной речи, начатой вполголоса и законченной шепотом. Туг-Ансенг был потрясен: как много важного он не знал... Вот что значит так рано потерять отца!

— Но почему же все-таки изображается только одна голова божества? — наконец спросил он. — Это тоже имеет какое-то сокровенное значение?

— Очень большое, — отвечал учитель. — Голова — это символ, священный прообраз драгоценного зерна, из которого произрастают все будущие урожаи. А тело — несущественно, оно не что иное, как пустой початок, поддерживающий это зерно!

— А почему все они в шлемах? — снова спросил юноша.

— Это ты сам узнаешь в свое время при свершении обрядов!

На поле появились три жреца, несшие дымящиеся курильницы. Увидев их, старый скульптор заторопился.

— Пойдем, Туг-Ансенг, — сказал он, — хоть мы здесь и находимся с разрешения верховного жреца, все же не годится нам мешать священнослужителям в их занятиях! Ты видел уже достаточно, чтобы решить, влекут тебя в скульптуре большие объемы или малые! Теперь я жду ответа!

— Прости меня, учитель, — сразу же ответил Туг-Ансенг, — но вот эти памятники, — он показал на колоссальные головы, — решили мою судьбу. Я хотел бы работать над крупной скульптурой. Еще раз повторяю: прости меня за это решение!

К удивлению юноши, Ах-Шооч отнесся к его решению совершенно спокойно.

— Я давно это чувствовал, — признался он, — и уже просил Ах-Шака-на взять тебя к нему в помощники. Ты был хорошим учеником. Надеюсь, что ты окажешься еще более хорошим мастером.

Туг-Ансенг начал горячо благодарить Ах-Шооча, но тот решительным жестом прервал его слова и быстро пошел к спуску с плоскогорья.

Обратный путь учитель и ученик совершали молча. Только перед самым расставанием, когда они остановились на развилке дорог, Ах-Шооч, не глядя на юношу, сказал:

— Ты уже стал мастером. Не пора ли тебе, по древнему обычаю, принести к какому-нибудь дому связку дров?

Туг-Ансенг вспыхнул. Было принято, чтобы юноша, желающий посвататься к девушке, приносил к дому будущего тестя охапку дров. Дальше уже дело вели родители жениха и невесты. Но у Туг-Ансенга не было отца.

— Я еще не думал об этом, учитель, — запинаясь, ответил он.

— Ну, если тебе кто-нибудь приглянется, я с удовольствием выступлю при сватовстве в роли твоего отца, — пообещал Ах-Шооч.

При этих словах в сознании юноши всплыло милое личико Нам-Цук, и Туг-Ансенг едва слышно вздохнул.

— Спасибо тебе, учитель, — горячо сказал он, — спасибо за все!

— Помни, что любой человек в нашем городе будет рад назвать тебя своим зятем, — продолжал ласково Ах-Шооч, — и прими мой последний совет: не медли с женитьбой. А завтра являйся пораньше к Ах-Шакану и проси его участия и помощи!

Не слушая больше сбивчивых слов благодарности юноши, Ах-Шооч пошел к своему дому. Туг-Ансенг долго стоял на перекрестке в глубоком раздумье. Свежий запах шел от трав, остывавших после дневного зноя. Чуть слышно пищали, направляясь на охоту, летучие мыши. Смутно белели в ярком свете звезд расходящиеся дороги.

Юноша не спал всю ночь. На следующее утро, поговорив с матерью и собрав охапку дров, молодой скульптор отправился к дому Ах-Шооча. Прохожие, видя свадебную связку, сочувственно улыбались ему. Дождавшись, когда из дома вышла Нам-Цук, Туг-Ансенг торжественно положил связку хвороста около очага. Девушка негромко ахнула, румянец покрыл не только ее лицо, но и шею. Закрыв лицо руками, она бросилась назад в жилище. Туг-Ансенг повернулся и, широко улыбаясь, быстро пошел к началнику скульпторов.

ГЛАВА VI

ВСТРЕЧА

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Как ты медленно падаешь на дно моего сердца!
Р ОБРЕГОН МОРАЛЕС СТРОКИ СТАРОЙ ЛЕГЕНДЫ

Свадьба Туг-Ансенга и Нам-Цук была веселой. Радовался Ах-Шооч, принявший предложение молодого скульптора с неприкрытым восторгом. Плакала от радости Ош-Чоч, вспоминала свою давнюю свадьбу. Светились лица жениха и невесты.

На свадьбе брата Шанг и увидел впервые Тианг, одну из подружек Нам-Цук. С этого дня Шанг начал мечтать о встрече с девушкой, ему постоянно виделись ее огромные дикие глаза.

Но дни земледельца, как и дни девушки, волей судьбы ставшей хозяйкой осиротевшего дома, заполнены работой. Прошло немало времени, пока юноше удалось увидеть Тианг, и, как водится, эта встреча была случайной.

Селения, в которых жили Тианг и Шанг — Тахкум-Чаканг и Хоктунг, — были соседними, но между ними простирались большие участки леса и засеянные поля. Однажды Шанг получил приказание от анчук-тека * Хоктунга отнести большой кувшин свежего меда старому жрецу Чахилю в соседнее селение. Не подозревая о том, что его ждет, юноша неохотно пустился в путь. Велико было его изумление, когда, придя в Тахкум-Чаканг и после расспросов разыскав хижину Чахилия, он увидел около нее Тианг.

От смущения первой оправилась девушка; она сразу же узнала Шанга, но не подала вида.

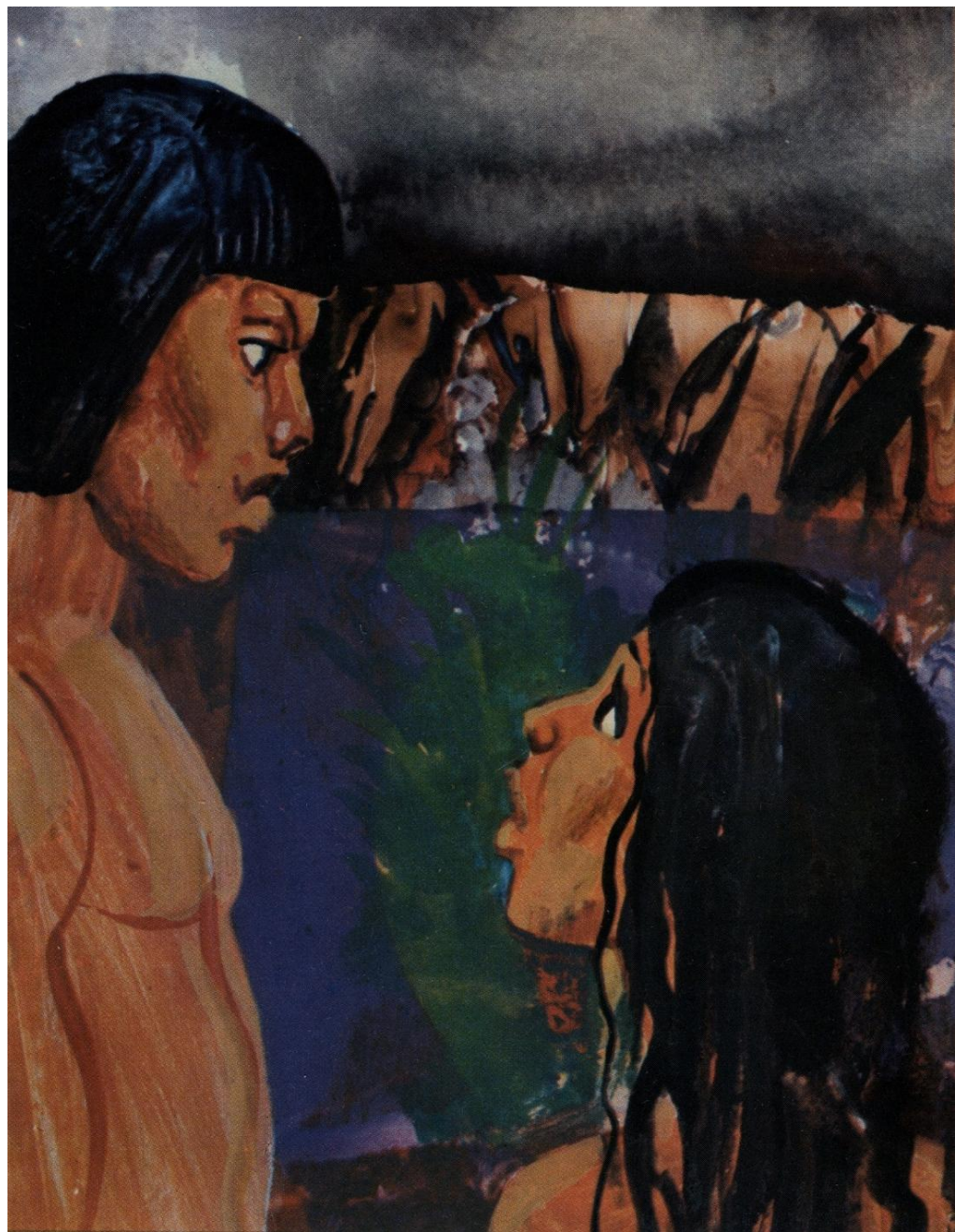
— Что тебе здесь нужно, юноша?

— Мне сказали, что это дом жреца Чахилия, а я послан к нему с поручением!

— Да, это его дом, но сам жрец сейчас находится в святилище. А чего ты хочешь?

— Анчук-тек Хоктунга прислал ему мед, вот он! — И юноша протянул Тианг кувшин.

— Поставь сосуд сюда! — приказала девушка и более мягким тоном добавила: — Ты, наверное, устал, путь сюда от Хоктунга не близок, присядь и отдохни!

Обрадованный Шанг поспешил присесть у входа. Мысль о том, что он скоро должен будет уйти, а знакомство с понравившейся ему девушкой еще не состоялось, подстегнула юношу.

— Разве ты дочь жреца? — спросил он.

Тианг сделала вид, что только теперь узнала юношу.

— Я ведь тебя где-то видела, — сказала она задумчиво, — но не могу вспомнить где.

— Ты была подружкой невесты на свадьбе моего брата Туг-Ансенга, — напомнил ей Шанг, — я сразу узнал тебя!

— Да, да, теперь я припоминаю!

— Туг-Ансенг очень счастлив! — сказал Шанг.

— Счастлива Нам-Цук! — возразила ему девушка. — Она ведь давно любила твоего брата!

— Разве? — искренне удивился юноша. — Как хорошо все сложилось!

— А как Туг-Ансенг стал скульптором? — спросила Тианг. — Вы же земледельцы, и он должен был стать таким же, как и ты?

Шанг не заметил, что девушка невольно выдала свой интерес к нему. Он покачал головой и медленно ответил:

— Это странная история! Когда мы были детьми, Туг-Ансенг все время лепил из глины всякие игрушки. Один раз нас увидел во время игры теперешний великий жрец. Он предсказал, что нас ждет великое будущее, что Туг-Ансенг станет скульптором. Наши родители очень радовались его словам. Через десять лет в наш дом пришел мастер Ах-Шооч, посмотрел работы Туг-Ансенга и сказал, что возьмет его в ученики. Так он стал скульптором, а теперь — мастером и зятем мастера. Его отличает сам начальник ваятелей Ах-Шакан. Это великая честь для сына простого земледельца.

— А в чем же твое величие? — невольно сорвалось с губ девушки. Только потом, осознав, что она могла этой фразой задеть Шанга, Тианг немного смутилась.

Но юноша не заметил этого. Глядя на Тианг по-прежнему радостными глазами, он просто ответил:

— С меня вполне хватает величия Туг-Ансенга! Я счастлив уже этим.

— У тебя доброе сердце, Шанг, тебя будут любить за это! — Девушка доверчиво положила руку на его плечо. — Так, как все любят Чахилия: он старый, но очень добрый. Я помогаю ему по хозяйству: он совсем одинок. А зовут меня Тианг, и живу я рядом, в семье моего дяди Мааша!

Шанг понял последнюю фразу как знак к прощанию, поднялся и, запинаясь, сказал:

— Я ухожу... Но я... хотел бы снова увидеть тебя. Это возможно?

Глаза Тианг вдруг так заискрились, что юноша почувствовал невольный трепет.

— Ты не застал Чахилия и поэтому должен прийти сюда завтра, — сказала ласково девушка, — наверное, жрец захочет поблагодарить твоего анчук-тека. Может быть, и я буду здесь завтра. Я здесь очень часто бываю. Прощай!

И, резко повернувшись, так, что взметнулись края ее длинной юбки, Тианг исчезла в глубине хижины.

Юноша не помнил, как добрался до своего селения. Все время перед ним стояли лучистые глаза девушки, ее тонкая и гибкая фигурка. В ушах звучал ее звонкий голос.

Над вершинами деревьев засверкала своим чистым блеском Вечерняя звезда. Глаза Шанга обратились к богине.

«О добрая и великодушная, сотвори чудо, пусть эта девушка станет когда-нибудь моей женой! Прошу тебя, дай мне только это счастье! Все жертвы мои будут принадлежать тебе — пусть Тианг станет моей женой, только она и никакая другая!»

Дрожащий огонек звезды поднимался все выше в вечернем небе; справа гулко гукнула сова. Все приметы были счастливыми и сулили исполнение желаний.

Казалось, благосклонность богини уже начала сказываться. Анчук-тек встретил Шанга не так сурово, как ожидал юноша. Выслушав сбивчивый рассказ о том, что мед он оставил в доме, а самого жреца не застал, правитель Хоктунга распорядился: «Завтра утром снова сходи туда и обязательно дождись жреца! Скажешь, что мед от меня, и передашь привет. Мало ли кто ему приносит подарки — надо, чтобы мудрый Чахиль знал, что это мой дар!»

Шанг не мог прийти в себя от радости. Как все хорошо складывалось! Он-то боялся, что анчук-тек будет бранить его за задержку, а у разгневанного начальника трудно получить разрешение на отлучку. А здесь получилось все наоборот: сам анчук-тек посылает его снова в Тахкум-Чаканг. Не иначе как это ответ на его молитву! И юноша благодарно взглянул на Вечернюю звезду.

Ночь Шанг почти не спал. Как только он забывался в короткой дремоте, перед ним появлялось улыбающееся личико Тианг. Странно: во вчерашнем разговоре с ним девушка не улыбнулась ни разу, а во сне она была так весела и ласкова. Юноша вскакивал, пил воду и, вздыхая, ложился снова. Как долго тянется эта ночь! Когда же взойдет заря!..

Наконец рассвело. Шанг быстро умылся, торопливо позавтракал и сразу же отправился в путь.

Как ярко светило этим утром солнце! Как самозабвенно пели птицы, каким свежим и ароматным был легкий утренний ветерок! Как коротка и радостна была дорога в селение Тахкум-Чаканг для юноши, торопящегося на свидание с любимой!

Но беды и неожиданности таятся впереди, и позади, и вокруг нас!

Когда Шанг подошел к дому жреца, то увидел у двери маленького сухонького старичка. Чахиль сидел на скамеечке и грелся на солнце. Увидя юношу, он ласково приветствовал его и спросил, не он ли принес вчера мед. Когда Шанг добросовестно отбарабанил слова анчук-тека, Чахиль попросил передать благодарность за подарок и, видя, что огорченный посланец собирается уйти, улыбнулся.

— Тианг, девочка, — позвал он, глядя внутрь хижины, — ты что же не хочешь поздороваться с нашим гостем?

Из хижины появилась порозовевшая от смущения Тианг. Даже неопытный Шанг и то понял, что девушка ждала его прихода. На ней была новая

юбка, шею обвивало тройное ожерелье из душистых семян карина. Она застенчиво приветствовала юношу.

— Присядь, посланец анчук-тека! — продолжал старик. — Сейчас Тианг угостит нас свежими лепешками с твоим медом! Подкрепись перед обратной дорогой!

Лепешки, быстро испеченные Тианг, показались Шангу удивительно вкусными. Прекрасно подходил к ним и густой ароматный мед. Но все трое ели мало. В основном беседу вел жрец; Шанг почтительно и кратко отвечал на его вопросы. Тианг вообще молчала, изредка поглядывая на юношу, и при каждом взгляде девушки его обдавало жаром.

Когда трапеза была закончена и Шанг начал прощаться, Чахиль оставил его и, заглянув на секунду в хижину, вручил ему небольшой глиняный сосудик.

— Это ты передашь от меня анчук-теку, — сказал он, — пусть натирает этой мазью ноги на ночь, тогда он забудет про ломоту в костях.

Шанг заботливо спрятал лекарство в набедренную повязку, снова поблагодарил старика за внимание и повернулся, чтобы уходить, но услышал слова Чахиля:

— Ты сегодня забыла принести мне воды, Тианг! Иди к источнику, это по дороге с нашим гостем, он поможет тебе.

С забившимся сердцем Шанг еще раз поклонился доброму старику и молча двинулся рядом с девушкой. Когда они подошли к ручью, то разговорились.

О, эти долгие беседы у ручья! Какой влюбленный во все века не благословлял его журчание, сулящее возможность желанной встречи! В этот день Чахилю пришлось ждать воду достаточно долго... Несколько раз юноша провожал девушку почти до хижины жреца, но вода, как назло, в последний момент как-то проливалась, а принести полупустой кувшин было никак нельзя. В конце концов, когда влюбленные договорились, что через день, к вечеру, они снова встретятся у ручья, чтобы погулять, вода была благополучно доставлена в хижину.

Поставив сосуд, Тианг обняла шею Чахиля и мимолетно прижалась щекой к его морщинистому лицу.

— Какой ты добрый и как ты все понимаешь! — горячо прошептала она.

— Может быть, — с неожиданной горечью отозвался тот, — но доброта умирает с человеком, и ничего не остается.

— Остается память о доброте, — задумчиво сказала девушка, — а это, по-моему, самое лучшее, что может остаться от человека...

В лице старика что-то дрогнуло; Чахиль отвернулся и тихо произнес:

— Тебе давно пора идти домой, скоро вернется с работы дядя!

Когда дядя и дети после ужина наконец улеглись спать, Тианг долго стояла на коленях перед маленькой статуэткой Матери богов, мысленно повторяя вновь и вновь исступленную мольбу: «О всемогущая, сделай, чтобы этот юноша был моим мужем, только моим! Сделай Шанга моим, навсегда моим!»

Лицо Матери богов с застывшей на губах улыбкой благосклонно взи-
рало на молящуюся.

На следующее утро анчук-тек Хоктунга получил приказание выделить двадцать человек для перетаскивания на священный участок огромного камня, привезенного к границам города на большом плоту. В число их попал и Шанг. Целых двенадцать дней триста человек, согнанных из всех окрестных селений, надрываясь, тащили непокорную глыбу сперва на берег, потом по специально устроенной дороге и наконец подняли ее на высоты центрального плато. Два раза на подъеме камень соскальзывал вниз; шесть человек было убито и вдвое больше покалечено.

Всеми работами руководил жрец Мишпитиакук. Он сам не знал отдыха и не давал другим. Когда глыба была поднята и ее устанавливали около огромных голов, на священном участке появился Анаиб-Унгир. Он молча наблюдал за работающими. Один раз Шангу показалось, что глаза верховного жреца остановились на нем с каким-то странным выражением. «Неужели он еще помнит меня?» — удивленно подумал юноша. Но, поразмыслив, решил, что ошибся. Прошло десять лет, неужели верховный жрец будет помнить каждого встретившегося ему когда-то на дороге мальчишку?

ГЛАВА VII

НАКАЗАНИЕ НАКАХОНА

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Вот как они наказывали таких людей.
«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Работы по доставке камня были закончены поздно вечером, при свете факелов. Вместе со всеми Шанг с трудом добрал до родного селения. Сказывалось неимоверное напряжение сил и постоянное недосыпание. С трудом умывшись, юноша улегся, и темная бездна сна сейчас же поглотила его.

Спал он в ту ночь беспокойно. Юноша все время видел ускользавшую от него Тианг. Лицо девушки было грустным. Шанг пытался настичь ее, но ноги его не слушались, и он все время падал на землю...

От кошмара его избавил резкий голос глашатая:

— Люди селения Хоктунг, идите на площадь селения Тахкум-Чаканг! Идите в Тахкум-Чаканг — таково повеление нашего владыки! Люди Хоктунга, спешите в Тахкум-Чаканг!

Было раннее утро. Из всех хижин Хоктунга выглядывали разбуженные люди, переглядывались, окликали друг друга, спрашивали, что случилось. Но глашатай уже ушел, и никто ничего не понимал. Кое-где уже потрескивали огоньки очагов: заботливые матери и жены спешили приготовить пищу перед дорогой.

Шанг наскоро проглотил несколько холодных лепешек и помчался в Тахкум-Чаканг. Раз туда собирают жителей Хоктунга, размышлял он, то, наверное, он сможет наконец повидать Тианг!

Но как ни спешил юноша, войдя в Тахкум-Чаканг, он увидел, что на площади уже собралось множество людей. Кроме местных жителей здесь были и люди из других селений. Все стояли лицом к еще пустому центру площади. Разговаривали вполголоса. Из обрывков фраз Шанг понял, что и здесь никто ничего не знал.

Юноша осторожно пробирался между стоявшими, разыскивая глазами Тианг. Ему сопутствовала удача. Скоро он увидел девушку: она стояла рядом с пожилым мужчиной, очевидно ее дядей, и двумя детьми — мальчиком и девочкой. Проявив немалую изворотливость, Шанг устроился прямо

за спиной Тианг и, так же как и остальные, принялся глядеть на центр площади. Так как при этом перед его глазами все время оказывались густые, распущенные по плечам волосы Тианг, то удовольствие его было совершенно полным. Очень хотелось хоть раз прикоснуться к этим прядям, но благоразумие удерживало его.

Дядя что-то тихо сказал племяннице, и она повернула к нему голову. Теперь Шанг заметил, что девушка побледнела и осунулась, щеки ее ввалились. Чувство радости сменилось беспокойством. Не заболела ли она? Чудесные волосы плохо расчесаны, старая юбка... Что случилось? Но заговорить в присутствии дяди юноша все-таки не решался.

Словно услышав его тайное желание, Мааш начал протискиваться вперед; вскоре от племянницы его отделяло уже по крайней мере три ряда зрителей. Тианг и дети остались стоять на прежнем месте. Юноша воспользовался благоприятной случайностью.

— Тианг! — тихо позвал он. — Здравствуй!

Девушка не шевельнулась, только мочки ушей ее порозовели, значит, она услышала обращенные к ней слова. Она не обернулась и промолчала, как будто ничего не случилось.

— Что случилось с тобой, Тианг? — в отчаянии взмолился юноша, уже не обращая внимания на стоявших рядом.

Дети, на плечах которых лежали руки Тианг, обернулись, и мальчик сказал удивленно:

— Тианг, с тобой говорят! Разве ты не слышишь?

Девушка обернулась и метнула на Шанга рассерженный взгляд.

— А, это ты! — сказала она холодно. — Где ты пропадал, юноша? Ведь ты, кажется, хотел прийти сюда десять дней назад?

Бедная Тианг не заметила, что выдала свою тайну: она огорчалась, что его нет, она считала дни! Но Шанг все понял, и радость снова вернулась в его сердце.

— Я не виноват, Тианг! — горячо зашептал он. — Анчук-тек послал меня перетаскивать великий камень. Я не мог отлучиться, хотя, — Шанг еще более понизил голос, — все время думал о Чахиле и о тебе! И постоянно хотел тебя увидеть!

— Я беспокоилась о тебе, я бог знает что передумала, — так же горячо вырвалось у Тианг, — и я тосковала...

Хриплый низкий возглас тяжелых деревянных труб заглушил последние слова девушки. На площадь вступила процессия жрецов Сердца земли во главе с Тумех-Цахингом. Им предшествовали пять трубачей и три барабанщика. Собравшиеся, тесня друг друга, почтительно уступали дорогу corteжу. В наступившей тишине Тианг едва слышно шепнула юноше:

— Договорим после, не уходи!

Шанг отодвинул плечом соседа, протиснулся вперед и встал рядом с Тианг.

Жрецы выстроились полукругом, за ними виднелись анчук-теки Тахкум-Чаканга, Хоктунга, Цолохчена и других окрестных селений. Все они были в праздничных одеждах, у каждого в руке была тяжелая палица, унизанная обсидиановыми остриями.

Снова, леденя кровь, взвыли трубы. Рассыпалась сухая и четкая дробь барабанов. Их тревожный ритм сжимал сердце, предвещая что-то необычное и жуткое. Из группы жрецов выступил Тумех-Цахинг, встал в самом центре площади, поднял руку. Барабанная дробь оборвалась.

— Люди Ниваннаа-Чакболая, слушайте! — торжественно провозгласил жрец. — Слушайте волю великого бога! Моими устами с вами говорит Сердце земли. Среди вас живет отступник, поправший законы страны. Он будет наказан!

Тумех-Цахинг замолчал и обвел глазами первые ряды стоявших на площади. Под его тяжелым взглядом люди бледнели и горбились. Казалось, страх становился физически ощутимым, с силой давил на плечи. После паузы жрец отрывисто приказал:

— Введите преступника!

Из-за расступившихся анчук-теков показались два стражника, волочивших под руки мужчину: ноги его почти не слушались. Дойдя до Тумех-Цахинга, они толкнули провинившегося, и тот упал перед жрецом на колени. От жрецов отделился еще один, подошел и встал рядом с Тумех-Цахингом. Тот сказал отрывисто, обращаясь к подошедшему:

— Возгласи закон!

— «Никто не смеет пить каече *, не достигнув пятидесяти двух лет, — начал читать наизусть звонким голосом молодой жрец. — И тот, кто достиг старости, может выпить лишь одну чашу по разрешению жреца, но так, чтобы не опьянеть...»¹

Тумех-Цахинг, резким жестом прервав чтеца, спросил обвиняемого: — Сколько тебе лет, Накахон?

— Тридцать один, — глухо ответил тот, потупившись.

Жрец кивнул головой, давая знак чтецу продолжить.

— «Пьянство — это корень и причина всякого зла и всякой гибели. Каече и пьянство — причина всех разладов и всех распрей, всех возмущений и всех печалей в городах и в селениях. Пьянство подобно вихрю, который разрушает и раздирает все. Оно подобно зловредной буре, приносящей с собой только злое. Перед насилием, инцестом *, кражей, грабежом, руганью и лжесвидетельством, перед злобными слухами, клеветой, беспорядками и ссорами — перед всем этим всегда идет пьянство».

Чтец сделал паузу, глубоко вздохнул и продолжал:

— «Если человек будет уличен в пьянстве, если он покажется пьяным на улице, если его найдут бесчувственным на улице, если он будет блуждать неверными шагами и петь, один или вместе с другими, он будет наказан...»

— Пошады! — завопил обвиняемый. — Молю о пощаде, благочестивый!

И Накахон подполз на коленях к Тумех-Цахингу. Тот брезгливо отшатнулся.

— Ты мог бы заслужить пощаду, если бы ты пил вино в своем доме и тебя никто не видел бы и не слышал! — гневно произнес Тумех-Цахинг. — Тогда ты принял бы спокойную смерть! Но ты, шатаясь, брел

¹ Здесь и далее приводится подлинный ацтекский текст.

по улице, ты оскорблял слух своих односельчан гнусной бранью! Нет, тебе не будет пощады!

И, обращаясь к анчук-текам, уже вышедшим перед строем жрецов, Тумех-Цахинг приказал:

— Дайте преступнику заслуженную смерть!

Приблизившийся первым анчук-тек Тахкум-Чаканга нанес Накахону удар палицей по плечу. Сухо хрустнула переломленная кость. Анчук-тек, отступая, воскликнул:

— За людей Тахкум-Чаканга!

Обвиняемый завыл. Один за другим выступали анчук-теки, выкликая названия своих селений, один за другим сыпались удары тяжелых палиц. Вой Накахона сменился стоном, хрипом, а затем прекратился. Накахон уже не шевелился, а наказание все еще продолжалось.

Стоявшие вокруг смотрели на происходившее с суровым одобрением. Ни у кого, даже самых молодых, казнь не вызвала ужаса или испуга. Ни один не отвел глаза. Пьянство для людей того времени было одним из самых ужасных преступлений, и пивший вино без разрешения знал, что его ожидает.

Наконец старший жрец Сердца зѐмли поднял руку. Уставшие анчук-теки снова выстроились за неподвижной линией жрецов. Тумех-Цахинг провозгласил:

— Преступник получил наказание, но он будет лишен погребения! Бросьте его тело на съедение шакалам!

Стражники подняли останки Накахона и понесли к лощине. Народ начал медленно расходиться, уже слышались разговоры. Анчук-теки и жрецы, предводительствуемые Тумех-Цахингом, также покинули место казни.

Тианг обратилась к Шангу.

— Так ты действительно был занят? — спросила она мягким голосом. — А мы очень беспокоились за тебя!

— Хочешь, я сведу тебя к этому камню? — ответил юноша вопросом на вопрос.

— Конечно, хочу!

— Тогда я приду к ручью, где ты берешь воду, завтра вечером, раньше это никак не удастся! Ты сможешь освободиться?

— Хорошо, я буду ждать!

Обрадованный юноша поспешил за односельчанами, а Тианг долго смотрела ему вслед. На ее глазах показались слезы счастья: наконец-то любимый назначил ей свидание!

ГЛАВА VIII

ЛУННАЯ НОЧЬ

САН-ЛОРЕНСО
МЕКСИКА

Мы утром в город вернемся
Р ОБРЕГОН МОРАЛЕС
СТРОКИ ЛЮБВИ

Охваченный волнением и нежностью, Шанг поджидал Тианг в условленном месте у ручья. Уже давно стемнело. На безоблачном небе показалась из-за вершин деревьев полная луна; выше ее блестела Вечерняя звезда. В селении все уже спали, оттуда не доносилось ни единого звука; все вокруг дышало спокойствием. Мирно журчал ручей.

Это была удивительная ночь — ночь их первого свидания! Лунные лучи играли на струях ручья и глянцевитых листьях фикусов. В глуби леса вились хороводами вереницы светляков — алых, золотистых и синих огоньков. Пронзительно трещали цикады, вдали самозабвенно пел пересмешник. Томительно благоухали ночные цветы.

Девушка появилась бесшумно. Было видно, что и она с трепетом ждала этой встречи. Волосы Тианг, ниспадавшие на худенькие плечи, были тщательно расчесаны; отпечатки свеженаложенных на кожу рисунков были четки и еще не расплылись. Новая темно-синяя юбка, широкий пояс из оленьей кожи и ожерелье из душистых семян составляли ее праздничный наряд.

Тианг появилась и сразу же быстро заговорила, чтобы преодолеть смущение и неловкость. Ведь это было первое свидание в ее жизни!

— Ну что же, ты покажешь мне свой камень? Он действительно очень большой?

Шангу хотелось схватить ее в объятия, немедленно признаться в любви. Как она была прекрасна сейчас! Блестящие от возбуждения огромные глаза, полуоткрытые розовые губы, разлетающиеся по плечам черные локоны...

— Самый большой камень, какой я видел за всю свою жизнь, — уверил Шанг. — И мы сейчас отправимся туда, правда, это довольно далеко!

И они двинулись в путь. Тропинка петляла среди деревьев, свет луны только иногда прорывался сквозь густую листву, и было довольно темно.

Но оба они были почти лесными жителями и поэтому шли уверенно и быстро. Конечно, Шанг под предлогом помощи скоро завладел рукой девушки, и Тианг не сопротивлялась. Узкая теплая девичья ладонь покоилась в его сильных пальцах и только иногда трепетала, словно стремясь что-то сказать.

Вначале они шли молча. Необычность встречи и полная тишина вокруг, пребывание наедине смущали их. Первым заговорил Шанг. Указав на Вечернюю звезду, он сказал девушке:

— В тот вечер, когда я первый раз говорил с тобой, я просил ее о новой встрече. И желание мое исполнилось!

— Как удивительно! И я считаю эту звезду своей покровительницей. Я часто смотрю на нее по вечерам и поверяю ей свои надежды и просьбы. Совсем недавно я молила ее...

Тианг осеклась. Но в этот вечер Шанг понимал все с полуслова. Он остановился, нежно привлек девушку к себе и спросил:

— Ты тоже просила, чтобы мы снова встретились?

— Да! — чуть слышно прошептала Тианг, укрыв свое лицо на его груди.

Тонкий, нежный и волнующий запах ожерелья дурманил голову юноши. Все казалось ему невероятным.

— Дорогая моя, я полюбил тебя сразу же, при первой встрече, я не мог прожить ни одного дня, не думая о тебе, — горячо зашептал Шанг, крепко обнимая девушку. — А мне казалось, что ты то сердилась на меня, то равнодушна ко мне...

— Я полюбила тебя с первого взгляда, когда увидела на свадьбе... А когда ты исчез, решила, что не нравлюсь тебе, и очень горевала, — призналась Тианг.

Влюбленные сели на ствол поваленного дерева. Исчезла сковывающая их неловкость, теперь один стремился рассказать другому о каждой минуте, проведенной без него, вспомнить любую самую незначительную подробность их коротких встреч...

— Я завтра же пойду к твоему дяде и буду просить тебя в жены, — сказал счастливый юноша.

— Что ты, Шанг! Он никогда на это не согласится! Кто же будет готовить ему и сиротам пищу? Кто будет заботиться о доме? Нам надо ждать, пока не подрастет его дочь. Через четыре года она уже сможет заняться хозяйством, и тогда я буду свободна! Мы должны подождать, Шанг... Ведь ты меня не разлюбишь за это время? Четыре года пройдут совсем незаметно...

— Незаметно? Четыре года, целых четыре года! — Юноша помрачнел. — Какой длинный срок... Разлюбить я тебя не смогу, даже если и пожелаю! В тебе — вся моя жизнь. Кто и что я без тебя? Сухое дерево, ищущий источник, погасший костер! Но я боюсь...

— Чего же?

— Так. Не знаю. Вдруг испугался за тебя... Как будто что-то должно случиться... Боюсь, что ты разлюбишь, что с тобой случится какая-то беда! На днях я опять видел плохой сон: ты уходила куда-то вниз, глубже и глуб-

же, я старался вытащить тебя из ямы и не мог, руки были как ватные. Вдруг с тобой что-то случится... Ты можешь полюбить другого...

Тианг отстранилась, побледнела, но голос ее звучал по-прежнему ровно и твердо:

— Не надо бояться за меня, милый, я сильная и сумею постоять за себя! И я никогда не разлюблю тебя, слышишь, никогда!

Шанг с сомнением покачал головой.

— Ну а если что-нибудь случится со мной, — спросила Тианг, — что сделаешь ты?

— Не знаю, — растерянно сказал юноша.

— А я знаю. Если что-нибудь произойдет с тобой, я буду мстить!

— Кому?

— Тому, кто помешает нашему счастью! Любому! Любой девушке, которая встанет между нами, даже царевне. Так и знай!

Шанг тихо засмеялся и снова привлек девушку к себе.

— Никакая девушка не встанет между нами, любимая, потому что я не могу представить себе кого-то красивей тебя! Мы всегда будем вместе. Но четыре года слишком долгий срок...

— Ну, может быть, это будет и через три года! Сестренка растет быстро и очень понятлива. Да ведь теперь тебе и не собрать ценных вещей для подарка дяде, только что была свадьба Туг-Ансенга... Хорошо еще, что Ах-Шооч не чаёт в нем души и половину подарков выделил ему из своих же вещей. А мой дядя не таков!

— Это верно, мы очень бедны. Но я не могу жить без тебя!

— А мы будем часто встречаться. Ты же сам сказал, что нас никто не сможет разлучить!

И Тианг впервые сама обняла юношу. Они долго сидели молча, тесно прижавшись друг к другу; глаза их затуманились. Минуты текли незаметно. Наконец Тианг спохватилась:

— Наверное, уже поздно. Мне пора бежать домой!

— Но ты должна все-таки взглянуть на мой камень! Пусть и он будет свидетелем нашего счастья, раз он видел мои мучения. Пойдем к нему, хотя бы ненадолго!

Они встали с древесного ствола. Тианг ласково погладила его шершавую поверхность, он был немым участником их объяснения. Украдкой девушка отломилла маленький кусочек коры — на память — и спрятала за пояс.

Идти пришлось довольно далеко. Когда они подымались на высоты плато, луна уже заметно склонялась к закату, но свет ее был еще по-прежнему ярок. Юноша и девушка подошли к гигантским головам, стоявшим у края священного участка.

Лунный свет падал прямо на лица изваяний. Они улыбались странной вечной улыбкой, но выражение глаз казалось грустным, почти скорбным. Полузакрытые губы словно хотели и никак не могли вымолвить какое-то особенное слово.

— Ой, что это такое? — Тианг схватилась за руку Шанга. — Милый, я их боюсь!

Юноша недоуменно пожал плечами.

— Что это такое, я не знаю и сам! Ведь здесь священное поле, и все изваяния посвящены богам. Если чего и надо страшиться, то гнева божеств и жрецов. Я не уверен, можно ли вообще приходить сюда. А статуи — чего же бояться их, они каменные и тихие...

— Нет, нет, пойдем отсюда, — настаивала Тианг. Голос ее дрожал. — Я не хочу здесь оставаться!

— Ну посмотри хоть раз на мой камень, — сказал улыбаясь юноша. Его забавляло, что Тианг, такая бесстрашная полчасу тому назад, испугалась теперь каких-то каменных голов. Сам он уже привык к ним во время работ и забыл, что при первой встрече они поразили и его. — Вот видишь, над чем мы трудились!

В один ряд с головами был водружен огромный округлый кусок базальта, по очертаниям отдаленно напоминающий шар. Высота его превышала рост не только девушки, но и юноши.

— Представляешь, как нам пришлось потрудиться, чтобы вкатить его на такую высоту? — спросил Шанг. — Он все время норовил скатиться вниз, но мы его переупрямили!

Юноша ласково прикоснулся к камню.

— Камень, смотри, вот моя невеста! Правда, она хороша?

Шанг, смеясь, пытался повернуть девушку лицом к статуям, но она упорно отворачивалась от них. Наконец, побежденный ее молчаливым сопротивлением, он потянул Тианг за руку, и они быстро побежали вниз по склону.

Уже занималась заря, когда влюбленные расстались, несколько раз пообещав друг другу встретиться завтра. Но приближавшееся событие опять помешало их встрече.

ГЛАВА IX

ПЛЕННИКИ ОКЕАНА

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН.

Снаряди себе ладью с экипажем...
СКАЗКА «ЦАРЬ ХЕОПС И ВОЛШЕБНИКИ»¹

Суэмбахамон в простой льняной одежде сидел на корме корабля под навесом из пестрой ткани и безучастно смотрел на воду. Океан вот уже несколько дней был необычайно тих, почти зеркален. Солнце стояло прямо над головой, было очень жарко, но легкое движение воздуха умеряло духоту.

Прошло уже более двух лет с того беспокойного утра, когда вельможа покинул такую далекую теперь египетскую столицу.

Старую истину «Друзья познаются в несчастье» Суэмбахамон скоро проверил на собственном опыте. Правитель Нижнего Египта Несубанебджед хорошо относился к нему, пока он был вельможей в Фивах. Но он изменил свое поведение довольно быстро. Сперва владыка Таниса² принял Суэмбахамона, как говорится, с расprostертыми объятиями. Очевидно, он надеялся, что египтянин явился к нему с каким-то важным и тайным дипломатическим поручением. Были и тайные аудиенции, и пышные многочелюдные пиршества. Однажды Несубанебджед даже прозрачно намекнул, что младшая из его дочерей — стройная голубоглазая царевна — согласна стать женой дорогого гостя.

Шло время. Суэмбахамон никак не отозвался на лестное предложение. Вероятно, это явилось первым толчком для подозрений. Затем было замечено, что за три месяца с лишним к гостю не прибыло ни одного гонца из Фив, да и он не отправил ни одного письма в столицу. Для тайного, но полномочного представителя фиванского двора это было немислимо. Хотя владыка Нижнего Египта не смог выпытать у Суэмбахамона, а соглядатай у его слуг ничего определенного, положение вещей говорило само за себя: вельможа либо был изгнан, либо бежал от гнева фиванского фараона.

¹ Перевод И. Г. Лившица.

² Столицей Нижнего Египта в то время являлся город Танис

После этого Суэмбахамон перестал существовать для Несубанебджеда. Его пребывание в стране терпели, и только. Уже не было ни доверительных разговоров, ни даже аудиенций при царских выходах.

Вот тогда-то никому не нужный и ничем не занятый Суэмбахамон начал совершать долгие прогулки по зарослям Дельты на небольшом челноке. Сопровождал его только раб Пенниут, сидевший на веслах. Добровольный изгнанник охотился на диких уток, ловил рыбу, размышлял о странных причудах судьбы. Ему было скучно, и он жаждал деятельности. По временам фиванца охватывали приступы отчаяния и тоски. Глухой жгучей тоски о жене Реннеферт, о детях, о прежней, невозвратимой жизни в своем дворце...

Однажды, забравшись далее обычного, Суэмбахамон наткнулся на большую группу моряков. Они отдыхали возле корабля, вытасченного на песчаный берег. Египтянин с помощью Пенниута, владевшего многими языками, разговорился с капитаном — невысоким жилистым мужчиной средних лет. Его густая черная борода, горбатый, как клюв ястреба, нос, сверкающие глаза и быстрые жесты выдавали в нем финикиянина. Действительно, как скоро выяснилось, Мелькарт-Машал был уроженцем великого города Тира, много плавал и много повидал.

Финикиянин умел рассказывать. Перед зачарованным Суэмбахамоном вставали волны Великой зелени¹, с шипением накатывавшиеся на низкие борта кораблей, он чувствовал свежий запах морского ветра, оставлявший легкий привкус соли на губах мореходов, видел узкую полосу берега, непрерывно сопровождавшую их слева... По словам Мелькарт-Машала, сам он неоднократно уходил на своем суденышке далеко вдоль побережья Ливии, успешно торговал с прибрежными племенами и всегда возвращался с большой прибылью.

Почувствовав заинтересованность собеседника, финикиянин, ласково заглядывая в лицо Суэмбахамона, наконец вкрадчиво спросил:

— Почему бы господину не принять участие в наших торговых предприятиях? Гость великого царя Несубанебджеда спокойно наслаждался бы охотой и празднествами, находясь здесь; все хлопоты и тревоги достались бы нам, мореходам. Единственно, что требовалось бы от господина, — это немного денег, которые через несколько месяцев вернулись бы к нему с лихвой...

Суэмбахамон задумался. Драгоценности, главным образом самоцветы, привезенные им с собой, расходились здесь быстро, слишком даже быстро. Что будет с ним, когда все его ценности уйдут? И у кого он сможет просить здесь помощи? Почему не рискнуть? Если он потеряет эти деньги, то лишь приблизит на несколько дней неминуемое!

— Дай мне день подумать, — отрывисто сказал египтянин, — и скажи: где мне найти тебя?

Мелькарт-Машал, низко кланяясь, уверил вельможу, что готов ждать еще трое суток. После этого срока, прибавил он с огорчением, они должны будут отправиться в путь, чтобы не упустить благоприятных ветров. Суэм-

¹ Великой зеленью египтяне называли Средиземное море.

бахамон может не беспокоиться, он сам, Мелькарт-Машал, придет в дом к господину, он знает, где живет гость фараона. Пусть только тот назначит удобное для посещения время.

Они договорились встретиться через день после полуденного отдыха.

На обратном пути Пенниут, ставший во время изгнания доверенным лицом своего хозяина, попытался убедить Суэмбахамона, что финикиянам вообще не стоит доверять, а уж этому бродяге из зарослей в особенности, но вельможа сердито оборвал его и приказал молчать.

Через день, как было условлено, Мелькарт-Машал был допущен к Суэмбахамону, и вельможа вручил финикиянину мешочек с полусотней золотых колец и небольшой, но чистой воды рубин. Он уже снова загорелся надеждой на обогащение и за прошедшее после встречи время трижды увеличивал намеченную им первоначально сумму.

Финикиянин два раза тщательно пересчитал кольца и задумался.

«Здесь слишком много, господин, — сказал он наконец с явным сожалением. — Мой корабль небольшой и не сможет взять столько товаров. А доверить твои деньги еще кому-нибудь я не решусь. Поэтому я возьму у тебя только половину и этот драгоценный камень. Если все будет благополучно, — финикиянин благоговейно коснулся рукой висевшего у него на шее амулета, — и мы вернемся с прибылью, то тогда можно будет купить другой корабль, побольше...»

Суэмбахамон с неохотой взял отложенные Мелькарт-Машалом двадцать пять колец и пожелал мореходу счастливого ветра.

«Как только мы возвратимся, я явлюсь к тебе, господин, с полным отчетом! Не беспокойся! А за доброе пожелание — спасибо! Да помогут нам могучие боги моря и ветра!»

На следующей прогулке Пенниут ворчал вполголоса, но так, чтобы его господин мог слышать все сказанное им: «До чего же хитер этот финикиянин! Вернул половину: больше взять не могу! Мошенник хорошо рассчитал, что такие слова вызовут доверие. Теперь остается только готовить сотню мешков для прибыли — по три на каждое кольцо. Боюсь, что ждать придется слишком долго!»

Суэмбахамон рассеянно смотрел на медленно скользившую мимо лодки зеленую стену высоких тростников и слегка улыбался. Он почему-то был уверен в честности Мелькарт-Машала.

Теперь дни изгнанника потекли по-иному. К тоскливым думам о прошлом прибавились размышления о том, где в настоящее время находится корабль финикиянина, как идет торговля и что привезут мореходы из этого путешествия. Суэмбахамон очень досадовал, что не расспросил подробно Мелькарт-Машала о предполагаемом маршруте. Он два раза призывал к себе своего кормчего Иринефера и долго беседовал с ним, но тот всю жизнь плавал только по Нилу и не мог сообщить хозяину ничего нового и интересного.

Через три месяца, вопреки ожиданиям Пенниута, уже начавшего ехидно поглядывать на хозяина, Мелькарт-Машал вернулся. Вечером, когда уже стемнело, он появился перед домом Суэмбахамона с двумя матросами, сгибавшимися под тяжестью объемистых мешков. С низкими поклонами

мореход разложил перед фиванским вельможей их содержимое: пучки прекрасных страусовых перьев, фаянсовые статуэтки богов, несколько свертков пестрых сидонских тканей, ожерелье из крупных янтарных бусин, коробочку с драгоценными ароматическими смолами, три амфоры со знаменитым, густым, как мед, вином из храмовых давилен Тира и, наконец, два тяжелых мешочка с золотым песком. Увидев недоуменный жест Суэмбахамона, указавшего на вино, ожерелье и ткани, Мелькарт-Машал объяснил, что некоторые товары, привезенные с ливийского побережья и неинтересные для его нанимателя, он обменял в гавани у своих соотечественников.

Фиванец сиял. Его доверие и надежды полностью оправдались. Он вынул из лапца пригоршню золотых колец и, не считая, щедрым жестом протянул их финикиянину. Но тот, отступив на шаг, покачал отрицательно головой: «Нет, господин, мне не надо награды! Пока не надо! — поправился он. — Если ты намерен продолжать торговлю, то сейчас понадобятся большие деньги. Надо покупать другой, большой корабль. А потом мы сочтемся!»

Суэмбахамон думал недолго. Размах предложения привлекал его. Он поставил единственное условие: с Мелькарт-Машалом должен отправиться и его кормчий-египтянин; пусть он привыкнет к дальнему плаванию по Великой зелени.

Когда разговор зашел о сумме, необходимой для покупки корабля, финикиянин уже не уменьшал предлагаемого, а, наоборот, просил дать больше.

«Чем больше у меня будет денег, тем лучший корабль мы сможем приобрести, — убеждал он. — Купить плохое судно — значит больше риска потерять и его, и меня. Кроме того, для двух кораблей надо много товаров. В этот раз я хочу проплыть дальше — до Нового города, основанного недавно моими земляками далеко на западе. Там, говорят, можно приобрести совершенно диковинные вещи...»

Новый договор был торжественно скреплен чашей вина.

Мелькарт-Машал ушел, нагруженный золотом и сопровождаемый Иринефером. Последний был очень обрадован новым поручением хозяина. Сидеть в полной праздности ему давно уже надоело.

Суэмбахамон предусмотрительно поторопился сообщить о своем торговом предприятии владыке приютившей его страны. Он понимал, что вездесущие шпионы царя рано или поздно все равно донесут ему о происшедшем. Было готово у фиванца и умягчительное преподношение — янтарное ожерелье. Он только колебался, кому подносить его: самому царю, его старшей жене или голубоглазой царевне. «Женское воздействие несомненно сильнее, — размышлял вельможа, — но подарок, поднесенный одной женщине, конечно, возбудит зависть и злобу другой, а это опаснее расположение». Наконец он мудро решил, что царь Дельты сам лучше разберется, кому следует передать полученное им диковинное украшение.

Очевидно, что-то уже дошло до ушей Несубанеббеда, и его любопытство пробудилось. Поэтому аудиенция была получена Суэмбахамоном очень быстро. Янтарное ожерелье — вещь необычайно редкая и ценная в этих краях — было встречено весьма благосклонно. С таким же распо-

ложением и пониманием отнесся царь и к намерению Суэмбахамона расширить свои торговые операции. «Только, — подчеркнул он, — в казну должен поступать определенный, небольшой налог после каждой удачной экспедиции». После этих слов фиванец был отпущен. Потом он узнал, что драгоценный подарок достался одной из младших жен повелителя.

Уже после ухода гостя владыка Дельта вспомнил, что так и не наекнул ему о странных вестях, дошедших до него из Фив: Суэмбахамона там считают утонувшим. Но, подумав, царь решил, что так даже лучше: он же не знает причин, побуждавших такого знатного вельможу скрываться в его стране.

Теперь изгнанник зажил новой жизнью, он поверил, что удача наконец-то вновь повернулась к нему лицом. Суэмбахамон приобрел пару приличных коней, хотя до прежних фиванских скакунов им было далеко. Вслед за расположением царя к нему вернулись и знакомые; он устроил для них несколько празднеств.

Результаты второго плавания превзошли все его ожидания. Суэмбахамон стал теперь по-настоящему богатым человеком. Правда, длилось оно значительно дольше: мореходы вернулись только через десять месяцев. Иринефер был в полном восторге и от нового корабля, и от плавания и несколько вечеров подряд рассказывал своему господину о происшествиях, казавшихся тому волшебными сказками. Особенно красочно старый кормчий описывал торжища Нового города, с их разноречивыми участниками и всевозможными диковинными товарами. По его словам, несмотря на свою молодость, этот город уже стал важным торговым центром.

Мелькарт-Машал, очевидно, преднамеренно задержался со своим посещением: финикиянин явно выжидал, когда Иринефер расскажет все Суэмбахамону, а рассказы эти произведут желанное воздействие. Начал он с неприятного: напрямик объявил, что желает за свои труды и посредничество получать четвертую часть от всей прибыли.

Суэмбахамон нахмурился. Мысль о том, что ему придется расстаться хотя бы с четвертью полученного, показалась ему невыносимой. Дух наживы, сосредоточенный в Фивах только на золоте, а теперь распространившийся на все, окончательно овладел им. Заметив, как изменилось лицо фиванца, Мелькарт-Машал добавил с приятной улыбкой:

— Но тебе нет нужды об этом заботиться, господин! Все причитающееся мне я уже удержал, когда отдавал твою большую, — он подчеркнул выразительным жестом рук, насколько часть Суэмбахамона превосходила его, — твою большую долю честному Иринеферу. Все, что прислано тебе, — это твое, и только твое!

Суэмбахамон долго молчал. В нем боролись радость и горькое сознание, что прибыль могла быть еще больше. Кроме того, ему было неприятно: хитрый торговец все рассчитал и сделал, даже не поговорив с ним. Иринефер хотя и видел все, но ничего не понял, — значит, как его доверенное лицо кормчий был бесполезен. Вероятно, именно в эту минуту у вельможи и зародилась первая, еще неясная мысль о личном участии в плаваниях. Наконец он овладел собой, поблагодарил финикиянина и спросил, когда и куда тот думает отправиться в следующий раз.

Мелькарт-Машал понял, что самый опасный момент их встречи уже прошел, и быстро заговорил:

— Надо повторить плавание в Карт-Хадашт! Теперь я знаю, какие товары там пользуются наибольшим спросом, и мы можем загрузить оба корабля именно ими. Но надо торопиться, скоро этот путь станет известным всем мореходам и в гавани Нового города будет тесно от прибывших кораблей!

— Хорошо! — согласился Суэмбахамон. — Начинать готовиться. Сколько тебе нужно для этого денег?

Необходимая сумма была вручена Мелькарт-Машалу, и он удалился.

Вельможа призвал к себе Иринефера, и их беседа опять затянулась до полуночи. Теперь Суэмбахамон принял окончательное решение о своем участии в предстоящем плавании.

Он снова сумел получить аудиенцию у царя Нижнего Египта, во время которой объяснил ему, что хочет совершить плавание вдоль ливийского побережья. Мысль эта чрезвычайно понравилась владыке Дельты. Втайне правитель сам неоднократно мечтал о возрождении бывшего могущества Египта, когда корабли Черной земли везли дань из покоренных сирийских и финикийских городов. Но, будучи дальновидным и терпеливым политиком, Несубанебджед понимал, что первым шагом здесь должно явиться объединение Верхнего и Нижнего царств. Сил же для этого у него пока не было. Поэтому любое предприятие, каким-то образом увеличивавшее богатство и мощь его царства, получало его полное и горячее одобрение. Он обещал Суэмбахамону, что дом и все домочадцы фиванца во время его отсутствия будут находиться под царским покровительством, и даже предложил путешественнику для сопровождения десяток воинов. От последнего Суэмбахамон вежливо отказался.

Когда Мелькарт-Машал узнал о намерении фиванского вельможи плыть вместе с ним, он пришел в ужас. Чуть не плача, он долго убеждал Суэмбахамона отказаться от этого опрометчивого желания, долго говорил об опасностях, ожидающих их, о трудностях и лишениях. Но все эти лившиеся потоком слова финикийнина только укрепляли непреклонность Суэмбахамона. Наконец после торжественных воззваний к Баалу, Мелькарту, Ашторет, Амону, Хонсу и еще дюжине финикийских и египетских богов и богинь, чтобы те сняли с его головы всякую ответственность за жизнь и здоровье вельможи, Мелькарт-Машал согласился. Было условлено, что Суэмбахамон поплывет на корабле финикийнина «Цалим-Баал», а «Амон доволен» — второй корабль — поведет Иринефер.

Плавание оказалось на редкость спокойным и благополучным. После первых двух трудных дней египетский вельможа привык к качке. Как выразился Мелькарт-Машал, у него были прирожденные «морские ноги». Головным шел корабль финикийнина, а за ним, в некотором отдалении, «Амон доволен».

Суэмбахамон целые дни проводил на корме судна, сидя под полосатым тентом и глядя на волны. Зрелище это ему очень нравилось и никогда не надоедало. Попутный ветер, надувая паруса, быстро гнал корабль вперед, посвистывая в снастях. На душе у фиванца было спокойно, бездумно и лег-

ко. На ночь подходили к берегу, устраивались в какой-нибудь тихой бухте и высаживались для ночлега у устья говорливого ручья или небольшой реки. Иногда — в определенных местах — корабли оставались подольше, появлялись местные жители и устраивалось торжище. Вначале Суэмбахамон прилежно наблюдал за всеми процедурами обмена и старался высчитать свою долю, но потом он убедился, что это чрезвычайно трудно, и махнул на все рукой. Заметив это, Мелькарт-Машал успокоился, и их отношения снова стали дружественными, а со стороны финикиянина почтительными.

Окрестности и природа Нового города очень привлекли египтянина, и он даже начал серьезно подумывать: а не обосноваться ли ему здесь навсегда? Ранним утром, когда корабли подошли к Карт-Хадашту, перед его взором раскрылось незабываемое зрелище. На большом полуострове, отделенном от материка узким перешейком, высился исполинский холм. На вершине его был расположен собственно город — небольшая кучка белых зданий, казавшаяся, по сравнению с Фивами, Мемфисом или городами нильской Дельты, совсем ничтожной. Со стороны материка город был огражден грубо сделанной, но достаточно мощной стеной. Ниже Бирсы — так называлась эта часть города — красивые рощи сбегали вниз по склону холма. На перешейке тоже стояли какие-то здания, очевидно связанные с гаванью, — возможно, склады. Свежий ветерок, наполненный сладким запахом деревьев и трав, шел от этой земли, радостно смеялось утреннее солнце, небо было высоким и синим. Все это наполняло душу Суэмбахамона удивлением и восхищением.

Стоявший рядом с ним Мелькарт-Машал, словно угадав мысли фиванца, вздохнул и произнес: «Вот где я хотел бы окончить свои дни! Если Баал и пуамы * будут ко мне благосклонны и я разбогатею, то обязательно поселюсь здесь и выстрою себе вон там прекрасный дом. — Он указал рукой на северный склон холма. — Подумать только, что Карт-Хадашт основан всего тридцать лет тому назад. Он еще совсем младенец, этот город. Но он вырастет и превратится в великана. Со временем он перерастет и свою мать — могучий Тир *. Поверь мне, господин, этому новорожденному суждено большое, может быть, даже великое будущее! — Помолчав, финикиянин добавил: — Мы, жители Тира, часто называем основанные нами города Карт-Хадашт. Это имя всегда приносит благополучие и успех, мы уже убедились...»

Когда корабль приблизился к гавани, Суэмбахамон заметил, что природа словно позаботилась о безопасности Карт-Хадашта со стороны моря: везде поднимались крутые, почти недоступные утесы, вход в гавань — единственное удобное место для высадки — легко можно было защитить двумя—четырьмя башнями. А уязвимая часть — подход с материка — уже была укреплена защитной стеной.

Когда «Цалим-Баал» и «Амон доволен» вошли в гавань, то Суэмбахамон поразился числу стоявших там судов. Да, Мелькарт-Машал был прав: город несомненно расцветет, если уже сейчас привлекает к себе столько торговцев!

Финикиянин сразу же сошел на берег, а Суэмбахамон остался на бор-

ту. Он наблюдал за деловой суетой, царившей в гавани, и впервые за путешествие почувствовал усталость и скуку. Нет, не рожден он для торговли! Мысль о том, что он должен бы был вот так бегать, пересчитывая тюки и мешки и потев от усердия, показалась ему отвратительной. Может быть, ему и суждено быть странником, но торговцем он не станет никогда! Напрасно он, вельможа по рождению и званию, опустил до участия в таких низменных делах, лучше было бы по-прежнему давать мореходу деньги, а самому оставаться в стороне. Суэмбахамон вздохнул и пошел к себе в каюту.

Через два часа, однако, его настроение изменилось. Явился Мелькарт-Машал, сопровождаемый вежливым молодым человеком — придворным царя Карт-Хашашта. Последний с низкими поклонами объявил египетскому вельможе, что его господин приглашает Суэмбахамона к себе в гости на все время пребывания в городе. Очевидно, Мелькарт-Машал за эти два часа успел сделать многое.

Переодевшись в праздничную одежду, Суэмбахамон вместе с придворным — его звали Адгербаалом — отправился в город. Мелькарт-Машал остался на корабле, объяснив, что займется выгрузкой товаров и размещением их у знакомых купцов.

Как только они ступили на берег, Адгербаал, сносно говоривший на наречии жителей Дельты, вежливо сообщил гостю, что обычно все приезжие приносят жертву могущественной покровительнице города — богине Танит. Если господин не возражает, то они сделают то же самое. У Суэмбахамона сперва промелькнула неловкая мысль, что у него нет жертвы, но, оглянувшись, он увидел следовавшего за ними матроса с клеткой в руках. Ловкий финикиянин позаботился и об этом. Прежняя египетская нетерпимость к чужеземным богам уже давно отошла в прошлое, и вельможа согласился с предложением почтить местное божество.

Адгербаал подвел его к маленькому храму, стоявшему у подножия холма, объяснив, что это святилище — Танит путевой, покровительницы всех моряков. Главная же святыня города — статуя божества, привезенная из далекого Тира, находится в кремле — Бирсе.

«Может быть, со временем, господин, ты увидишь и саму Танит-Пенэ-Баал-Элису», — туманно пообещал придворный.

Внутри храма было полутемно и прохладно. Слабо освещенная двумя светильниками статуя крылатой женщины в длинном одеянии и с лунным диском в руках, прижатых к груди, показалась Суэмбахамону невзрачной и варварской по грубости раскраски; он привык к изысканной тонкости работ египетских мастеров. Передав золотое кольцо и двух голубей пошедшему жрецу и бросив несколько зерен ладана на рдеющие угли курильницы, путешественник вышел из храма и присоединился к Адгербаалу, ожидавшему его снаружи.

Чем выше они поднимались по склону холма, тем шире и величественнее становился вид на окрестности. Сине-зеленые воды залива, золотой песок, молодая зелень дубов — все привлекало взоры Суэмбахамона. На ходу он сорвал травинку, растер ее между пальцами и с наслаждением понюхал. Сказывалась тоска по земле, порожденная долгим плаванием.

Царь, или, вернее, князь Карт-Хадашта принял египетского гостя с необычайным радушием. Причины его он откровенно объяснил Суэмбахамону при первой же встрече: «К нам не так уж часто попадают такие знатные лица. А вельможу, занявшегося торговлей, я вообще встречаю первый раз в жизни! Благополучие и расцвет нашего города целиком зависят от торговли... — Он на мгновение запнулся и добавил тоном примерного ученика: — И от нашего владыки, царя Тира, конечно! Поэтому мы рады приветствовать у себя такого гостя, как ты! Надеемся, что тебе здесь понравится. А мы постараемся, чтобы от посещения Карт-Хадашта у тебя остались самые приятные воспоминания!»

Князь сдержал слово. Гостю были отведены во дворце три комнаты и приставлено несколько расторопных слуг. Суэмбахамона развлекали изо всех сил: устроили несколько пиршеств с настоящими тирскими танцовщицами, жонглерами и акробатами, загородные прогулки. Один раз ему даже показали невиданного зверя пустыни: на длинных, словно ходули, ногах покоилось мелковатое туловище со странным горбом посередине. Маленькая голова на причудливо изогнутой шее мерно покачивалась в такт большим шагам. Суэмбахамон слышал о верблюде, но никогда не видел его. Финикияне называли его «гимел». Больше всего поразило и развеселило фиванца поведение животного: когда слуга нарочно разозлил его, гимел двумя меткими плевками залил дерзкого с головы до ног клейкой слюной.

«Гимел — неоценимый помощник в странствиях по пустыне, — объяснил всюду сопровождавший Суэмбахамона Адгербаал. — Он ест самые жесткие колючки и может обходиться без воды от трех до семи дней. Он чувствует приближение песчаной бури за несколько часов. Гимел обидчив, вы сами это видели, его нельзя не только бить, но даже погонять никому, кроме хозяина. Зато бежит он быстрее лошади. К езде на нем, правда, надо привыкнуть, потому что его размашистый бег вызывает у седока тошноту, совсем как во время качки на морском корабле. Не хочет ли господин испытать быстроту и надежность гимела?»

Но Суэмбахамон, взглянув на свою белоснежную одежду, отказался. Ему почему-то показалось, что животное сразу сбросит его на землю и безжалостно оплюет.

Через несколько дней появился довольный Мелькарт-Машал с известием, что все привезенные товары удачно проданы. Теперь надо решить, что покупать для обратного путешествия. Во время этого разговора и возник новый крутой поворот в жизни египетского изгнанника.

Князь Карт-Хадашта, присутствовавший при беседе Суэмбахамона с мореходом, заметил, что торговля с Дельтой становится уже всеобщим занятием и поэтому приносит мало доходов. Что же касается Крита, то теперь этот остров посещать не стоит, там дела пришли в расстройство. Да и на материке ахейцев не лучше, у них сейчас смутные времена... Надо искать новые пути и новые места. Наиболее смелые моряки уже совершали плаванья к Туманным островам¹ и даже далее, к берегам моря, где рождается янтарь. Вот куда надо направлять теперь корабли!

¹ Туманные острова — Британские острова

Мелькарт-Машал, неутомимый бродяга и искатель приключений, сразу загорелся. Олово, в изобилии добывавшееся на Туманных островах, пользовалось во всех странах Внутреннего моря¹ большим спросом. Привезти оттуда большой груз этого металла означало для финикийнина быстрое и окончательное обогащение, после чего он мог спокойно поселиться в Новом городе, будущее его было бы обеспечено. Правда, путь к этим островам далек и опасен: корабли должны были выйти за Столбы Мелькарта² и плыть по Внешнему морю³. Но опасность подстерегает моряка всюду: утонуть можно и возле самой безопасной гавани, пираты могут захватить судно именно в водах Внутреннего моря — за Столбами Мелькарта их нет, — а прибылей здесь значительно меньше. И Мелькарт-Машал стал уговаривать Суэмбахамона решиться на новый маршрут.

«Господин может спокойно гостить в Карт-Хадаште, а мы совершим плавание за оловом на Туманные острова. Если же там мы сможем приобрести и немного янтаря, это будет совсем прекрасно. А после распродажи привезенного в Карт-Хадаште корабли доставят господина домой, в Дельту. Князь прав: надо плыть на Туманные острова!»

После недолгих уговоров Суэмбахамон согласился: возможность большой наживы привлекала и его.

Мелькарт-Машал сразу же развил кипучую деятельность. Палубы обоих кораблей были зашиты досками: волны Внешнего моря были огромными и могли легко захлестнуть судно. Он сумел договориться с опытным кормчим Арнтом Алетной, тирсенон* по рождению, уже побывавшим на Туманных островах, — проще говоря, сманил его за небывало высокую оплату. Готовились большие запасы пищи и воды, были приобретены самые интересные, по мнению знатоков, для обитателей далеких стран товары, главным образом благовония. Через две недели корабли были готовы к отплытию.

В последние дни египтянином снова овладела тоска по родине. Его неудержимо тянуло в родной дом в Фивах. Суэмбахамон почти лишился сна и в часы долгой бессонницы все время размышлял, каким образом он мог бы получить прощение фараона и вернуться к покинутой им семье.

Решение пришло неожиданно: он должен сам возглавить экспедицию на Туманные острова! После такого путешествия, обогащенный опытом и деньгами, он, конечно, сможет добиться аудиенции у владыки Верхнего Египта и вымолить себе прощение! Если же он привезет с собой еще и несколько хороших кусков янтаря, то половина двора сразу окажется на его стороне. А сколько дней он сможет развлекать фараона рассказами о своих приключениях! Итак, решено: он плывет с Мелькарт-Машалом.

Когда Суэмбахамон объявил о своем намерении князю Карт-Хадашта, тот воспринял его слова совершенно спокойно, словно речь шла о небольшой загородной прогулке. Правитель Нового города попросил египтянина на обратном пути обязательно остановиться у него, тот обещал.

¹ Внутреннее море — название Средиземного моря у финикийн.

² Столбы Мелькарта — Гибралтар.

³ Внешнее море — название Атлантического океана у египтян.

Услышав о решении, Мелькарт-Машал слегка усмехнулся и заметил, что господин скоро станет настоящим «князем моря»¹. Суэмбахамон, не очень понявший остроту финикиянина, счел полезным пропустить его слова мимо ушей. На этот раз Суэмбахамон хотел плыть на «Амон доволен» вместе с Иринефером.

До Столбов Мелькарта корабли дошли за десять дней вполне благополучно. Поначалу ветра не было. Окрашенные в желтую краску весла рвали блестящую морскую гладь — плети надсмотрщиков вынуждали рабов-гребцов отдавать все свои силы. Потом паруса наполнились, и корабли поплыли уже без весел. Казалось, все предвещало удачное и спокойное путешествие.

Когда высокая стена пролива справа и смутно видневшиеся слева зеленые холмы медленно расступились, открывая путь во Внешнее море, а затем растаяли позади, сердце Суэмбахамона тревожно забилося. Шедшие ровной чередой огромные валы Внешнего моря бросали суда как щепки, и только теперь египтянин осознал, на какое рискованное и опасное дело он решился. Да, это была вовсе не Великая зелень, как называли оставшееся позади море египтяне, или Внутреннее море, как справедливо говорили о нем финикияне! Здесь все было иным — грандиозным и жутким.

Даже когда Суэмбахамон, плывя по Великой зелени, не видел берегов, он сознавал, что они где-то здесь, рядом, чувствовал их. А тут была равнина неба и равнина моря — безбрежность и бесконечность, от которой зарождался леденящий душу страх. Хотелось уткнуться лицом в палубу, чтобы ничего не видеть и не слышать. Не помогал и вид второго корабля: на могучей груди океана он выглядел так же ничтожно, как след мухи на царском обелиске! Пронзительные крики чаек, провожавших суда, казались погребальными воплями плакальщиц.

Но человек привыкает ко всему. Вскоре Суэмбахамон уже спокойнее смотрел на окружающее и надоедал новому кормчему вопросами, скоро ли они прибудут на Туманные острова. Арнт Алетна в ответ только неопределенно хмыкал или кратко говорил, что все в руках богов. А через день пришла беда.

Буря нагрянула совершенно неожиданно. Резко усилился северный ветер, по небу понеслись тяжелые тучи, извергавшие потоки дождя. Сразу исчез из виду корабль Мелькарт-Машала. Повинуясь резким крикам кормчего, матросы спустили паруса, но и это не помогло. «Амон доволен» стал беспомощной игрушкой ветра и волн; его со страшной быстротой куда-то несло. Суэмбахамон, закрывшись в каюте, то жарко молился о спасении, то впадал в полузабытье.

Когда через сутки буря утихла, кормчий и Иринефер пришли к владельцу с неутешительными известиями. Их отнесло далеко к югу, где, по словам кормчего Арнта, никто никогда не бывал. Мелькарт-Машал или погиб, или безвозвратно потерялся. Волны смыли трех матросов, сам корабль был сильно поврежден. Оставалось только отдать себя в руки богов и ждать чуда.

¹ Так финикияне называли особо удачливых пиратов.

Наступил штиль, поднятые было паруса беспомощно повисли, но «Амон доволен», повинувшись какому-то загадочному течению, медленно продвигался к югу. Солнце поднималось в небе все выше и круче, жара усиливалась. Хорошо еще, что воды и припасов на борту оставалось много. Все же по предложению Арнта рационы были сокращены. Суэмбахамон теперь проводил все дни на палубе. Беспредельная ширь океана угнетала и раздражала его

Устав глядеть на волны, фиванский вельможа взял лежавший рядом с ним папирусный свиток, оказавшийся прощальным подарком повелителя Нижнего Египта. Это была редчайшая книга — сборник стихотворений женщины-фараона, великой Хатшепсут-Нинсут-Ра*. Неторопливо развернув его, Суэмбахамон начал читать знакомые и любимые строки:

Раза в четыре колотится сердце,
Когда о любви помышляю
Шагу ступить по людски не дает,
Торопливо на привязи скачет

При мысли о милом терпеливее будь, мое сердце
Бейся по крайности медленней раза в четыре!¹

Суэмбахамон оторвал глаза от строк и задумался, невидяще смотря в слепящую солнечными бликами гладь океана

...Да, очевидно, эти темные слухи, передававшиеся на ухо от деда к внуку и от бабушки к внучке, были верны. Царица любила своего главного зодчего — красавца Сенмута! И эти стихи тому свидетельство! А он воздвиг великолепный, необычайной красоты, храм, посвященный ей, возможно сам сочинил и стихотворные надписи над рельефами. Не удивительно, что Хатшепсут, как рассказывают, была отравлена... Во всяком случае, статуи царицы были по приказанию ее преемника разбиты, а имя на рельефах выскоблено. И все же эта пара оставила о себе вечную память: она — своим постоянным стремлением к миру, великолепными постройками, наконец, этими пламенными стихами, он — своим искусством и мучительной смертью...

Тихо подошел Иринефер, поклонился и, стараясь говорить бесстрастно, сообщил: «Господин, кормчий Арнт говорит, что надвигается новая буря! Что мы должны делать?»

¹ Перевод Веры Потаповой

ГЛАВА X

ДВЕ ВСТРЕЧИ У РУЧЬЯ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

...Где светлый ключ, спускаясь вниз,
По серым камням точит слезы...

А. К. ТОЛСТОЙ

Ручей — это не только место, где встречаются влюбленные или соседки, любящие посудачить о чужих делах, пока стирают белье. Иногда здесь случаются и другие, более важные события, хотя вначале они кажутся совсем малозначительными.

Как-то утром Тианг отправилась за водой; она любила брать ее в уединенном месте, выше по течению. Уже издалека она заметила у ручья странную маленькую фигурку; судя по росту, это был ребенок, но тюрбан с длинным пером на голове мог принадлежать только взрослому человеку. Подойдя ближе, девушка поняла, что перед ней карлик. Сидя на большом плоском камне и как-то неудобно изогнувшись, он что-то делал с пяткой левой ноги.

Услышав шаги, маленькое существо обернулось, бесцеремонно уставилось на Тианг своими черными глазками и недовольным тоном спросило:

— Что тебе здесь нужно?

— Я пришла сюда за водой, как всегда, — отвечала девушка, — но если я мешаю тебе, то могу уйти.

Карлик молча вскочил и попытался уйти, но тут же с невольным стоном снова опустился на камень. Его маленькое сморщенное личико исказилось от боли, а на глазах выступили слезы.

Добрая душа Тианг не выдержала. Она опустила кувшин на землю и приблизилась к карлику. Его беспомощность и явное страдание тронули девушку.

— Тебе плохо, — участливо спросила она и чуть не добавила «маленький», но вовремя спохватилась, — почтенный?

— Мне в пятку попала игла дикобраза, сломалась, а кончик остался, — отрывисто сказал карлик. — Я не могу его вытащить. Вот и все!

— Может быть, я смогу помочь тебе?

— Попробуй!

Карлик снова уселся на камень, вытянул ногу, а девушка склонилась над ней. Вытащить обломок иглы оказалось делом совсем не легким. Заноза целиком ушла в пятку, и оттуда слегка выступал только ее толстый конец; вокруг него уже начинала образовываться припухлость. Несколько раз Тианг пыталась ухватить кончик иглы ногтями, но они соскальзывали. Карлик терпел молча, но всякий раз при неудаче скрипел зубами.

Наконец Тианг решительно наклонила голову и ухватила занозу зубами. Игла была вытащена.

Потерпевший хотел сразу же встать, но девушка удержала его.

— Теперь ты должен подержать ногу в холодной воде, чтобы спала опухоль и прошла боль, — сказала она. — Посиди здесь у ручья, сюда никто не приходит, и тебе будет спокойно. А я сбегаю в селение к нашему жрецу. Он опытный лекарь и, наверное, даст какую-нибудь мазь, чтобы скорее зажило...

— Хорошо, — сказал карлик. — Иди, я буду ждать.

К счастью, Тианг застала Чахилья в его хижине. Старик, услышав взволнованный рассказ девушки о случившемся, потрепал ее по плечу и, порывшись в своих запасах, дал крошечный горшочек с мазью и кусок хлопковой ваты.

«Намажь как следует всю пятку, — сказал он, — и дай остаток мази твоему карлику. Наверное, это Куоку * — придворный шут правителя. Первый раз в жизни мне приходится помогать такому важному лицу! Беги скорее: эти люди обычно нетерпеливы!»

Девушка нашла карлика на том же месте. Он сидел, опустив ноги в воду, и задумчиво глядел на густые заросли другого берега. Услышав шаги, он обернулся и недовольно заметил:

— Ты не очень-то торопилась!

Тианг ничего не ответила. В ней боролись и раздражение, и жалость. Став на колени, она тщательно смазала болезненное место мазью, приложила вату и крепко обвязала ногу чистой тряпочкой.

Человечек приподнялся и попробовал осторожно ступить на пораненную ногу. Очевидно, боль стала меньше, потому что он сделал несколько шагов довольно свободно. Затем, остановившись, карлик сказал:

— Спасибо тебе, девушка! Знай, что ты помогла Куоку — увеселителю нашего великого правителя. Я никогда не забываю ни сделанного мне добра, ни причиненного зла. Поэтому всегда можешь рассчитывать на мою помощь. А как зовут тебя?

— Мое имя Тианг из рода Цокан, живу здесь, в селении Тахкум-Чаканг!

— Прощай, девушка Тианг, и будь здорова и счастлива!

И Куоку повернулся, собираясь уйти, но Тианг воскликнула:

— Подожди, о почтенный Куоку! Возьми с собой остатки мази и вечером перед сном снова помажь рану. Так велел жрец Чахиль.

Карлик взял горшочек, еще раз поблагодарил и медленно удалился. Девушка долго смотрела ему вслед. Несмотря на богато расшитую набедренную повязку, ожерелье из раковин и тюрбан с пером голубой сойки, Куоку казался ей маленьким обиженным ребенком, а вовсе не важным

придворным, находившимся вблизи самого правителя Ниваннаа-Чакбо-лая. Чуткое сердце подсказало ей, что важность и напыщенность этого маленького существа просто маска, за которой скрывается беззащитность. И ей стало жаль Куоку.

Через три дня карлик снова появился у ручья. Когда Тианг набрала воду и собиралась уйти, сзади нее раздался писклявый голосок:

— Здравствуй, девушка Тианг! Твоя мазь очень помогла мне, как видишь, теперь я хожу совсем хорошо!

Из кустов на другом берегу вышел Куоку. Очевидно, он провел здесь некоторое время, поджидая ее. Быстро перебравшись через ручей, он приблизился к Тианг и, достав из набедренной повязки ожерелье из пестрых раковин, протянул его удивленной Тианг.

— Вот, возьми, это тебе от меня за лечение!

Девушка отвела его руку.

— Лечила тебя не я, а наш жрец Чахиль. Он дал мазь, он и посоветовал, что делать. Это красивое ожерелье по праву должно достаться ему, хотя он не любит и не носит украшений. Я могу передать ему твой подарок как знак твоей признательности.

Куоку быстро спрятал ожерелье за спину.

— Я не знаю никакого Чахиль! — сердито воскликнул он. — И оказала помощь мне ты, а не какой-то здоровенный как жердь молодой жрец. Кто вытащил кончик иглы зубами из моей пятки? Разве это был твой Чахиль? Бери ожерелье сама и сейчас же надень его, не то я брошу его в воду!

Тианг невольно улыбнулась.

— Мой Чахиль, — медленно сказала она, — очень старый и очень добрый человек. Он вполне мог бы быть моим дедушкой. И кстати, ростом наш жрец чуть побольше тебя, поэтому нехорошо называть его жердью!

— Все равно лечила меня ты. Я верю теперь, что жрец Чахиль добрый. Прошу тебя, возьми мой подарок!

— Спасибо, благодарю тебя, почтенный Куоку!

Тианг взяла ожерелье и надела его на шею. Карлик с довольным выражением лица внимательно смотрел на девушку.

— Ты стала еще красивее, — сказал он, — это украшение очень идет тебе!

Тианг покраснела, низко поклонилась в знак благодарности и взяла кувшин, собираясь уйти.

— Подожди, — попросил Куоку, — посиди со мной еще немного, я хочу поговорить с тобой.

Девушка послушно присела на камень. Карлик остался стоять, но не говорил ни слова.

— Как же ты занозил ногу, почтенный Куоку? — спросила Тианг, чтобы как-то прервать наступившее молчание.

— Во-первых, не называй меня «почтенный», не такой уж я знатный, да и по возрасту далеко не стар, — быстро сказал карлик, усаживаясь подле Тианг, — можешь просто говорить Куоку! А во-вторых, знай, что моя жизнь при дворе не такая уж сладкая. Конечно, я ем лучше, чем многие вельможи, сплю под красивым покрывалом и часто вижу великого правите-

ля. Но быть игрушкой — смешно и горько! Молчи, молчи! — сказал он, заметив протестующий жест Тианг. — Не надо говорить, что ты думаешь по-другому. Я в этом убедился, я уже знаю твое доброе сердце, поэтому и говорю тебе. Только тебе! — подчеркнул он. — Ведь я совершенно одинок, у меня ни родных, ни близких, мне не с кем поделиться. И когда меня охватывает по временам отчаяние и горечь, я ухожу в лес и брожу там день-два. В это время я ничего не вижу перед собой и, как дикий зверь, ломлюсь прямо через чащу. Вот как попала в мою ногу игла дикобраза. Но теперь я благодарен ей, из-за нее я приобрел друга. — И карлик протянул девушке руку.

Тианг молча крепко сжала ее. Куоку поднялся.

— Я буду навещать тебя иногда, — сказал он, — и всегда мы будем встречаться у ручья. Я не хочу приходить в твоё селение!

Карлик повернулся и быстро засеял к дороге. Его маленькая фигурка была жалкой и трогательной. Слезы навернулись на глаза девушки, и она ласково провела рукой по ожерелью, словно Куоку мог это увидеть. И в то же время, радуясь и стыдясь этого чувства, она подумала: какое счастье, что и Шанг, и она — нормальные люди и им не суждено возбуждать у людей любопытство и сожаление.

Тианг рассказала обо всем и Чахилю, и Шангу. Отношение их к происшедшему было различным. Жрец откровенно порадовался успеху своей приемной дочери (он считал Тианг именно таковой), а молодой земледелец рассердился. Он долго доказывал девушке, что она не должна была принимать подарок, и просил ее больше не встречаться с карликом. Только ласковые слова Тианг успокоили его, и он перестал ревновать свою любимую к Куоку.

Через несколько дней произошла другая встреча, имевшая для Тианг не менее важные последствия. И опять это случилось если не у самого ручья, то совсем неподалеку от него.

Набрав воды, девушка выбралась из зарослей на дорогу и пошла к селению. Навстречу ей двигалась небольшая группа людей с носилками в центре. На них сидел какой-то знатный человек, потому что перья его головного убора были блестяще-зелеными. Носильщики быстро прошли мимо девушки. Тианг скромно потупила голову, не глядя на встретившихся, как и подобало женщине из простого народа при встрече с сановником. Каково же было удивление Тианг, когда через минуту она услышала за собой быстрые шаги. Те же самые носилки появились перед ее глазами, но сопровождавших их людей уже не было. Догнав девушку, носильщики пошли медленнее, явно стараясь держаться рядом с ней. Получилось, что Тианг как бы сопровождала знатного путешественника.

Некоторое время девушка шла, опустив голову и будто не замечая ничего, но постепенно ускорила шаг, чтобы избавиться от странного соседства. Это ей не удалось: натренированные скороходы-носильщики легко обгоняли ее.

Наконец девушка решила посмотреть на носилки. В них сидел в небрежной позе юноша чуть постарше ее; головной убор, нефритовые браслеты и ожерелье, веер в руках — все обличало знатность происхождения

и высокий сан. Он в упор, ничуть не стесняясь, разглядывал ее и чуть-чуть улыбался. Наверное, он был даже красивым, вот только чересчур большой рот с узкими бледными губами...

Покраснев от смущения, Тианг отвела взгляд от молодого вельможи и пошла нарочно медленно, но носильщики, словно отгадав ее намерение, также замедлили шаг. Все оставалось по-прежнему, но теперь девушка чувствовала на себе пристальный взгляд, он словно оплетал ее клейкой паутиной.

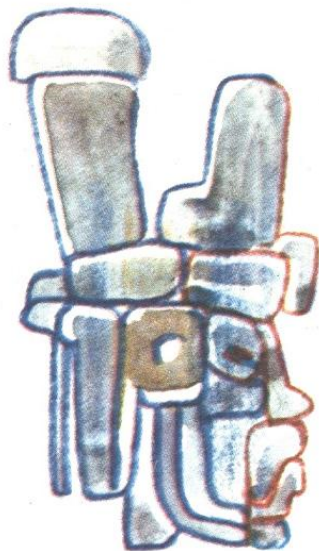
Вдали показались первые хижины селения. Привлеченные редким зрелищем — носилками с знатным лицом, — стайкой слетелись мальчишки и пошли рядом с Тианг. Это немного подбодрило девушку. Юноша коснулся веером плеча переднего носильщика, и тот спросил у ребят:

— Как называется ваше селение?

— Тахкум-Чаканг! — разноголосым хором ответили они.

После этого носильщики, повинувшись новому знаку, остановились, развернулись и быстрым шагом устремились назад. Мальчишки побежали за ними, а девушка облегченно вздохнула.

Она никому не сказала об этой странной встрече, но на душе у нее несколько дней оставался какой-то горький и тревожный осадок.

ГЛАВА XI

ИЩИ, КУОКУ!

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Искать и не найти,
Найти и не сдаваться...
Р. Л. СТИВЕНСОН

Тианг варила похлебку из фасоли. Солнце уже прошло более половины своего пути, и с приготовлением обеда следовало поторопиться. Вокруг было почти безлюдно: мужчины и подростки работали в полях, дети, утомившись после игр, спали кто в тени деревьев, кто в хижинах; женщины хлопотали около очагов.

Вдруг кто-то тронул девушку за плечо. Она обернулась и увидела Куоку.

На этот раз карлик был одет особенно пышно. Его набедренная повязка была богато расшита красными нитями, к тюрбану было прикреплено длинное белое перо, а на груди висело новое ожерелье. Он весело улыбался.

— Привет тебе, о Тианг! — сказал он. — Я принес своей спасительнице радостную весть. Скоро ты станешь богатой и знатной госпожой!

Тианг выпрямилась, встала с коленей и недоуменно посмотрела на неожиданного гостя.

— Здравствуй, Куоку! Почему ты пришел к нам? Ты же сам говорил, что не хочешь приходить сюда, в селение, а будешь встречать меня у ручья. Что-нибудь случилось с тобой?

— Случилось, да, но не со мной, а с тобой! Разве ты не слышала, что я только что сказал тебе: «Скоро ты будешь богатой и знатной!»

— Как это может быть? Что ты говоришь, Куоку?

Карлик уселся подальше от очага и начал рассказывать:

— Вчера меня призвали ко второму сыну правителя, не к наследному царевичу, а к Ханг-Нок-Пингу. Он сказал мне очень благосклонно: «Я знаю, что, несмотря на свое имя, ты очень быстро двигаешься, Куоку! Ты смыслен и хитер. Прошу тебя, отправляйся в селение Тахкум-Чаканг, найди там одну девушку, — тут он довольно точно описал тебя, — и узнай, как ее зовут и кто ее родственники. Иди же быстро и ищи ее, Куоку! Ищи!» Выйдя от царевича, я, конечно, расспросил его приближенных, и они пове-

дали мне, что на днях Ханг-Нок-Пинг увидел на дороге какую-то девушку; она так понравилась ему, что он решил сделать ее своей женой. Скажи: я не ошибаюсь, это действительно была ты? Ты видела царевича?

Девушка стояла неподвижно, уставившись в одну точку. Обрушившееся на нее несчастье словно оглушило ее. Ох, Шанг, Шанг, что же теперь делать?

— Я видела какого-то молодого вельможу, но не знала, что он царевич, — ответила наконец Тианг, лихорадочно соображая в то же время, может ли она полностью довериться Куоку. Но потом, вспомнив дерзкий и липкий взгляд Ханг-Нок-Пинга, решилась.

— Послушай, Куоку, — девушка ласково коснулась его руки, — я хочу сказать тебе то, о чем никто еще не знает. Но ты совсем недавно обещал мне свою помощь...

Словно задохнувшись, она замолчала и после паузы, показавшейся озадаченному карлику очень долгой, закончила:

— Я люблю юношу из соседнего селения, и мы втайне договорились, что через два-три года он возьмет меня в жены. А твоего царевича я с первой встречи возненавидела так, что скорей умру, чем соглашусь быть его женой. Помоги мне, Куоку!

Карлик в смнении вскочил и засеменил вокруг очага. Радость, с которой он сообщил новость, исчезла с его личика, на котором сразу же проявилось множество тонких морщинок.

— Чем же я могу помочь тебе? — наконец с трудом выговорил он. — Воля царевича — закон для всех, и для твоего дяди тоже! Да он просто обрадуется, услышав эту новость! Подумай: ты станешь женой царевича, правда, третьей (две у него уже есть), но все-таки женой царевича!

— Я все сказала, Куоку! — жестко сказала Тианг. — Если не сможешь помочь, не надо! Умереть я сумею, не бойся!

Маленький человечек в отчаянии всплеснул руками:

— Как вы, молодые, не цените жизнь! Умереть — и все! А что будет делать после этого твой юноша? Тоже умрет! Нет, не смей ни говорить, ни думать о смерти! Помочь тебе просто не в моих силах, единственное, что я смогу, — это сделать вид, что ищу тебя. Ведь никто не знает, что я знаком с тобой! Но такие поиски могут продолжаться дня два, не больше, дальше уже обойдутся без меня... Что же делать?

Тианг подняла опущенную голову.

— Я пойду к Чахилу, тому жрецу и лекарю, который исцелил тебя, — сказала она. — Он старый и мудрый, может быть, придумает что-нибудь. Пойдем к нему вместе, Куоку!

Карлик отрицательно покачал головой.

— Нет, пока нам не следует показываться вместе. Я буду бродить по селению и делать вид, что ищу тебя. Нет ли в вашем селении девушки, похожей на тебя? — И, не ожидая ответа на свой вопрос, Куоку безнадежно вздохнул и продолжил: — К вечеру я вернусь во дворец и сообщу, что никого не нашел. Завтра я приду снова и наконец найду тебя. Итак, завтра днем мы поговорим, а к закату солнца царевич уже будет знать твое имя и родственников. Большого я сделать не могу! Иди же к жрецу!

Девушка, бросив все дела, кинулась к хижине Чахилья, а карлик принялся расхаживать по Тахкум-Чакангу, стараясь держаться подальше от дома Мааша.

Старый жрец, как обычно в полудреме, грел свои кости на солнце. Выслушав сбивчивый рассказ Тианг, он спросил:

— Кто же твой избранник? Это тот юноша, что приносил мне мед? Ах так. Ну конечно, я так и думал! Как его зовут? Шанг? Хорошо, я помогу тебе...

Чахиль задумался и после нескольких минут молчания продолжал:

— Куоку может завтра вечером сказать царевичу, что нашел его избранницу. Ничего не бойся, я помогу тебе, и все будет хорошо! Ты увидишь сегодня своего Шанга?

— Да, он хотел вечером встретиться со мной, — застенчиво прошептала Тианг.

— Пусть он сразу же придет ко мне. Не бойся, я задержу его не надолго. До этого ничего не говори Шангу об этом событии, иначе он наделает глупостей. Вы, влюбленные, как птицы, обязательно садитесь на ветки, намазанные клеем¹. Потом можете гулять хоть всю ночь, тогда ты ему все и расскажешь. А теперь иди, занимайся своими делами и не беспокойся. Да, вот еще что. Когда твой дядя возвратится домой, сразу же пришли его ко мне. Он у меня пробудет тоже недолго и не встретится с твоим Шангом, не бойся!

Тианг опустилась на колени и прижалась щекой к острым коленям старика. Из глаз ее наконец-то брызнули слезы.

— Спасибо тебе, трижды благодарю тебя, мудрый и добрый! О, если бы ты смог помочь мне избавиться от этого ненавистного супружества...

Чахиль погладил склоненную голову девушки.

— Иди и не страшись! Этого брака не будет, и ты еще родишь своему Шангу кучу здоровых и красивых ребятишек! Беги домой!

Зардевшаяся Тианг вскочила с колен и, поклонившись жрецу, убежала уже совсем с другим настроением. Она верила в мудрость Чахилья. А старик, посмотрев ей вслед, покачал головой и тихо произнес:

— Бедная, бедная моя девочка! Сколько еще горя ожидает тебя! Судьбы избежать невозможно!

Мааш явился под вечер, почтительно и с некоторым страхом приветствовал жреца. Чахиль жестом приказал ему сесть и начал без всяких вступительных слов:

— Мааш, мимо тебя пройдет большое счастье, но ты должен не огорчаться этому, а радоваться! Знай, что через несколько дней, может быть даже послезавтра, к тебе придут с лестным и неожиданным предложением. Ты должен будешь привести этого человека (а он будет знатным лицом) прямо ко мне. Не смей говорить ни «да», ни «нет», все в руках богов, и они, предвидя это событие, уже вынесли свое решение и известили меня. Их устами могу и буду говорить только я! Запомни это!

¹ Древние жители Мексики ловили птиц, смазывая ветви деревьев специальным клеем.

Земледелец снова почтительно поклонился и, немного помявшись, нерешительно спросил:

— А могу я сейчас узнать: что же это за счастье, которое пройдет мимо меня?

Чахиль задумался, взвешивая про себя, стоит ли что-либо открыть Маашу. Наконец, решив, что полная неизвестность может взбудоражить его собеседника и тогда неожиданное предложение будет слишком большим искушением, он сказал:

— Почему же нет? Царевич Ханг-Нок-Пинг захочет взять в младшие жены твою племянницу. Но боги этого не хотят и не допустят! Вот и все!

На губах Мааша показала недoverчивая улыбка.

— Царевич? Прости меня, мудрый, но это невозможно! Он же даже не знает ее. Да и на что ему нужен брак с простолюдинкой?

— Вот я и говорю тебе, что этого не будет! А теперь иди, подходит время моей вечерней молитвы!

Ошеломленный Мааш удалился.

Буквально через несколько мгновений перед жрецом выросла фигура Шанга. Юноша приблизился совершенно беззвучно. По его лицу было видно, что Шанг и польщен таким необычайным вызовом, и немного взволнован.

— Садись! — пригласил его Чахиль.

Юноша отрицательно качнул головой.

— Не подobaет мне сидеть перед тобой, о мудрый! Я лучше постою!

— Пусть будет так! — согласился жрец. И, глядя в упор на посетителя, он вдруг резко спросил: — Скажи: ты любишь Тианг?

Шанг вздрогнул — вопрос был слишком неожиданным и прямым, — но потом, собравшись с духом, тихо ответил:

— Да, я люблю ее... Больше жизни...

— Хорошо! А теперь скажи мне: изменится ли твое отношение к ней, если ты услышишь о Тианг что-нибудь плохое?

На этот раз юноша не медлил с ответом. Глаза его загорелись, руки сжались в кулаки, и, подавшись весь вперед, он возмущенно воскликнул:

— Кто может сказать о ней что-то плохое? Тианг такая хорошая!

— Может быть, я не так выразился, — медленно произнес старик, пристально наблюдая за собеседником, — повторю по-другому. Что будет, если ты узнаешь, что брак с этой девушкой принесет несчастье ее мужу? Ты по-прежнему будешь любить ее?

— Пусть будет несчастье, только чтобы Тианг стала моей женой! — последовал быстрый ответ.

Морщины на лице старика распустились в улыбке. Минута прошла в молчании.

Потом Чахиль сказал:

— Не думай, юноша, что я испытывал тебя! Просто, рассматривая священный список предсказаний, я увидел какие-то печальные предвидения и хотел предупредить тебя об этом. Сейчас ты пойдешь к Тианг, и она расскажет тебе об одном событии. Но ты не волнуйся: ничего плохого с ней не случится. Запомни это твердо: с Тианг ничего плохого не будет! А если я

и сказал что-нибудь не так, то ведь я — старик, мои глаза уже плохо видят и я могу ошибиться. Можешь идти!

Встревоженный юноша, не тратя времени на прощание, пустился бегом к месту свидания.

— Самый настоящий лем-хоолом, — пробормотал Чахиль, глядя ему вслед. — Только бы Анаиб-Унгир не увидел его! Бедная Тианг! Бедная девочка! Однако посмотрим священные свитки, мне надо подготовиться как следует и выбрать подходящий день.

Чахиль вынул из плетеного короба рукопись, развернул ее и, устроившись у светильника, углубился в чтение.

ГЛАВА XII

ДЕНЬ ПАСУНГ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Нищий — его знамение,
Бедняк — его знамение,
Несчастный простолюдин,
Бедный.

ПРЕДСКАЗАНИЯ ДНЕЙ
В РУКОПИСИ МАЙЯ ИЗ К'АВА

На следующий день Тианг сказала Куоку, что он может сообщить о ней. Обрадованный спокойным тоном девушки, карлик помчался во дворец. Там он был без всяких помех допущен к Ханг-Нок-Пингу, который уже не раз спрашивал о нем придворных. Молча выслушав радостное сообщение, царевич наградил усердного слугу драгоценным браслетом с собственной руки. Что произошло потом и какие были отданы приказания, Куоку узнать не смог, хотя ему этого очень хотелось. Правитель призвал карлика к себе: властелин Красной земли после долгой и утомительной беседы с начальником торгового каравана, отправляемого в далекую страну, желал отдохнуть и развлечься. Весь вечер Куоку нес какую-то чепуху и кривлялся, передразнивая то того, то другого придворного, а на душе маленького человечка было тревожно.

После таинственных слов жреца, воспринятых им как пророчество, Мааш потерял покой. Он поздно уходил на работу и рано возвращался с нее, долго сидел около хижины, украдкой поглядывая на племянницу. И что в ней особенного? Девчонка как девчонка! С какой стати начнет к ней свататься царевич, который небось не только не видел, но и не слышал никогда про нее? Зачем она ему? Мало ли у знатных вельмож красивых дочерей? С другой стороны, жрец никогда не говорил попусту, к его мудрым советам прибегали жители не только Тахкум-Чаканга, но и других селений. Наконец, этот карлик из двора правителя, наверное, не случайно болтался последние дни около их дома. Может быть, это он расхвалил царевичу красоту Тианг? Конечно, иметь зятем такого человека, как Ханг-Нок-Пинг, невообразимое счастье! Тогда он, Мааш, уж наверное, не работал бы, а только посиживал в тени да ел диковинные кушанья. Но Чахиль сказал, что этого все равно не будет! Нет, такие загадки не для головы простого земледельца! Будь что будет, только уж поскорее бы кончилось!

Посланец двора появился на третий день после сообщения Куоку, под вечер. Его сопровождал анчук-тек Тахкум-Чаканга, и по тому, как почти

тельно он относился к пришедшему, Мааш понял, что это важная персона. На то же, впрочем, указывала и богатая одежда посетителя. Войдя, представитель селения метнул быстрый взгляд на Тианг, возившуюся с сестренкой. При виде важных посетителей все притихли.

— Нам нужно с тобой поговорить, Мааш! — сухо произнес анчук-тек. Он казался чем-то недовольным или встревоженным. — Выйдем на воздух, там будет удобнее!

Низко кланяясь, Мааш повиновался.

— Добрый Мааш, — не спеша заговорил посланец, когда они втроем вышли из хижины, — мой и твой повелитель владыка Ханг-Нок-Пинг оказывает тебе великую честь: он кладет у твоего очага вязанку дров!

Сказав важно эти слова, посланец опустил руку в мешочек, висевший у его пояса, и медленно вытащил оттуда миниатюрную связку ровных, сухих, тщательно отполированных палочек размером каждая не больше мизинца. Это символическое подобие охапки топлива, которую, по обычаю, приносил жених к дому невесты, он небрежным жестом протянул земледельцу. Оба посетителя внимательно смотрели на Мааша, очевидно ожидая с его стороны взрыва радости, смущения или даже испуга.

К крайнему их изумлению, ничего подобного не произошло. Мааш переступил с ноги на ногу, опустил голову и, сглотнув слюну, глухо проговорил:

— Великий, такая честь не для меня! Чахиль сказал, чтобы вы сначала пришли к нему...

Посланец двора, приняв слова земледельца за неуклюжую форму отказа, надулся как индюк, лицо его залила яркая краска, и он буквально зашипел на Мааша:

— Ты что, деревенщина, не понимаешь, что в таких случаях не тебе рассуждать, кто и почему оказывает тебе честь?! Ты обязан стать на колени, мокрохвостая ящерица, и с величайшим благоговением принять свадебную связку! Ведь она от царевича, понял ли ты это? От царевича Ханг-Нок-Пинга!

Он снова протянул маленькую связку земледельцу, но тот, не протянув рук, чтобы принять ее, опустил покорно на колени и пробормотал, уже окончательно уstraшенный и опечаленный:

— Идите к Чахилю, я здесь ни при чем... Такова воля богов... Идите к Чахилю...

Прежде чем разгневанный вконец посланец смог что-либо сказать или сделать, молчавший дотоле анчук-тек вдруг схватил его руку с почетным даром, отвел ее от головы Мааша и быстро сказал:

— Подожди немного, владыка, давай разберемся! Чахиль вовсе не отец какой-то другой девушки, как, очевидно, предполагаешь ты, а жрец храма нашего селения. Поэтому Мааш и не думает отказываться от величайшей чести, оказанной ему, а просто предлагает сперва пройти к жрецу. Такая преданность богам скорее заслуживает похвалы, а не укора. Но разве ты не знаешь, добрый Мааш, что, по обычаю, следует сперва принять охапку, поблагодарить принесшего, а потом уже идти в храм воздавать хвалу богу?

Ободренный заступничеством анчук-тека, Мааш встал с коленей и почитительно сказал:

— Я знаю обычаи, о великий анчук-тек, и, конечно, поступил бы так, как ты говоришь, но мудрый Чахиль уже четыре дня тому назад предупредил меня, что как только вы начнете свататься, я должен не давать ответа, а просить вас сразу же идти к нему. Так я и сделал. Он сказал, что такова воля богов!

Теперь пришла очередь удивиться анчук-теку.

— Как! — воскликнул он. — Чахиль знал, что мы придем к тебе, уже четыре дня тому назад?

— Да, это так! — подтвердил Мааш. Смущение его и страх постепенно исчезли. Жрец действительно мудр, если он наперед знал все эти странные события!

— Этого не может быть! — запальчиво произнес посланец. — Я сам узнал об этом поручении только в середине дня. Откуда вашему сельскому жрецу знать мысли и намерения столь высоких особ?

— Мы сейчас отправимся к нему и все узнаем, — предложил анчук-тек, — а пока, добрый Мааш, успокойся и забудь о сказанном нами. Если нужно, мы вернемся сюда с Чахилем, и он сам скажет тебе, как ты должен поступать далее!

Тене-Тувуик — таково было имя посланца — и анчук-тек двинулись к дому Чахилья, и Мааш возвратился в хижину. Тианг украдкой внимательно посмотрела на приемного отца. Сердце девушки учащенно билось: удалось ли то, что так уверенно обещал ей старый жрец? На лице Мааша явно виднелись следы волнения, но он не сказал ни слова, и Тианг делала вид, что она ничего не заметила. Скрывая свою озабоченность, девушка принялась готовить ужин.

Некоторое время анчук-тек и посланец царевича шли в полном молчании. Наконец Тене-Тувуик взорвался:

— Не понимаю, что это значит! С какой стати я должен идти с таким важным делом к простому деревенскому колдуну? Уж если потребовалось бы, я посетил бы самого верховного жреца! Мааш обязан был принять охапку, а затем и свадебные дары. Ты распустил своих людей, анчук-тек! Они тебя не слушаются! Мы найдем другого, более решительного...

— Нет, ты не прав, почтенный! — возразил спокойно правитель Тахкум-Чаканга. Казалось, высказанное прямо обвинение представителя двора ничуть его не обеспокоило. — Во-первых, я ничего не знал о цели твоего поручения, ты всего лишь просил указать тебе дом некоего земледельца по имени Мааш, у которого есть дочь Тианг. Во-вторых, наш жрец Чахиль действительно мудр, к его советам прибегают не только жители нашего селения, но и жрецы Ниваннаа-Чакболая. Так что если он велел Маашу (а заметь, он предвидел это!) не принимать охапку, то, поверь, это все не простая случайность. Но вот и его дом. Сейчас мы все узнаем!

Они нашли Чахилья сидящим у светильника и читающим какой-то длинный свиток. Увидев посетителей, старик отложил книгу и с усилием поднялся.

— Я ждал вас еще позавчера, владыки! — сказал Чахиль с едва заметной усмешкой. — Садитесь, отдохните, да и мне, старику, трудно стоять даже перед такими почтенными гостями. Поэтому присядьте!

Гости опустились на скамью, а Чахиль, также усевшись, обратился прямо к Тене-Тувуику.

— Я знаю, с чем ты пришел в Тахкум-Чаканг, — сказал жрец, не дав промолвить ни слова посланцу, — это великая честь не только для Мааша, но и для всего нашего селения, и я был бы счастлив, если бы это могло быть. Но этого не будет! Нет, я не могу допустить этого...

— Почему? — только и успел промолвить ошеломленный Тене-Тувуик.

— Тианг — хорошая, чистая девушка, но она рождена в день Пасунг!

Чахиль замолчал и мрачно посмотрел на посланника царевича.

— Ну и что же? — уже сердито отозвался тот, явно ожидая продолжения.

— Ты что же, владыка, не помнишь священных предназначений дней? — возмутился жрец. Под его упорным взглядом посланец царевича опустил глаза.

— Я плохо учился, у меня плохая память... — после паузы смущенно пробормотал Тене-Тувуик. — Как только ты начнешь, я, конечно, вспомню... И пойму, в чем дело...

— Мужчина, рожденный в день Пасунг, будет воином, подобным ягуару, — начал нараспев Чахиль жестким звенящим голосом, — окровавлен будет его рот, окровавлены его руки-когти. Он будет победителем людей, мучителем, притеснителем, приносящим смерть...

— Да, конечно, я вспомнил, — попытался вставить Тене-Тувуик, но жрец, не обращая никакого внимания на его слова, продолжал:

— Женщина, рожденная в день Пасунг, будет ненавистной и ненавидящей, сеятельницей раздоров, она останется навеки бесплодной, ей не суждено знать тяжести младенца, она принесет несчастье и раннюю безвременную смерть своему мужу! Вот что значит быть рожденной в день Пасунг. Так ты хочешь ранней смерти царевича? Ты действительно хочешь ввести такую женщину в дом правителя Ниваннаа-Чакболая?

Только теперь посланец наконец все понял. Холодный пот выступил у него на лбу.

В умоляющем жесте он вскинул вверх руки.

— О мудрый жрец, откуда же мне было знать все это? Я лишь простой исполнитель воли царевича...

— Теперь ты знаешь, почему я, узнав о будущем сватовстве, просил сразу же прийти ко мне? Ведь если бы Мааш принял дрова, то тень смерти уже лежала бы на владыке Ханг-Нок-Пинге!

Тене-Тувуик содрогнулся от ужаса. Поручение, казавшееся ему вначале таким легким и почетным, теперь оборачивалось совершенно иной стороной.

Он не знал, что ему делать. Несколько минут прошло в напряженном молчании.

— А как же ты, мудрый Чахиль, узнал о том, что царевич собирается взять в жены эту девушку? — поинтересовался анчук-тек.

— Я гадал на священных бобах о грядущих событиях, — бесстрастно отозвался жрец, — и они сказали мне все. Тогда я проверил день рождения Тианг...

— Но может быть, здесь кроется какая-то ошибка, — заговорил немного оправившийся посланец, — почему ты, почтенный жрец, уверен, что девушка родилась именно в этот день?

Чахиль лишь презрительно усмехнулся. На вопрос Тене-Тувуика ответил анчук-тек:

— Чахиль как жрец должен знать и знает дни рождения и судьбы всех жителей нашего селения. Не так ли, о мудрый?

— Конечно! Тем более что почти все родились на моей памяти. Как, кстати, и ты, почтенный анчук-тек, это произошло в день Чапинг. Я уже достаточно стар...

— Спасибо тебе, мудрый пророк! — сказал Тене-Тувуик. — Я доложу все царевичу, как он решит, так и будет! А теперь прощай!

Нежданные посетители поспешно покинули дом жреца.

— «Как он решит, так и будет!» — издевательским тоном повторил старик, когда они ушли. — Как будто не знаю я, что будет! Вся страсть Ханг-Нок-Пинга сразу же пропадет, как только он почувствует опасность для себя...

Когда посланец и анчук-тек отошли на порядочное расстояние, последний с любопытством спросил Тене-Тувуика:

— Ты действительно собираешься передать все царевичу?

— Не раньше, чем поговорю с верховным жрецом Аниб-Унгиром, — раздраженно отозвался неудачливый посол, — не могу же я всерьез полагаться на слова вашего жреца, каким бы мудрым ты его ни считал!

Анчук-тек хотел что-то возразить, но сдержался и только молча пожал плечами. Усадив почтенного гостя в ожидавший его паланкин, он медленно пошел к своему дому.

В начале ночи в хижину Чахилья скользнула стройная фигурка Тианг: бедняжке не терпелось узнать, чем же закончилось посещение знатных гостей.

«Спи спокойно, дочка, — сказал ей ласково Чахиль, — и забудь обо всем. Больше никто не потревожит тебя с этим сватовством. Ты будешь женой не царевича, а простого земледельца».

ГЛАВА XIII

УРАГАН

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Лик земли потемнел, и начал падать черный
дождь...

«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Тене-Тувуику пришлось проявить немало изворотливости, чтобы не попасть в этот вечер на глаза царевичу. После бессонной ночи, заполненной тревожными раздумьями, он чуть свет поднялся и, тайком выскользнув из дворца, спешно отправился к верховному жрецу.

Не обращая внимания на протесты прислужников, посланец Ханг-Нок-Пинга почти ворвался в комнату, где Анаиб-Унгир беседовал (если этот разговор можно было назвать мирной беседой) с верховной жрицей Великой жабы — Матери богов.

— Как же могло получиться, что избранная тобой для жертвы девушка Нам-Цук вышла замуж? — гневно вопрошала Иш-Кан-Леош. — Не твои ли жрецы должны были следить за ее чистотой?

Анаиб-Унгир равнодушно пожал плечами.

— Стоит ли так волноваться, почтенная Иш-Кан-Леош, из-за совершенно пустячного дела? — спокойно произнес он. — Да, дочь скульптора неожиданно быстро пленила ученика своего отца. Конечно, теперь она недостойна высокой чести, но разве мало других девушек? Да, по правде говоря, и следить за этой Нам-Цук должны были скорее твои жрицы и ты сама, а не служители верховного жреца...

— Беленг-Хиш поступил бы не так! — упрекнула вконец рассерженная Иш-Кан-Леош.

— Возможно, — так же невозмутимо согласился Анаиб-Унгир, но глаза его остро блеснули, — тебе надо только подождать, когда он станет верховным жрецом! — И после небольшой паузы, словно вспомнив что-то, первосвященник продолжил: — Дочь твоего брата — прекрасная чистая девушка и достигла расцвета своей юности. Разве она не превосходит во всем Нам-Цук? Это была бы действительно достойная избранница для великой Матери богов!

Иш-Кан-Леош задохнулась, охваченная страхом и стыдом. Ответный удар был нанесен метко. Как жрица Иш-Кан-Леош понимала, что лучшей

жертвы, чем ее племянница, не найти. Но все человеческое в ней бурно протестовало. Единственная молодая поросль в ее семье будет срезана ее же рукой! В мучительном раздумье верховная служительница Матери богов медлила с ответом. Анаиб-Унгир пристально глядел на нее, и под этим цепким безжалостным взглядом Иш-Кан-Леош впервые почувствовала себя совершенно беспомощной. Но прежде чем с ее губ сорвалось роковое «Я согласна», верховный жрец, словно только что заметив присутствие Тене-Тувуика, обратился к придворному.

— Что-нибудь случилось у царевича Ханг-Нок-Пинга, почтеннейший? — спросил он приветливо. — И чем я могу в таком случае помочь?

— О мудрейший из мудрых, — смущенно пробормотал Тене-Тувуик, понявший теперь, что он ворвался действительно не вовремя, — прости меня за мое неожиданное появление. Здоровье царевича Ханг-Нок-Пинга и его семьи хорошее, благодарю тебя за внимание...

Анаиб-Унгир повелительным жестом призвал придворного быть кратким. Тогда Тене-Тувуик, совсем смутившись, единым духом выпалил:

— Хорошо ли брать в жены девушку, родившуюся в день Пасунг?

Даже занятая своими невеселыми мыслями Иш-Кан-Леош удивленно подняла голову и нахмурилась. Анаиб-Унгир посмотрел на посланца царевича с явным сожалением.

— Вот что значит пренебрегать в свое время учением, — нравоучительно произнес он. — Кто же может взять замуж девушку, рожденную в этот день? Она будет бесплодной и убийцей своего мужа! Славную невесту ты подыскал для своего сына, Тене-Тувуик! И даже не потрудился заранее знать день ее рождения!

Придворный опыт подсказал Тене-Тувуику, что, взяв сейчас неприятности на себя, он вызовет царевича из щекотливого положения и тем самым обеспечит его привязанность в дальнейшем. Поэтому, потупив голову, он с сокрушенным видом признался верховному жрецу, что его сын влюбился в простолюдинку и умоляет его о разрешении вступить с ней в супружество. Но он, Тене-Тувуик, решил прежде всего узнать о предполагаемой невестке у местного жреца, а тот предостерег его. Так как судьба сына для него дороже всего, то он, боясь, что жрец что-либо напутал, осмелился потревожить Анаиб-Унгира.

И первосвященник, и Иш-Кан-Леош, забыв временно о своих распрях, принялись в один голос убеждать Тене-Тувуика «выбить дурь» из головы сына. Разве можно идти против воли богов? Мало того, что выбор его пал на простолюдинку, она оказалась еще рожденной в день Пасунг! Что за молодежь пошла в наши времена! В старину молодой человек не посмел бы и заикнуться о таких делах, а смиренно ждал бы выбора родителей...

— Пришли своего сына ко мне, — неожиданно закончил Анаиб-Унгир, — и я назначу его священным слугой на остров Усоkitок-Петенг. Там он месяца за два забудет все свои глупости и станет примерным юношей!

Неизвестно, как удалось бы придворному царевича вывернуться на этот раз, так как мысль о том, что его Куисис будет прислужником жрецов на страшном острове жертвоприношений, конечно, устрасила его, но, на

счастье Тене-Тувуика, в комнату поспешно вошел Ах-Маш, почтительно поддерживаемый своим учеником.

— Плохие предзнаменования, великий жрец, — прошамкал он, подойдя к Анаиб-Унгире. — Приближается ураган, и такой страшный, что я за всю свою жизнь еще ничего подобного не видел. Надо срочно готовиться к отражению бедствий...

— Что-то необычно рано, почтенный Ах-Маш, для этого времени года, — медленно проговорил верховный жрец, но нахмурившееся лицо его ясно показывало, насколько он взволнован этим известием. — Точны ли твои сведения?

— Можешь не сомневаться, великий, грузик на волосе опустился на четыре деления, да я и сам чувствую приближение бури: еле дышу. Это вам, молодежи, все нипочем...

— Четыре деления! — повторил Анаиб-Унгир с явным страхом. — Этого никогда не бывало!

— Я уже тебе сказал, что не помню такого, а я прожил долгую жизнь, — отозвался Ах-Маш.

По его бледному лицу было видно, что старику плохо. Он крепче оперся на ученика.

— Мне худо, — прошептал он, — но я свой долг выполнил... предупредил.

И старый жрец, внезапно потеряв сознание, упал на руки растерявшегося ученика. Пока Анаиб-Унгир и Иш-Кан-Леош, поспешив на помощь, укладывали Ах-Маша на пол и приводили его в чувство, Тене-Тувуик незаметно выскользнул из помещения.

«Скорей во дворец! — приказал он носильщикам, усевшись в паланкин. — Не жалейте ног, а думайте о целостности ваших спин!»

В пути придворный размышлял с горечью о том, в какой водоворот событий попал он из-за прихоти царевича. Надо во что бы то ни стало отвлечь Ханг-Нок-Пинга от этой нелепой затеи с женитьбой; старый жрец из селения Тахкум-Чаканг оказался полностью прав, не только Анаиб-Унгир, но и верховная жрица Матери богов подтвердила это. Может быть, известие о приближающемся урагане поможет царевичу забыть о желании приобрести еще одну жену? Наконец, надо подумать и о судьбе собственного сына. Анаиб-Унгир — человек весьма суровый и вполне может послать бедного, ни в чем не повинного Куисиса на страшный Остров кремневых ножей! А оттуда возвращаются далеко не все, да и вернувшиеся действительно сильно меняются, да только изменение это не радует родителей.

Во дворце служители встретили Тене-Тувуика с нескрываемым облегчением: царевич рвал и метал, требуя немедленно доставить к нему пропавшего царедворца. Тене-Тувуик поспешно вошел в комнату, где находился Ханг-Нок-Пинг, и, приняв смиренную позу, остановился молча перед ним.

— Где ты пропадал? — обрушился на него царевич. — Тебя нигде не могли отыскать. Когда же ко мне приведут мою новую жену?

— Я заботился и хлопотал о твоем благополучии, великий владыка, — отвечал тихим голосом придворный, — а девушка Тианг твоей женой не будет! Если ты повелишь, я буду искать тебе новую жену...

— Как это — не будет? Что с ней случилось? — воскликнул обеспокоенный царевич. — Она заболела?

— Нет, владыка, с ней все благополучно. Но мудрецы говорят, что девушка, рожденная в день Пасунг, принесет своему супругу несчастье...

— Так она рождена в день Пасунг! — произнес Ханг-Нок-Пинг сдавленным голосом и погрузился в тягостные размышления.

Царевичу не надо было справляться у верховного жреца о судьбах рожденных в тот или иной день. Он неплохо учился, а гороскопы его особенно привлекали; значение дня Пасунг Ханг-Нок-Пинг помнил отлично. Как ни волновала его красота Тианг, жертвовать своей жизнью ради нее он вовсе не собирался.

— Надеюсь, ты не вручил свадебной связки? — наконец осведомился он. — Я не хотел бы быть связанным с такой девушкой ничем!

— Как это можно, царевич! — ужаснулся Тене-Тувуик, внутренне ликуя, что злополучный день Пасунг так выручил его. — Я не сказал ей ни одного слова!

И придворный поведал своему повелителю обо всех событиях сватовства, предусмотрительно умолчав, однако, что он предлагал Маашу связку дров. По его словам выходило, что, как только он появился в Тахкум-Чаканге, его пригласили в дом жреца Чахия.

— Как мудр этот старый жрец! — воскликнул царевич. — Наверное, у него есть могучий гадательный кристалл, если он смог предусмотреть такое неожиданное сватовство и заранее предостеречь меня. Надо будет послать ему подарок! Он выручил меня из большой беды! Но смотри, Тене-Тувуик, никому об этом происшествии ни слова, иначе тебе придется плохо!

Придворный молитвенно сложил руки.

— Возможно ли такое, владыка? Моя преданность тебе безгранична, и я все хорошо понимаю. Кроме того, — добавил он, — я сейчас случайно узнал у верховного жреца, что приближается ураган, какого еще никогда не было. Так что будет не до лишних разговоров!

— Ураган? — переспросил Ханг-Нок-Пинг. — Если жрецы его предсказывают, то это обычно сбывается. Какое бедствие для моего хозяйства! Надо подумать, что мы должны предпринять. Позови сюда управителя, Тене-Тувуик!

Пока царевич и его придворные совещались, Анаиб-Унгир прибыл во дворец и потребовал спешного свидания с повелителем Ниваннаа-Чакболая. Представ перед владыкой Красной земли, верховный жрец, как всегда спокойно, сообщил ему о приближающемся бедствии, словно речь шла о каком-то повседневном деле. Реакция правителя была достойной его высокого сана. Не дрогнув ни одним мускулом, точно он был высеченной из камня статуей, владыка выслушал горестную весть и приказал тотчас же призвать к себе начальников каналов, скороходов, управителя двора и анчук-теков ближайших селений. Когда они спешно собрались, повелитель отдал несколько кратких и четких указаний. Скоро все участвовавшие в этом небольшом совещании знатные лица уже занимались порученными им делами, а скороходы, задыхаясь, мчались к анчук-текам отдаленных городов и селений.

Между тем, казалось, ничто не предвещало бури: небо было чистым, даже необычно голубым, ярко светило солнце, только легкий утренний ветерок, дувший с далеких гор, постепенно затих. Воздух стал совершенно недвижим, безжизненно опустели листья деревьев. В окрестных лесах животные поспешно устремлялись в сторону, противоположную побережью.

К полудню жара заметно усилилась. И сам город, и ближайшие селения казались гигантским развороченным муравейником из-за необычного для этого времени дня оживления. Хлопотавшие теперь повсюду люди — кто укреплял насыпи, кто переносил припасы из Дома пищи в особо подготовленные в отрогах ближайших гор тайники, кто защищал посевы — чувствовали необычную духоту. Пот струился по лицам и спинам непрерывным потоком. Вода, которую подносили дети в узкогорлых кувшинах, не приносила никакого облегчения. То здесь, то там слышался короткий вскрик, а иногда и просто хрип, и кто-то падал на пыльную землю. Его быстро оттащивали в тень ближайшего дерева и оставляли там; времени заниматься заболевшим или умершим не было. И правитель Ниваннаа-Чакболая и анчук-теки появлялись в самых неожиданных местах, подбадривая работавших или наказывая не проявлявших, по их мнению, достаточных стараний. В храмах торжественно вершились таинственные старые обряды.

Ровная серая пелена постепенно затянула все небо, а зной усилился еще больше. Окрестности заволокло неподвижным белесоватым маревом; здания на акрополе уже не были видны находившимся на равнине. Духота стала нестерпимой. Кто-то из работавших воскликнул, что наступает конец мира. Найдящийся поблизости молодой жрец сказал отчаявшемуся: «Этого не может быть! День, когда боги решают, продлить жизнь на земле или уничтожить мир, наступит только через два года! А теперь будет лишь большая буря! Ободришься, несчастный, и работай, иначе ты будешь примерно наказан!»

Повелитель Красной земли наконец отдал приказ: прекратить работы и разойтись, чтобы укрыться. С горечью в душе он сознавал, что сделано далеко не все, но одновременно сам чувствовал инстинктивное желание куда-то бежать, скрыться, спрятаться от надвигающегося ужаса и поэтому понимал этот страх в других. Кроме того, если бы ураган застал людей во время работы, были бы лишние жертвы.

Тианг, работавшая, как и все жители Тахкум-Чаканга, мучилась страхом за своего возлюбленного и Чахилия. Шанг был в своем селении, далеко от нее, а старый жрец лежал дома, ему стало плохо еще утром. Как только анчук-тек распустил работавших, девушка ринулась сначала по направлению к Хоктунгу, но через несколько мгновений устыдилась и повернула назад, к жилищу Чахилия. Ведь это именно он спас ее от ненавистного брака, он сохранил ее для Шанга, а она оставляет беспомощного старика совершенно одного! Нет, она должна быть около жреца!

Девушка стрелой влетела в хижину дяди и с одного взгляда убедилась, что там все благополучно: Мааш сидел на глиняном полу, обняв детей, прикорнувших около отца. Не тратя времени на объяснения, она повернулась на пороге и исчезла. Мааш молча проводил ее взглядом. С момента памя-

ного разговора со жрецом он стал немножко побаиваться Тианг и предоставил ей полную свободу.

Когда девушка так же стремительно появилась в доме Чахилия, сердце ее вдруг наполнилось радостью, счастьем. У ложа старика сидел на корточках Шанг, смачивавший водой грудь неподвижно распростертого Чахилия. Лишь слабое неровное дыхание, колебавшее ее, показывало, что жрец еще жив.

— Шанг! Ты здесь! — радостно воскликнула девушка.

— Как только нас освободили от работы, я прибежал сюда, боясь за тебя и почтенного Чахилия. Мать в безопасности в доме Ах-Шооча. Все они беспокоятся за Нам-Цук, она ведь ждет маленького!

Тианг мимолетным ласковым движением коснулась плеча юноши.

— Все будет хорошо, милый! Ведь бури бывали и прежде. Как себя чувствует наш добрый покровитель?

Неожиданно веки старика поднялись, и он, посмотрев на Тианг, прошептал:

— Мне лучше. Потрите сильнее грудь и дайте настойки вон из той маленькой тыквы...

Юноша тотчас же принялся энергично массировать грудь и руки Чахилия, а Тианг напоила его настойкой из трав. Щеки старика заметно порозовели, а дыхание стало ровнее и глубже.

Сильный раскатистый гул вдруг заполнил все. Как будто в комнату влетел необычайно большой шмель. С каждым мгновением этот шум крепнул и приближался; уже был слышен резкий свист ветра.

— Подходит ураган! — сказал жрец. — Смилюйтесь над нами, боги, и пощадите!

Юноша и девушка инстинктивно рванулись друг к другу и замерли в крепком объятии.

Теперь это был уже не шум, а непрерывный, надрывающий душу рев. С еле слышным в нем треском сломалось первое дерево, за ним последовало второе, третье, десятое... Ветер, казавшийся холодным после тягостной духоты, пронизывал всю хижину... Стало темно почти как ночью...

Жители побережья с ужасом увидели, как из мутной мглы, метавшейся над поверхностью океана, медленно поднялся бешено вертящийся гигантский столб. Он тянулся все выше и выше, достиг наконец низких, быстро летящих черных туч и уперся в них. Величественно и страшно смерч двинулся с океана на материк. Предсказанный Ах-Машем ураган вступал на Красную землю...

ГЛАВА XIV

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ-ЗА МОРЯ

ПОБЕРЕЖЬЕ
МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА.
МЕКСИКА.

И вот действительно пересекли они море
и пришли туда...

«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Густые мангровые заросли вплотную подступали к волнам залива (спустя две тысячи лет его назовут Мексиканским). Из-за переплетения листы и воздушных корней почвы не было видно, и только в одном месте, где, широко разлившись, в залив впадала река, на берегах образовавшейся небольшой бухты под утренним солнцем белел и искрился мелкий песок.

Именно туда, неспешно набегая одна на другую, ласковые волны залива подталкивали странное растрепанное сооружение из тростника, колыхавшееся на его поверхности. Это была парусная лодка, в которой неподвижно лежали два человеческих тела: мертвые или живые?

Наконец лодка ткнулась носом в песок, впервые коснувшись Американского континента. Некоторое время она словно колебалась, остаться ли здесь или снова пуститься в плавание, пока особенно сильная волна не вытолкнула ее наконец на песок.

...Суэмбахамон с трудом выбрался из забытья. Что-то властно притягивало его к себе, не давало вновь погрузиться в черную, всепоглощающую бездну. Не сразу дошло до его сознания то, что его так тревожило: лодку больше не качали волны, он почувствовал запах свежей, разогретой солнцем зелени и блаженный, неимоверно волнующий пресный дух речной воды. Его мучила невыносимая жажда. Пить, пить! Где-то рядом вода, несказанно сладкая речная вода, которую можно пить, а не опостылевшая морская...

Напрягая все силы, египтянин приподнялся и увидел совсем близко устье реки. Он перевалился с трудом через борт лодки и пополз по песку. Десяток шагов, отделявших его от речного берега, показался ему чуть ли не целой вечностью. Извиваясь, как червь, он дотащился до края бухты и, погрузив лицо в воду, запах которой сводил его с ума, принялся пить. Иссохшее тело требовало жидкости, и Суэмбахамон, не довольствуясь жадными глотками, вполз в реку, всеми порами впитывая драгоценную влагу.

Удовлетворив жажду, Суэмбахамон выбрался на горячий песок и, закрыв глаза, заснул. Силы и сознание его восстанавливались на удивление быстро. Уже через час он проснулся и почувствовал сразу же голод. Опираясь на локоть, он приподнял голову, осматривая окрестности. Где он и как сюда попал?

Ни река, ни обступающая ее буйная растительность не были знакомы египтянину. Отдаленно что-то напоминало ему могучие леса страны Пунт, о которых он, фиванский житель, читал когда-то в описании плавания кораблей царицы Хатшепсут. Но «Амон доволен» плыл вовсе не в том направлении.

И где тогда сам корабль?

Теперь Суэмбахамон отчетливо мог припомнить, с чего все это началось. Он сидел на своем обычном месте, когда Иринефер сказал, что приближается буря. Вскоре прибежал и тирсен: он просил хозяина спуститься вниз, по его словам, надвигалось что-то страшное. Но Суэмбахамон решительно отказался: ему хотелось увидеть начало бури, спуститься в глубь судна он всегда успеет.

Ветер затих совсем, необозримая водная поверхность, казалось, замерла в напряженном ожидании чего-то необычного, небывалого. Около корабля не было видно ни привычных рыбьих стаяк, ни охотящихся на них больших птиц. Лишь «Амон доволен» медленно продвигался вперед, повинаясь какому-то неведомому течению. Солнце быстро клонилось к западу, погружаясь в какое-то море, казавшееся египтянину гигантским слитком красного золота.

Матросы быстро спустили оба паруса, по возможности тщательно закрыли все отверстия на палубе, кроме одного трюмного люка, и молча ждали новых приказаний кормчего. Но тирсен, казалось, забыл обо всем, он стоял на носу судна и задумчиво глядел вдаль.

Духота все усиливалась. Суэмбахамон дышал уже с трудом, клейкий пот покрывал все его тело. Теперь и он ощущал какой-то неопределенный страх, хотелось куда-то бежать от непонятного надвигающегося события. С трудом подавив это желание, он окликнул кормчего. Тот наконец очнулся от задумчивости и, отдав краткое приказание ближайшему моряку, не спеша подошел к хозяину корабля. Матрос, нырнув в люк, вынес оттуда небольшой мешок и поднес его тирсену. В ответ на недоумевающий взгляд Суэмбахамона тот угрюмо сказал: «Сейчас начнутся волны, а потом уже появится ветер. Если нас не опрокинут первые же валы, не захлестнут корабль, то буря подхватит его и унесет с собой. Сколько она будет продолжаться и где мы окажемся, не знаю. Поэтому надо, чтобы все были сыты и крепки. Я раздам сейчас по горсти сушеных финикийских ягод каждому...»

Кормчий сунул руку в мешок и, вытащив большую горсть слипшихся фиников, сунул ее Суэмбахамону. Затем, наделив Иринефера и себя, приказал матросу раздать всем остальным.

Суэмбахамон почти с отвращением жевал пресно-сладкие плоды, выплевывая косточки. Есть ему вовсе не хотелось, но он понимал, что сейчас вся надежда на кормчего и его приказаниям надо подчиняться беспреко-

словно. Те же чувства, очевидно, владели и Иринефером. Моряки, наоборот, неожиданно получив сласти, ели охотно и даже немного оживились.

Между тем зеркальная дотоле поверхность океана начала волноваться. С востока пошли сначала небольшие мелкие волны, и вода словно закипела. Но ветра по-прежнему не было; воздух был так плотен, что казалось, его можно было резать ножом. Скоро барашки забелели на гребнях небольших волн и судно стало подсакивать и крениться то в одну, то в другую сторону.

«Гляди на восток, хозяин, — сказал тирсен, — сейчас там появится туча. Через час мы уже будем либо у бога смерти, либо буря подхватит нас и где-то выбросит на берег!»

Пронесся легкий порыв ветра, взметнув полы одежды Суэмбахамона, и снова все затихло. И в этой страшной, давящей тишине белые гребни валов, поднимавшихся все выше, казались от заходящего солнца кроваво-красными. «Корабль шел последнее время на юг, а теперь нос его повернут на запад, — вдруг понял вельможа, — значит, он приближается к входу в подземный мир¹, где их ждет страшный змей — пожиратель Апоп». «Иди с миром на запад», — поют, провожая покойного. Итак, они у врат смерти. Да поможет им великий Амон-Ра! Зачем он взял с собой стихи Хатшепсут, а не «Свиток оправдания»!*

Суэмбахамон опустил на колени и начал горячо молиться. Его примеру сразу же последовал Иринефер. Тирсен с презрением взглянул на них — как эти египтяне боятся смерти! — и снова уставился на восточную часть небосвода.

Острый глаз моряка уже заметил там черную, быстро надвигающуюся полосу. Туча неслась к ним, как чудовищная птица, раскрывая все шире свои крылья. Верхушка ее отсвечивала медно-красным от лучей только что окунувшегося в волны солнца. Вот она уже закрыла четверть небесного свода; в ее чудовищной черноте то и дело вспыхивали синевато-белые молнии, но грома еще не было слышно. Ниже тучи тянулась мутная косая полоса ливня, колебавшаяся из стороны в сторону, словно по океану ходила гигантская метла.

И вдруг на стоявших обрушился резкий ветер. Он крепчал с каждым мгновением, забивая легкие, мешая дышать. Тирсен схватил Суэмбахамона и потащил к люку, вслед за ними последовал испуганный Иринефер. Они спустились в трюм, где уже находились все остальные, отверстие было плотно закрыто, и последние частички света исчезли, поглощенные густой, давящей тьмой.

Страшный вал поднял корабль на неизмеримую высоту и тут же сбросил его словно в пропасть. Корпус затрясся, затрещал, словно готовясь развалиться, и Суэмбахамон уже представил себя в кипящей черно-зеленой бездне. Но новая волна снова подхватила судно и понесла его. Бешеное завывание ветра, будто бы сорвавшегося с цепи, заглушало все остальные звуки — стоны, молитвы и проклятия мореходов, шум ливня и сухой треск близких молний, бичевавших океан. Вершины мачт, руль и снасти были

¹ По представлениям древних египтян, загробный мир находился на западе.

мгновенно снесены, и «Амон доволен» превратился в беспомощную игрушку стихий.

Чудовищный ураган продолжался двое суток. В короткий миг затишья, начавшийся внезапно и так же кончившийся — бывалые мореходы называли его «око бури», — тирсен поднялся на палубу, но не возвратился. То ли Арнта смыло неожиданной волной, то ли его схватили невиданные морские чудовища, поднявшиеся из глубин, — никто не знал, да, по правде сказать, особенно и не беспокоился.

Когда наконец буря утихла и Суэмбахамон поднялся наверх, он был поражен. Сидя в трюме, египтянин каждый час ждал, что вот-вот корабль будет выброшен на берег или они вступят в мрачную загробную область, где услышат страшные голоса богов. А теперь он видел все тот же бесконечный, опустылевший океан без всяких признаков суши. Куда же тогда нес их этот ураган? Неужели «Амон доволен» все время ходил по большому кругу, вместо того чтобы нестись вперед?

Он огляделся. По-прежнему бесконечной чередой шли волны, по-прежнему корабль, подгоняемый довольно сильным ветром, двигался куда-то. Тоска сжала сердце египтянина. Куда же влекут его боги и с какой целью?

Иринефер, взявший теперь на себя командование кораблем, хлопотал с мореходами над установкой временной мачты. Из двух больших весел, хранившихся в трюме, составили треугольник и по возможности крепко увязали веревками. Вместо паруса использовали полосатый тент. Скорость судна заметно увеличилась. Подкрепившись остатками еды и выпив по последней чаше пресной воды, все разлеглись на досках палубы и погрузились в тяжелый сон: сказывалось прошедшее напряжение.

Кормчий приблизился к Суэмбахамону. Его смуглое, обветренное лицо было тревожно.

«Что же мы будем делать, господин? Воды совсем нет, а из еды остался только мешок ячменной муки и полмешка сушеных фиников. Мы ведь находимся в открытом море уже больше двадцати дней!» — «Не знаю, — беспомощно сказал вельможа, — ты кормчий, тебе и решать...»

Иринефер отошел от хозяина, уселся и глубоко задумался. Он тоже не знал, как надо поступать в таких случаях. Сет* помутил разум тирсена, когда он полез наверх во время бури! Только он и мог бы помочь теперь! Всю свою жизнь Иринефер плавал по Великому Хапи, там все было просто: пресная вода, рыба, а главное — постоянно рядом берег, на который можно высидеться в минуту опасности!

Так ничего и не решив, кормчий встал и начал бесцельно бродить по кораблю. Удивительно, что «Амон доволен» выдержал такой ураган, честь и слава выстроившим его мастерам! Но следующей, даже небольшой, бури корабль уже не перенесет...

Последовавшие дни помнились Суэмбахамону смутно и отрывочно, какими-то яркими, но не связанными между собой картинками... Сошедший с ума мореход, с криком бегущий по палубе... Крупные капли росы на какой-то деревянной поверхности, которые он жадно слизывал распухшим, неповоротливым языком... Блаженный, неизъяснимо желанный вкус сырой рыбы — ее кусочки совал ему в рот Иринефер... Яркие незнакомые звезды

на ночном небе, их необычный узор и с удивлением указывавший на них кормчий... Что же было потом и где он сейчас?

Суэмбахамон встал, огляделся. В нескольких десятках шагов от себя он увидел папирусную лодку и узнал ее: она была на борту корабля «Амон доволен». Теперь в его сознании всплыло и воспоминание, что совсем недавно он выполз из нее к реке. Значит, он приплыл на ней к этому незнакомому берегу. Египтянин невольно взглянул на океан, ища корабль, но его поверхность была совершенно пустынной.

Новый страх охватил его: неужели он здесь совершенно один? Пошатываясь от слабости, египтянин двинулся к лодке, подошел и отпрянул в ужасе. На дне лежал страшно исхудавший, похожий на мумию Иринефер с закрытыми глазами; губы, растянутые в неестественной улыбке, обнажали еще крепкие желтые зубы.

Суэмбахамон со страхом и жалостью несколько минут смотрел на своего верного кормчего. Иринефер умер! Вдвоем им было бы значительно легче, да и жизненный опыт кормчего значил много. Какая жалость! Какое горе!

Вдруг радостная мысль блеснула в мозгу египтянина. Может быть, Иринефер не мертв, а просто в обмороке, как это было недавно с ним самим? Он пощупал тело, оно было теплым, казалось, он даже ощущал слабые, едва слышные удары сердца. Воды! Воды! Вот что сейчас требуется...

Схватив лежавший в лодке черпак, Суэмбахамон, преодолевая собственную слабость, двинулся к реке. Принеся воду, он стал лить ее тонкой струйкой в рот Иринефера. Велика была его радость, когда тот, давась, начал глотать жидкость. Веки кормчего затрепетали, сияясь открыться...

Внезапно чья-то ладонь зажала рот Суэмбахамона; он почувствовал, как руки его тянут за спину. От потрясения, слабости и страха египтянин потерял сознание...

ГЛАВА XV

ОБЪЯТИЕ КРАСНОЙ ЗЕМЛИ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

После того как эти суда пристали к берегу, он отправился дальше посуху, покоясь на носилках из эбенового дерева..

СКАЗКА «ЦАРЬ ХЕОПС И ВОЛШЕБНИКИ»

С высоты одной из пирамид, стоявших на краю акрополя, правитель Ниваннаа-Чакболая с горечью созерцал свой полуразрушенный город. На низких участках полей местами еще стояла вода; повсюду виднелись сломанные напором вихря крупные деревья в окрестных лесах.

Пронесшийся быстрый ураган — он продолжался не более часа — причинил столько бед и разрушений, что на восстановление всего требовались многие месяцы упорного труда. Было сметено несколько прибрежных селений, сильно пострадали и многие постройки столицы, погибло около трети посевов, навсегда ушли в мрачный подземный мир многие сотни его подданных, погиб и один из его сыновей — сумасбродный Ханг-Нок-Пинг... Страшен гнев богов, хотя он — да простят его великие! — до сих пор не может понять, чем прогневал их на этот раз...

Тягостные раздумья владыки страны были прерваны вкрадчивым голосом за его спиной:

— Да простит меня великий господин! Важные вести...

Правитель резко обернулся и увидел одного из своих придворных — его любимца, как считали другие, но вовсе не он сам. Может быть, он лишь чуть терпеливее относился к этому вельможе, чем к остальным, и только. Повелитель сразу отметил по возбужденному лицу придворного, что произошло действительно что-то важное, как тот ни старался сдерживать себя.

— Говори, — приказал он.

— На побережье океана около селения Чахунг найдены два чужеземца. Они приплыли сюда издалека: лодка необычного вида, а сами очень истощены...

— И из-за этого пустяка ты осмелился тревожить меня? — обрушился на вельможу правитель. — Из-за каких-то чужеземных рыбаков, которых забросил сюда прошедший ураган? Такой мелочью должен заниматься анчук-тек Чахунга, а не я!

Владыка гневался редко, но страшно, и последствия такого гнева обычно бывали довольно печальными для провинившегося. Все же, чувствуя необычность своего сообщения, придворный попытался продолжить:

— Владыка, это не рыбаки, это совсем особенные люди: у них желтая кожа и лица совсем не похожи на наши...

— Желтокожие? — недоверчиво переспросил правитель, постепенно оживая. — Если это так, то действительно дело здесь необычное...

— Лишь потому я и осмелился потревожить тебя, мой повелитель!

— Не предзнаменование ли это? — размышлял вслух правитель. — Надо будет поговорить с верховным жрецом! Он уже знает об этом событии?

— Нет еще, о владыка! — ответил повеселевшим голосом придворный. Он почувствовал, что рискованная игра, затеянная им, выиграна. Повелитель заинтересовался новостью, а он, Тене-Тунг, первым сообщил ему о ней.

— Верховный жрец уже знает! — послышался голос Анаиб-Унгир, и через мгновение поднимавшийся по лестнице пирамиды первосвященник появился перед собеседниками. — Поэтому я и явился сюда, о владыка! Совет жрецов просит тебя присутствовать на его собрании. Поверь мне, это событие значительно важнее, чем оно кажется некоторым...

И Анаиб-Унгир бросил мимолетный презрительный взгляд на вельможу.

— Хорошо, я буду! — кратко ответил правитель.

Верховный жрец и Тене-Тунг, поклонившись каждый по-разному, оставили его в одиночестве на вершине пирамиды, но скоро и сам верховный владыка покинул ее. К заботам, лежавшим на его плечах, прибавилась еще одна, он сердцем чувствовал это.

На этот раз собрание жрецов было необычным. Не было шумных разговоров, споров. Бедствие, обрушившееся на страну, смерть мудрого Ах-Маша, сумевшего, несмотря на болезнь, предсказать небывалый ураган, появление каких-то странных чужеземцев — все это угнетало душу каждого и заставляло забыть обычные заботы и пристрастия. Собравшиеся внимательно выслушали рассказ посланца анчук-тека Чахунга о том, как были обнаружены пришельцы из-за моря и как они выглядят. Теперь, сообщив посланец, они отдыхают в доме анчук-тека и их усиленно кормят, потому что, судя по их виду, они долго голодали.

Когда рассказчик был отпущен с приказанием анчук-теку доставить чужеземцев со всеми предосторожностями в столицу, в зале наступило молчание. Никто не решался заговорить первым. Все смотрели в сторону правителя и верховного жреца, ожидая их слова. Но и тот, и другой, погруженные в думы, не замечали этого.

Внезапно тишину нарушил громкий голос Тумех-Цахинга.

— Помнит ли верховный жрец свои слова, сказанные три месяца тому назад? — спросил он. — Когда я говорил о необходимости подношения Сердцу земли, он ответил, что оно должно быть особенно и необычно. По моему мнению, эти чужестранцы как раз подходят для жертвоприношения моему великому божеству. Разве это не так, Анаиб-Унгир?

— А не является ли их прибытие предзнаменованием? — спросил правитель.

— Предзнаменованием чего? — ответил вопросом на вопрос жрец страшного божества.

— Уж это должны решить вы! — хмуро бросил повелитель страны.

— Не связан ли их желтый цвет с цветом моего бога? — вкрадчиво произнес Беленг-Хиш. — Тогда они должны быть посвящены солнцу!

— И они прибыли с востока! — поддержала его Иш-Кан-Леош.

— Никто не знает, откуда они прибыли сюда! — воскликнул жрец — начальник календаря. Он явно склонялся в сторону Тумех-Цахинга. — Ясно только одно: они появились на нашей земле после бури...

— Эти чужеземцы могли быть предвестниками урагана, — глубоко-мысленно заметил Нианг-Хинах.

— Не смей меня, Нианг-Хинах, — взорвался Тумех-Цахинг, — какие же они предвестники, когда именно ураган и пригнал их суденышко сюда! Они не послы Одноногого *, а жертвы его гнева.

— Если они жертвы повелителя бурь, то их и следует принести как очищение Одноному, — сказал тихим голосом Мишпитиакук. — Ты сам себе противоречишь, Тумех-Цахинг!

— Одноногий взял себе достаточно жертвоприношений за прошедшие сутки, — отрезал Тумех-Цахинг. — И среди них такие драгоценные, как покойный Ах-Маш и царевич Ханг-Нок-Пинг. Теперь этот бог будет спокоен по крайней мере год! А Сердце земли давно голоден и сердит, он жаждет положенных ему обрядов. Вы что, хотите, чтобы после урагана было еще и землетрясение?

Все опять замолчали, уstraшенные. Да, нельзя долее испытывать долготерпение Сердца земли! Его жрец прав.

— Мы успокоим Сердце земли и одновременно ответим на вопрос нашего повелителя, — сказал вдруг верховный жрец. — Пусть странные чужеземцы подвергнутся обряду священного чана! Он совершается в подземном храме и посвящен твоему божеству, Тумех-Цахинг! А чан даст нам ответ, является ли их прибытие предзнаменованием и чего именно...

— Как мудро рассудил Анаиб-Унгир! — воскликнул на этот раз достаточно громко Мишпитиакук. — Я преклоняюсь перед его разумом!

Это предложение было действительно хорошим выходом из создавшегося положения. Это единодушно признали все, даже основные противники верховного жреца — Беленг-Хиш и Иш-Кан-Леош. Было решено, что после того, как пришельцы побывают в столице, группа жрецов под предводительством Тумех-Цахинга отведет их в горное святилище Сердца земли для Прекрасного обряда, где и выяснится их судьба. На этом совещание закончилось, хотя преемник Ах-Маши снова попытался поднять вопрос об изменениях в календаре. Верховный жрец словами: «Это дело будущего» — пресек в самом начале подготовленную им длинную речь.

Последовавшие три дня были заполнены неотложными делами, и, прежде всего, похоронами. Плач и причитания раздавались по всей округе. Царевича, который был убит упавшей балкой, и жреца Ах-Маши захоронили особенно пышно, душу первого даже почтили заклинанием двух рабов. При-

дворные Ханг-Нок-Пинга, в том числе и Тене-Тувуик и Куоку, были причислены к свите старшего сына правителя — престолонаследника, человека тихого и спокойного. Тене-Тувуик, потрясенный трагической кончиной своего молодого повелителя, еще более уверовал в священное назначение дней, выучил их наизусть и поклялся с тех пор даже не разговаривать с женщинами, рожденными в день Пасунг. Первое время он избегал показываться на глаза Анаиб-Унгиру, страшась, что тот вспомнит о своем обещании исправить непутевого сына. Но верховный жрец, поглощенный новыми заботами, очевидно забыл об этом, и Тене-Тувуик постепенно успокоился.

Шанг и Тианг со дня бури больше не виделись. Для восстановления разрушений, причиненных ураганом, было привлечено все взрослое население страны. Люди работали с первых проблесков утренней зари до полной темноты. Только Куоку, пользовавшийся особым расположением и наследного царевича, и даже самого правителя, мог располагать относительной свободой. Он-то и навестил Чахилия. Старый жрец уже вполне оправился от перенесенного перед бурей страшного сердечного приступа, но создавал, что следующего ему не пережить. Поэтому он был вполне откровенен с карликом. Чахиль рассказал ему, что сознательно назвал Тене-Тувуику неправильный день рождения Тианг, чтобы отпугнуть покойного царевича от этой девушки. В конце беседы старик, задумчиво глядя мимо собеседника на стену соседней хижины, освещенную солнцем, добавил: «И все-таки я не думаю, что у Тианг будет особенно счастливая жизнь... Береги ее, почтенный Куоку, и помогай ей, в чем можешь, как ты смог это сделать недавно! Ведь меня скоро уже не будет... А эта девочка очень дорога моему старому сердцу: она — настоящее сокровище! Кстати, возьми вот это, — он протянул карлику маленький сверток, — в нем находится сонный порошок, хорошенько береги его. Будет время, когда он понадобится нашей любимице... Достаточно бросить одну щепотку в сосуд с водой, и человек проспит целые сутки. Но помни: давай ей понемногу».

Польщенный и немного испуганный пророческим тоном Чахилия, карлик торжественно поклялся, что, пока он дышит и пока светит солнце, он всегда останется для Тианг искренним и верным другом.

«Благодарю, — сказал старый жрец, чуть-чуть улыбаясь из-за высокой формы обещания, — ты успокоил меня!»

После беседы с Чахилем Куоку разыскал Тианг, коротко поговорил с ней, сообщив о смерти царевича и о появлении странных чужеземцев, и по ее просьбе нашел в полях близ Хоктунга Шанга. Надзиратели почтительно кланялись карлику, занимавшему такой видный пост при дворе, и поэтому Куоку никто не мешал. Он передал юноше привет от Тианг и добавил покровительственно: «Если ты хочешь что-либо сообщить ей, то говори! Я могу вернуться».

Но Шанг отказался от посредничества Куоку. Все, что он хотел сказать Тианг, предназначалось только для нее и ни для кого больше. Карлик побрел во дворец, а Шанг принялся за работу еще ожесточеннее, словно только она мешала его свиданию с любимой.

Хотя слухи о выброшенных на берег бушевавшим океаном странных существах, похожих на людей, уже распространились почти по всей стране,

их никто не видел. Анчук-тек Чахунга, повинувшись полученным указаниям, отправил Суэмбахамона и Иринефера в плотно закрытых тканью носилках. Рабов-носильщиков сопровождал небольшой отряд из десятка воинов и жрец — посланец Анаиб-Унгира. Под вечер процессия останавливалась у заранее подготовленной временной хижины, куда и помещали пленников. Там их кормил и укладывал спать сопровождавший их жрец. Воины и рабы располагались на ночлег вокруг жилища, двое часовых непрерывно несли стражу.

Все попытки египтян объясниться со своим молчаливым попутчиком не увенчались успехом. Напрасно Суэмбахамон в длинных речах говорил о величии Фив, о непобедимости фараона — да живет он вечно! — о многовековой истории своей родины — Кемт... Египтяне жестикулировали, чертили на песке или оштукатуренной стене иероглифы, приблизительные карты Египта, Великой зелени — ничто не помогало. Жрец как будто не слышал их слов и не видел их жестов. Он придвигал им еду и сосуд с водой и сам принимался есть, не обращая на них никакого внимания. Более наблюдательный Иринефер вскоре заметил, что пища всякий раз подавалась им в новой посуде. Но он не знал и не мог знать, что использованная ими однажды утварь неизменно зарывалась рабами глубоко в землю, чтобы никто более не мог даже случайно коснуться ее.

Суэмбахамон и Иринефер, вынужденные довольствоваться обществом друг друга, много размышляли и спорили: куда же они попали? Египетский вельможа, вспоминая описания путешествий, некогда прочитанные им, считал, что они находятся у каких-то загадочных обитателей далекого юга, где-то у таинственных истоков великой реки Хапи. В подтверждение он вспоминал описания людей чудесной страны Пунт — маленьких и толстых. А люди загадочного этого племени, к которому они попали, такие высокие, с мощными фигурами, должны жить еще дальше от Пунта к югу. Иринефер, опираясь на свой опыт, не соглашался с этим предположением. Он считал, что их лодку прибило волнами к огромному неведомому острову на западе. Ведь «Амон доволен» до самой своей гибели, убеждал кормчий своего хозяина, шел не столько к югу, сколько на запад. Во время одной из таких бесед Иринефер рассказал Суэмбахамону, как он стащил его, полубесчувственного, в папирусный челнок, когда увидел, что к судну приближается огромный смерч. Как он сам забрался в лодку и что случилось потом, кормчий не помнил. В свою очередь, Суэмбахамон поведал, как их взяли в плен. Но рано или поздно все эти разговоры заканчивались одним и тем же вопросом: как поступят с ними эти медного цвета люди и сумеют ли они в конце концов вернуться к себе на родину? Ответ найти было невозможно, и оба надолго затихали в угрюмом молчании.

Прибытие чужеземцев в столицу было рассчитано так, чтобы караван вошел туда после полуночи. По посвежевшему воздуху египтяне поняли, что их сегодняшний переход продолжается долее обычного. Начинал сказываться и голод: кормили их всего два раза в сутки — перед отправлением в путь и перед сном. Суэмбахамон уже с тоской вспоминал несколько раз теплые особого вкуса тонкие лепешки и похлебку из бобов, которые жрец придвигал им по вечерам. Давно была выпита и вода, хранившаяся в не-

привычном для египтян тыквенном сосуде, что по утрам совали им в паланкин. А движение все продолжалось. Наконец после явственного подъема на какую-то высоту носильщики остановились и пленные выбрались из тесного короба. Странное зрелище предстало их удивленному взору.

На большом поле, окаймленном с одной стороны какими-то постройками, а с другой — рядом огромных чудовищных изваяний из камня, полыхал гигантский костер. Около него стояли молчаливыми группами люди, одни — полуобнаженные, только в передниках, другие — в длинных белых одеждах. Все они, как по команде, оторвали глаза от пламени и посмотрели на прибывших. Кое-кто не смог удержать жеста удивления.

Суэмбахамон быстро выступил вперед, ближе к костру, и торжественно провозгласил: «Я, Суэмбахамон, фиванский вельможа, друг фараона Нижнего Египта, да живет он, здравствует и...»

Сильные руки обхватили египтянина сзади и оттащили от костра к носилкам, где молча стоял Иринефер. Одновременно чья-то ладонь легла на его губы, мешая говорить. Суэмбахамон понял приказание и покорился. Он принял непринужденную позу, но уже не пытался ни двигаться, ни объясняться.

Египетский вельможа не мог и предполагать, что среди собравшихся, самых знатных людей страны, находится и здешний фараон — правитель Ниваннаа-Чакболая, и верховный жрец. Оба они внимательно смотрели на чужеземцев и думали каждый о своем...

Костер, сложенный из специально высушенных дров, прогорел очень быстро. Выбежали стройные юноши и длинными палками разровняли пылающие угли. Все погрузилось в красноватый полумрак. И вдруг, к удивлению и ужасу египтян, высокий человек в белом одеянии — это был Анаиб-Унгир — быстрыми шагами подошел к рдеющим углям и решительно ступил на них. Он шел — теперь нарочито медленно — по играющим еще синеватыми огоньками угольям босыми ногами! Шел спокойно, словно по прохладной от утренней росы зеленой траве. За верховным жрецом прошел такими же размеренными шагами правитель, затем царевич — наследник престола, а за ними — уже группами — потянулись жрецы и анчук-теки. Оцепенев от ужаса, египтяне смотрели на странную церемонию, бормоча про себя молитвы своим родным и далеким божествам...

Угли то чернели и покрывались сероватым пеплом, то под дуновением ночного ветерка вновь разгорались и играли веселыми огоньками, как любимые Суэмбахамоном рубины.

Внезапный толчок в спину вывел египетского вельможу из забытья. Сопровождавший их жрец указывал рукой Суэмбахамону вперед, прямо на рассыпанные угли... Только теперь пришелец понял, чего от него ждут. Он отрицательно покачал головой и показал рукой на свои ноги. Но жрецы теснили египтян все настойчивее. Суэмбахамон упал на колени, умоляющим жестом подняв руки. Он пытался закричать и не мог. Иринефер не колебался. Он решительно вступил на угли, но, сделав шаг, упал.

Люди в белых одеяниях подхватили Суэмбахамона под мышки, то же сделали и с кормчим и поволокли их по кострищу. От ужаса перед предстоявшей пыткой египетский вельможа лишился сознания...

ГЛАВА XVI

СВЯЩЕННЫЙ ЧАН

ГОРЫ В ШТАТЕ ГЕРРЕРО.
МЕКСИКА.

Я один теперь под сводом каменным,
Я один среди померкших скал.

В. БРЮСОВ

Низкие, серо-черные, набухшие влагой облака лениво ползли по небу и, натываясь на горные отроги, казалось, поглощали, растворяли их в своей бесформенной массе. Холодный сырой ветер то дул яростно и упорно, то почти стихал, будто куда-то прятался.

По узкой тропе, словно прилепившейся к крутому склону одной из гор, медленно двигалась небольшая процессия. В середине ее двое дюжих рабов несли паланкин, в котором полулежали-полусидели Суэмбахамон и Иринефер. Впереди чужеземцев шествовал с группой жрецов торжественный Тумех-Цахинг — старший жрец страшного подземного бога Сердца земли. На лице его читалось полное удовлетворение. Сзади носилок шло с десятка рослых воинов, вооруженных только массивными деревянными палицами. Шествие продвигалось в полном молчании, и только тяжелое дыхание рабов нарушало тишину гор.

Египетский вельможа мысленно перебрал произошедшие недавно события и гадал: куда же их несут теперь? Ему было немного неловко своего прежнего панического страха. Совершенно ясно, что ночная церемония означала всего-навсего ритуальное очищение огнем; ведь и он, если бы эти странные люди вступили в его фиванский дворец, окурил бы их очищающими смолами. У каждого народа свои обычаи! Ожогов на его ногах, как и у Иринефера, к их удивлению, почти не было. Следовало просто подчиниться требованию проводжатога, возможно, тогда бы они уже спокойно сидели в гостях у здешнего правителя. И Суэмбахамон дал себе слово, что отныне он будет беспрекословно выполнять пожелания невысокого костистого старика, возглавлявшего теперь их группу. Только зачем их несут в горы?

Непривычный для египтянина горный пейзаж давил и угнетал его. К счастью фиванца, облака, туман и косые полосы дождя вдали скрывали от него, мимо каких бездонных пропастей и высоких пиков проходила их дорога.

Процессия обогнула выступавший склон горы; тропа явственно начала спускаться вниз. Скоро они вступили в верховье ущелья и начали продвигаться по нему; принесенные ручьем округлые камни скользили под ногами и затрудняли движение.

Через час по знаку Тумех-Цахинга все остановились. Двое жрецов подошли к большому плоскому камню, лежавшему у отвесно уходящей вверх стены ущелья, и отодвинули его в сторону. Под ним зияло черным провалом круглое отверстие. Сперва один, а затем и второй жрец скользнули в него и скрылись во мраке. Высаженные с носилок египтяне со страхом смотрели на это исчезновение. Неужели и их отправят туда? Вместо огня — могила в горах?

Следующим в отверстие спустился Тумех-Цахинг; старику это было явно трудно, ему помогали два крепких воина, держа под мышками, да и мелькнувшие на момент ладони двух первых жрецов заботливо поддержали его. Это успокоило Суэмбахамона: значит, глубина ямы была небольшой, а кроме того, туда направился сам предводитель их нового путешествия. Только зачем они спускаются туда?

Ответ на этот вопрос чужеземцы получили быстро, потому что вслед за еще двумя жрецами в яму начали опускать и их. Как и предполагал Суэмбахамон, она не была очень глубокой: чуть-чуть больше человеческого роста. Неожиданностью оказалось другое: в яме был узкий лаз, по которому чужеземцев довольно бесцеремонно поволокли жрецы. Скоро Суэмбахамон почувствовал, что переход внезапно расширился, чьи-то заботливые руки помогли вельможе встать, а через секунду в непроглядной тьме блеснул огонек, показавшийся сперва необычно ярким. Один из младших жрецов поднес этот огонек к смолистой ветке, служившей факелом, и все вокруг осветилось. У египтян захватило дух от того, что они увидели.

Пещера была такой высокой, что верхние своды ее терялись в полумраке. Отвратительно пищали и носились вверху сотни летучих мышей, встревоженных необычным для них светом. На одной из искусственно выровненных стен виднелось яркое пятно росписи: человек — или божество — сидел, поджав под себя одну ногу, на каком-то возвышении вроде низкого трона. Вместо человеческой головы была нарисована оскаленная морда какого-то зверя, похожего на леопарда. Фиванский вельможа не раз видел этих животных в зверинце фараона. Поняв, что перед ним изображение бога меднокожих людей, Суэмбахамон подошел поближе к фреске и низко поклонился, касаясь пальцами земли. То же самое сделал после мгновенного колебания и Иринефер.

Поступок египтян вызвал у приведших их сюда радостное оживление, они благоговейно зашептались. Тумех-Цахинг зажег стоявшие перед росписью курильницы и, взяв одну из них, окурил чужеземцев тяжелым черным дымом с резким, но приятным запахом. Затем, поставив курильницу на место, он жестом пригласил их следовать за ним. Они нехотя повиновались.

Идти пришлось недолго. Через узкий коридор в стене, противоположной росписи, вся процессия вступила в новый зал, еще больше первого. С потолка этой пещеры свисали чудовищной толщины сталактиты, играв-

шие всеми оттенками красного и розового, когда около них проносили факелы.

Посреди пещеры египтяне увидели огромный каменный чан, доверху наполненный кристально прозрачной водой, продолговатый по форме и высотой приблизительно в четверть человеческого роста. На стенках его были высечены четыре оскаленных лица того же бога-хищника, которого они только что видели на росписи. Воздух в пещере был чистым и прохладным: очевидно, где-то наверху имелось отверстие, выходившее на поверхность.

Все пришедшие расселись вокруг каменного сосуда; Суэмбахамона поместили рядом с Тумех-Цахингом. Жрец, несший факел, зажег множество светильников, стоявших на тумбообразных возвышениях-подставках, и внутренность пещеры заиграла всеми переливами белых и красных тонов. Казалось, какой-то волшебный розовый свет заполнил все пространство.

Сидевшие начали монотонно раскачиваться из стороны в сторону, что-то напевая. Тихая сначала, едва слышная песня постепенно набирала силу и наконец загрела под сводами, усиленная громким эхом. Какое-то дремотное, усыпляющее состояние охватило египтян. Они так же стали мерно покачиваться, а Иринефер даже присоединил свой хриплый голос к мощному хору.

Внезапно по знаку Тумех-Цахинга пение резко оборвалось. Старый жрец встал, за ним последовали другие. Наклонив голову, он произнес длинную горячую молитву. Затем Тумех-Цахинг достал из складок одежды небольшой мешочек и, развязав его, взял оттуда горстку серовато-коричневого порошка. Он бережно ссыпал его в свой раскрытый рот и принялся жевать. Один за другим к предводителю стали подходить жрецы, каждый получал порцию зелья и отправлял в рот. После них получили порошок и египтяне; Иринефер беззаботно начал жевать его, но Суэмбахамон, словно повинувшись какому-то внутреннему голосу, сунув загадочное вещество в рот, сделал вид, что закашлялся, и тотчас же выплюнул его в ладонь, а потом, осторожно отведя руку, выбросил за спину. Во рту египтянина загорелось, словно он попробовал что-то жгучее, но вкус порошка показался ему довольно приятным. Никто ничего не заметил.

Получив порцию размельченного священного гриба, все участники обряда вновь уселись около каменного чана и, наклонив головы, стали пристально глядеть в воду. Несколько минут прошли в полном молчании.

Первым почувствовал действие зелья старый кормчий. Старший жрец Сердца земли, очевидно, уделил ему щедрую порцию, да и организм египтянина не был привычен к таким снадобьям. Иринефер громко рассмеялся, встал и, не обращая никакого внимания на необычность обстановки, побрел в дальний угол пещеры. Там он улегся на спину и принялся громко голосить старую мореходную песню. Никто из присутствующих не удивился странному поведению чужеземца, только Тумех-Цахинг на мгновение оторвал свой взор от созерцания воды и мельком глянул в сторону кормчего.

Суэмбахамон почувствовал себя необычно хорошо, сейчас ему все нравилось: и пещера, и таинственность обряда, и все окружавшие его люди.

Он словно выпил большую чашу крепкого кипрского вина, голова приятно кружилась. Он уже жалел, что не проглотил весь порошок.

Понемногу оживление охватило всех. Жрецы еще не отрывали глаз от воды, но по их неожиданным резким движениям, по коротким вскрикам, срывавшимся с губ то одного, то другого, чувствовалось, что и ими овладевает могучая сила снадобья. Иринефер перестал петь и, по-прежнему лежа на спине, смотрел бессмысленно вверх и тихо, но непрерывно что-то говорил.

Неожиданно крепкая еще рука Тумех-Цахинга сильно пригнула голову египтянина к чану. Суэмбахамон нехотя взгляделся в прозрачную воду и вдруг — о чудо! — увидел в ней то, что заставило затрепетать его уставшее больное сердце.

...По дорожкам тщательно ухоженного сада медленно прохаживалась его жена. Раннее утро. Вельможа хорошо знал этот сад, находившийся около его собственного дома в Фивах... Все было так же, как в день его поспешного отъезда: лучи ласкового утреннего солнца, свежая, политая садовниками зелень деревьев и кустарников... Реннеферт была не одна, за ней шли их дети — дочка Менертимут и малыш Амонпанефер. В руках детей были букеты свежих цветов.. Внезапно дочка забежала вперед и, став перед матерью, спросила: «Мама, а где же наш дорогой отец? Почему я его так долго не вижу с нами?» Скорбные глаза Реннеферт обратились на Менертимут, и она тихо ответила: «Он ушел в загробный мир к Осирису, ваш отец уже никогда больше не вернется к нам...»

Видение медленно растаяло, но Суэмбахамон еще успел увидеть огорчение на личике девочки... Он продолжал несколько минут смотреть в чан, но в нем уже по-прежнему была только чистая, прозрачная вода...

Египтянин оторвал наконец глаза от каменной чаши, чудесным образом показавшей ему далекую родину, и огляделся. Рядом на песке, устилавшем пол пещеры, лежал Тумех-Цахинг, из его полуоткрытого рта стекала тоненькая струйка липкой слюны... Двое других жрецов, обнявшись, шептались друг с другом. Остальные кто лежал неподвижно, кто бродил неуверенными шагами по подземному залу. Один, как неуклюжая тряпичная кукла, обвис на краю чана, левая рука его была погружена в воду.

Суэмбахамон медленно встал. Гнев, отвращение и тоска охватили душу изгнанника.

Зачем он бежал из родной страны?

Зачем он здесь, среди этих омерзительных существ, так не похожих ни на египтян, ни на финикийян или ливийцев? Если бы снова оказаться в море; может быть, чудом он вернулся бы в Великую зелень и в конце концов домой...

Нарочито медленными шагами он двинулся к Иринеферу, но опасения Суэмбахамона были напрасными, за ним никто не следил. Все оставались в прежних позах, и ни один из жрецов даже не повернул головы в его сторону. Он подошел к кормчему. Тот крепко спал, и все старания разбудить его оказались тщетными. Ну что же, нет так нет!

Суэмбахамон быстро пошел к выходу, им овладело страстное, неодолимое желание бежать отсюда, в затуманенном еще мозгу выход наружу уже

казался чуть ли не половиной обратного пути к морю, а значит, и к покинутому дому...

Но у перехода из зала с чаном в пещеру с росписями на его пути вырос молодой жрец. Его остекленевшие глаза смотрели мимо египтянина, он что-то горячо и невнятно говорил. Суэмбахамону показалось, что жрец уговаривает или приказывает ему остаться здесь, он не мог знать, что преемник Ах-Маша убеждает его в необходимости изменения календаря. Отчаянная злоба загнанного в угол животного овладела египтянином. С внезапной силой и решительностью вельможа схватил его за горло и, сильно сжав его, отбросил жреца в сторону. Тот не сопротивлялся и через несколько мгновений, полузадушенный, упал к ногам египтянина. Никто не обратил на это внимания.

Быстрыми шагами Суэмбахамон поспешил к выходу. Как он нашел путь в подземном лабиринте, он не мог осознать. Но когда странник выбрался из ямы по спущенной туда грубой деревянной лестнице (которой не было, когда они спускались), то безграничное отчаяние охватило его.

Около ямы прохаживался воин — он подхватил египтянина, как только его плечи показались над землей, — а в нескольких шагах горел костер, около которого грелись остальные. Суэмбахамон бросился на мокрую землю и остался неподвижным. Все оказалось напрасным!

Дождь перестал, небо прояснилось, но все вокруг: жесткие низкие травы, камни, кустарник — было еще сырым. Уныло свистел ветер. Над лиловато-серыми горами стоял холодный тяжелый закат, так не похожий на величественные заходы Ра в родной стране...

Через час или два из ямы начали вылезать жрецы; движения их были еще вялыми и неуверенными, остававшиеся наверху помогали им. Последним поднялся Тумех-Цахинг. Пробормотав молитву, он сделал знак, и воины поспешно задвинули отверстие тем же камнем. Не веря своим глазам, Суэмбахамон еще раз пересчитал поднявшихся и похолодел. Среди них не было молодого жреца, помешавшего ему выйти, но не было и старого кормчего: Иринефер остался в пещере...

ГЛАВА XVII

ПОСЛЕДНЯЯ РАБОТА АХ-ШООЧА

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

На куске сбереженного кварца
Начерчу я новые лики.
В. БРЮСОВ

В доме скульптора Ах-Шооча царили радость и веселье: Нам-Цук благополучно родила ребенка, здорового и крепкого мальчика. Сиял счастливый отец — Туг-Ансенг, но больше всех радовался ставший дедом Ах-Шооч.

«Теперь и умереть не страшно! — говорил старик. — Наш род не исчезнет, явился на свет его продолжатель!»

Слова Ах-Шооча были сказаны не даром: в последнее время старый скульптор стал чувствовать себя плохо, у него постоянно болел желудок, он мало ел, очень похудел и осунулся. Зять с тревогой следил за своим учителем, но ни о чем не говорил с женой, боясь взволновать ее перед родами. Туг-Ансенг сообщил о болезни тестя начальнику скульпторов Ах-Шакану. Тот, полюбивший своего нового мастера и хорошо относившийся к Ах-Шоочу, прислал лекаря. Посмотрев больного, жрец неопределенно пожал плечами, сказал, что все в руках богов, и посоветовал пить настой из трав. После них здоровье Ах-Шооча несколько улучшилось, но мысль о неизбежном конце, видимо, крепко засела в его сознании.

Однако сегодня ни скульптор, ни его близкие не думали о печальных вещах. Все были охвачены радостным возбуждением: в этот день праздновался обряд мекхик-утиар — первое серьезное событие в жизни каждого человека!

Церемония должна была состояться в ближайшем святилище рода Ах-Шооча. С раннего утра там все прибрали, и на диво чисто: перед глиняными, деревянными и нефритовыми фигурами божков курился тонкой струйкой священный пом *, всюду были развешаны гирлянды свежих цветов, а на глиняном полу тонким слоем рассыпан голубой песок — эту редкость сумел раздобыть отец младенца. Молодой жрец, присланный из храма скульпторов, усердно молился.

Не меньше приготовлений было сделано и в доме новорожденного. Еще затемно собрались здесь родственницы и соседки, запыхали очаги, и

началась подготовка к празднику. Были испечены целые горы тонких кукурузных лепешек, заботливо уложенные в сосуды из тыквы, чтобы дольше сохранились теплыми, зажарены три индюка, окорок оленя и множество голубей. В изобилии была отварена свежая рыба. Соусов, томатных и перечных, заготовили целое море. И так же, как в родовом святилище, повсюду висели гирляндами и стояли в кувшинах самые разнообразные цветы, искусно подобранные по краскам и ароматам.

В назначенное время — около полудня — торжественная процессия двинулась из дома старого скульптора к святилищу. Во главе ее шел Ах-Шооч, держа на руках внука, он обязательно хотел сам внести младенца в священное место. За ним шли Туг-Ансенг и Нам-Цук. Молодая мать очень волновалась из-за предстоящего обряда и посещения святилища: это был единственный случай в жизни женщины, когда она имела право вступить в него. На роль мекура * был избран (за неимением брата матери) Шанг, поэтому он следовал за родителями. Рядом с ним выступал важный Ах-Шакан, он оказал такую честь новорожденному из-за своего расположения к Ах-Шоочу и Туг-Ансенгу. Далее следовали собственно гости, строго соблюдавая возраст и ранг, отчего Тианг, тоже бывшая в числе приглашенных, оказалась очень далеко от своего любимого.

Когда процессия вошла в святилище, то оно оказалось плотно забитым гостями, и Ах-Шооч с гордостью в душе подумал, что мало у кого был такой мекхик-утиар, как у его внука.

После торжественной молитвы о жизни и благополучии новорожденного жрец дал ему имя.

Теперь малыш, спокойно проспавший на руках деда большую часть церемонии, стал именоваться Кангах — Река. Это звучное и красивое имя очень порадовало и деда, и Нам-Цук.

Наступил самый важный момент обряда. После подношений богествам пирожков с мясом, лепешек и окрашенной в красную краску коры, на которой лежала нефритовая бусина, после возлияния священного напитка бальче * Туг-Ансенг, взяв у деда ребенка, приблизился с ним к небольшому низкому столику. Около него уже стоял готовый к церемонии Шанг. Отец стал медленно обходить столик по ходу солнца, а мекур в это время брал поочередно со столика разные вещи и показывал малышу. Здесь были миниатюрные копьё и палка-копалка, такая же связка дровиков, топор, резец, нефритовая бусина, початок кукурузы и другое. Все они символизировали определенное занятие. Так, например, маленькая связка ткани обозначала профессию торговца, глиняный сосудик — гончарство и так далее. Считалось, что призвание ребенка, его будущее занятие, и должен выявить мекхик-утиар. Поэтому все с неослабным вниманием следили за каждым движением и выражением личика Кангаха.

Первый обход не дал никакого результата, малыш был ко всему безучастен. Туг-Ансенг двинулся во второй раз вокруг столика, еще медленнее, а Шанг стал громко объяснять назначение каждого предмета.

— Вот копьё, — говорил он, — им будет владеть сильный и храбрый воин. Копьё — орудие его ремесла. Не хочешь ли ты, Кангах, быть воином, могучим и смелым?

Когда очередь дошла до нефритовой бусины, то малыш, очевидно привлеченный блеском полированной поверхности, улыбнулся и протянул ручку, словно желая удержать понравившуюся ему игрушку.

Сдержанный гул одобрения прокатился среди присутствующих. Лицо Ах-Шооча просияло, а Ах-Шакан громко воскликнул:

— Кангах будет резчиком по камню и таким же искусным мастером, как его дед и отец! Он это ясно показал!

Церемония окончилась; отец передал ребенка матери, тут же нежно прижавшей его к себе. Все, выйдя из святилища, кинулись поздравлять Ах-Шооча и Туг-Ансенга с удачным выбором малыша, новорожденному были преподнесены подарки, которые в качестве мекура собирал Шанг.

Вот здесь-то юноша получил единственную за весь день возможность мимолетно коснуться руки Тианг и взглянуть на любимую. Сердце его сжалось, а потом затрепетало. Как она была красива!

Веселой гурьбой и уже не в таком чинном порядке гости возвратились к дому Ах-Шооча. Его скромное жилище, конечно, не смогло вместить всех приглашенных, поэтому пиршество было устроено на свежем воздухе, в тени от построек и соседних деревьев. Все расселись у широких полотен, расстеленных прямо на траве, и приступили к еде. К сожалению, Шанг и здесь не смог устроиться где-нибудь поблизости от Тианг. Мекур должен был сидеть рядом с отцом новорожденного, и юноша находился рядом с братом.

В середине пиршества, когда языки гостей развязались и гул от разговоров стал слышен издали, появился жрец Мишпитиакук. Он почти незаметно приблизился к Ах-Шоочу, поздравил его от себя и от имени Анаиб-Унгира с радостным событием и сообщил, что верховный жрец хотел бы видеть скульптора завтра по срочному делу. Заметив, что собеседник немного взволновался, жрец добродушно добавил, что речь пойдет о новом заказе. Это успокоило и обрадовало Ах-Шооча. Решительно весь этот день был для него очень счастливым!

Скульптор усадил около себя Мишпитиакука, а Шанг с глубоким поклоном поднес ему кушанье — ногу индюка с томатным соусом и горкой лепешек. Жрец мельком взглянул на Шанга и вполголоса обратился к Ах-Шоочу:

— Кто этот юноша? Он удивительно красив и строен, можно подумать, что он происходит из какой-нибудь знатной семьи?

— Это простой земледелец, брат моего зятя. Его зовут Шанг из рода Кааб.

— Значит, он живет в селении Хоктунг?

— Да, почтеннейший Мишпитиакук!

— Мне помнится, что наш владыка Анаиб-Унгир устроил судьбу твоего будущего зятя. Он заметил его способности, когда тот был еще мальчиком, и распорядился, чтобы Туг-Ансенга отдали в учение к тебе. Вот как мудр наш верховный жрец! Туг-Ансенг — хороший мастер, я слышал, что Ах-Шакан очень доволен им, надеюсь, что он и хороший зять? Впрочем, не отвечай, я и сам это вижу!

Польщенный Ах-Шооч ответил какой-то любезностью в адрес верховного жреца. Когда на праздник прибыл сам анчук-тек Тахкум-Чаканга, Мишпитиакук быстро поднялся:

— Провожать не надо, не утруждай себя, почтенный Ах-Шооч, занимайся своими гостями! А завтра, если тебе позволит время и здоровье, навести верховного жреца, он будет рад тебя видеть!

Уходя, жрец пристально посмотрел на Тианг и почему-то улыбнулся. Девушка заметила это и поежилась. После встречи с покойным царевичем она стала страшиться внимания знатных персон. Но тут глаза ее встретились с глазами Шанга, и мимолетный страх исчез. Как хорошо, что он здесь, рядом!

Пиршество затянулось допоздна и продолжалось уже при свете зажженных плошек. Одним из последних ушел очень довольный анчук-тек. Туг-Ансенг и Шанг проводили его до дома, неся факелы из сосновых сучьев.

На следующее утро Ах-Шооч явился в дом верховного жреца. Ему пришлось подождать: Анаиб-Унгир был еще занят утренними молитвами. Когда хозяин дома наконец появился, он приветствовал старого скульптора необычайно сердечно:

— Мой привет тебе, почтенный Ах-Шооч! Нет, не кланяйся так низко, мы же с тобой старые друзья и между нами не должно быть лишних церемоний! Благодарю тебя, что ты пришел так быстро, но дело мое действительно не терпит отлагательства. Прежде всего садись, тогда мы продолжим разговор.

— Как я могу сидеть в твоём присутствии, о владыка! — возразил Ах-Шооч.

— А я говорю тебе — садись! — сказал, мягко улыбаясь, Анаиб-Унгир. — Раз ты зовешь меня владыкой, то обязан повиноваться! Вот так. Возьми эту подушку под локоть, хорошо! Скажи: ты очень загружен сейчас работой?

— Высокочитимая жрица Великой матери Иш-Кан-Леош заказала мне статуэтку божественного младенца, но до сих пор еще не прислала необходимой величины камня...

— Отлично, следовательно, этот заказ не столь уже спешен. А моя просьба хотя и проста для такого мастера, как ты, но требует большой срочности: надо за один месяц (это крайний срок) сделать пятнадцать статуэток, материал обычный для тебя: нефрит или змеевик...

— А что они должны изображать и каков их размер? — поинтересовался мастер.

— Пусть величина их будет в ладонь, а облик — жреца при жертвоприношении. Сможешь сделать?

— Срок очень невелик, — после небольшого раздумья ответил Ах-Шооч, — но, если у меня будет помощник для полировки, я справлюсь.

— Помогать тебе будет твой зять, я прикажу Ах-Шакану отпустить его на это время. Камни ты сейчас же сможешь получить в кладовых, выбери необходимые куски, и тебе снесут их домой. Но у меня к тебе, почтенный, еще одна просьба. Ты сделаешь еще одну фигуру человека из вот этого...

И верховный жрец, вынув из стоящего рядом с ним тростникового короба продолговатый кусок желто-красного гранита, протянул его скульптору.

Брови Ах-Шооча приподнялись, он был явно удивлен этим дополнительным поручением. Внимательно рассмотрев камень, старый мастер спросил:

— А можно узнать, почему ты, владыка, выбрал для шестнадцатой статуэтки такой странный материал? Гранит требует совсем других навыков для работы над ним...

— Эти фигурки нужны для магического обряда — вот все, что я могу сказать тебе, — отвечал Анаиб-Унгир. — Да, еще одно: гранитную статуэтку полировать не нужно, наоборот, хорошо, если ее поверхность будет слегка шероховатой... Теперь все ясно?

— А этот, гранитный, тоже должен иметь облик жреца? — поинтересовался Ах-Шооч.

Верховный жрец задумался.

— Кто этот чужеземец, я и сам не знаю, — наконец пробормотал он, словно размышляя вслух. Потом, будто бы опомнившись, Анаиб-Унгир прежним решительным тоном кратко приказал: — Сделай так: пусть у него будет облик вельможи, не жреца, но в чем-то необычный. Вот почему я не хочу, чтобы эту статуэтку полировали!

— Я понял, — отозвался скульптор, поднимаясь. — Разрешите приступить к работе, великий владыка?

— Иди и работай, да будет с тобой благословение богов! Можешь выбрать в кладовой храма еще один кусок нефрита, это будет мой подарок тебе, Ах-Шооч! А по окончании работы — я верю, что она будет выполнена вовремя, — ты получишь годовой запас пищи как вознаграждение!

Низко кланяясь и бормоча слова благодарности, старый скульптор покинул жилище верховного жреца. Он сразу же отправился в кладовые, где, перерыв, к сожалению, не такой уж большой запас камней, выбрал необходимые ему шестнадцать кусков. Материал был мгновенно доставлен храмовыми рабами в дом Ах-Шооча. Когда старый мастер добрался сюда, и камни, и удивленный Туг-Ансенг уже ожидали его.

Помывшись и поев, Ах-Шооч рассказал зятю, почему тот отпущен в его распоряжение и что им предстоит делать. Туг-Ансенг очень заинтересовался шестнадцатой фигуркой из гранита и долго ломал голову, почему она должна отличаться от других.

— Может быть, эта статуэтка будет изображать одного из тех странных чужеземцев, о которых шепчутся в Ниваннаа-Чакболае? — наконец предположил он. — Говорят, что у них необычного цвета кожа...

— Неужели жрецы допустят чужаков к магическим обрядам?! — ужаснулся Ах-Шооч. — Ну подумай, что ты говоришь! Да разве возможно такое! Давай лучше примемся за работу.

Никогда еще в жизни не работал старый мастер с таким усердием и быстротой. Он лихорадочно чертил резцом, снимал ненужные выпуклости камня, быстрыми движениями отделял лица фигурок. Туг-Ансенг прилежно помогал ему и в резьбе, и в шлифовке. Но по мере того как

работа двигалась к завершению, силы оставляли Ах-Шооча. Он бледнел и худел.

«Наверное, это будет моей последней работой, — как-то вечером сказал он зятю. — Ничего не надо говорить, — продолжал он, заметив протестующий жест молодого скульптора. — Я рад, что на свете есть маленький Кангах, он со временем будет моим преемником! Береги его и Нам-Цук!»

Шестнадцатую фигурку, из гранита, сделал Туг-Ансенг. Ах-Шооч считал, что ему полезно поработать с таким твердым материалом. Статуэтка получилась очень выразительной и в то же время необычной.

Увидев выполненный в срок заказ, Анаиб-Унгир причмокнул от удовольствия губами и начал рассматривать фигурки. Они ему очень понравились.

— Поблаговари от меня почтенного мастера и пожелай ему здоровья, — сказал верховный жрец Туг-Ансенгу, принесшему заказ. — И если ему будет хуже, сразу же поставь меня в известность. Таких умельцев, как Ах-Шооч, надо беречь! А о тебе я позабочусь, тебе в свое время поручат важную работу...

Туг-Ансенг покраснел от радости и смущения.

— Благодарю тебя, владыка! — выдавил наконец он с низким поклоном.

— Не за что! Прощай!

Но не эти фигурки оказались последней работой старого мастера. Отдохнув несколько дней и немного набравшись сил, Ах-Шооч снова взялся за дело. Из подаренного ему Анаиб-Унгиром куска чудесного змеевика он вырезал статуэтку сидящей женщины. По богатой одежде и зеркалу, которое та держала в руках, она была знатной госпожой, но чертами лица поразительно походила на Нам-Цук.

«Видишь, дочка, — сказал он, показывая ей только что законченную статуэтку, — твой муж не смог сделать тебя знатной дамой, а твой старый отец это сумел. Не забывай же его!»

И бесцветные губы старого скульптора раздвинулись в мягкой, ласковой и грустной улыбке.

ГЛАВА XVIII

СМЕРТЬ ЧАХИЛЯ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

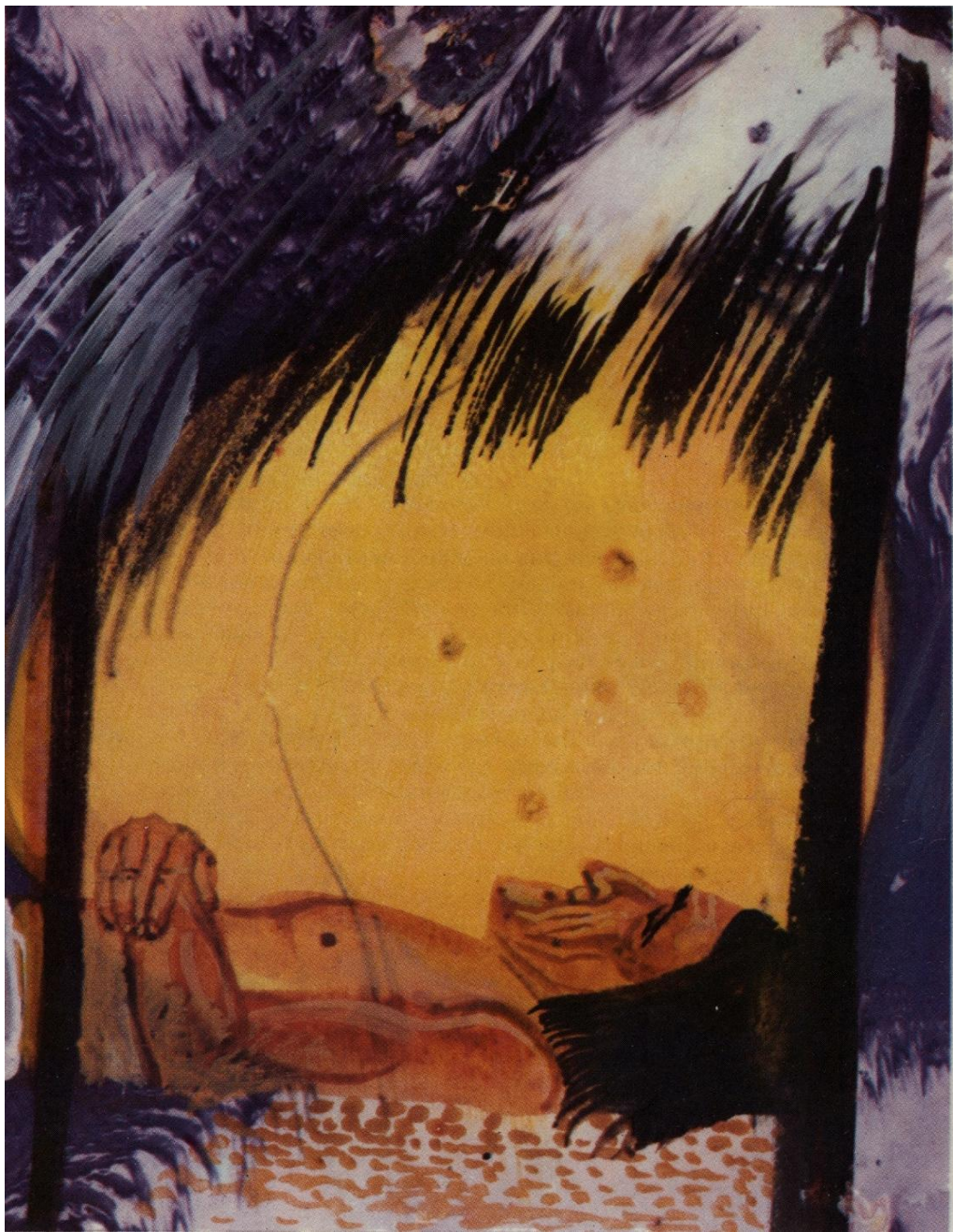
Вот воспоминание обо мне, которое я оставляю
здесь для вас. Это будет вашей мощью.

«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Чахиль не мог присутствовать ни в родовом святилище Ах-Шооча, что ему полагалось бы как жрецу селения, ни на празднестве мекхик-утиар в доме скульптора. Старый жрец уже несколько дней не мог двигаться: сильные боли в груди и бесконечная слабость не позволили ему подняться с постели. Но он строго запретил всем жителям Тахкум-Чаканга навещать его, даже анчук-теку; всем, кроме Тианг.

В день праздника девушка рано забежала к старику, накормила его жидкой кукурузной кашей, поставила рядом с ложем тыквенный сосуд со свежей водой и пообещала прийти вечером. И весь день, томительный и бесконечный, Чахиль лежал совершенно один, раздумывая о прошедшем и подводя итоги своей долгой жизни. Он знал, что умирает, но не страшился этого. Время от времени старик поднимал тыкву и с трудом делал несколько глотков ключевой воды. А затем снова то смотрел, как медленно перемещается солнечный луч на противоположной стене, то, закрыв глаза, лежал совершенно неподвижно.

Перед его мысленным взором проносились отдельные, разрозненные картины прошлого, порой складываясь в причудливую мозаику. Вот он, стройный и быстрый юноша, впервые в жизни принимает участие в торжественной процессии. Как ярко тогда светило солнце! В этот день Чахиль увидел девушку, ставшую счастьем и горем его юности. Сверкнувшие в улыбке немного крупноватые белые зубы, большие сияющие глаза, взглянувшие на него так преданно и нежно... Да, Нгик стала бы ему верной женой, если бы не... Он содрогнулся, снова увидев перед собой, как в то далекое время, застывшее в предсмертной судороге ее тонкое тело, беспомощно раскинутые руки — чтобы уложить Нгик в могилу, их пришлось связывать — и выражение беспредельной муки на исхудавшем лице. Болезнь была быстрой и безжалостной. Потом ее брат сказал, что девушка непрерывно звала Чахилия перед своей смертью, словно надеясь, что он спасет

ее... Наверное, именно поэтому юноша и добился того, чтобы его взяли в жреческую школу, он хотел стать целителем, он хотел, чтобы люди больше не умирали так, как умерла она... Жрецом он стал, спас много людей, но не от той болезни, которую считал своим личным врагом! Здесь он был и остается бессильным!

Перед его глазами снова Нгик, но живая, беззаботная и веселая... Девушка поддразнивает Чахилья, брызжет в его лицо полными пригоршнями воду и хохочет... На нее очень похожа Тианг. Вот почему он так привязался к ней.

Старик тяжело вздохнул. Судьба Тианг беспокоила его, он умирает слишком рано, он уже не сможет ей помочь. А смог ли бы помочь, если бы остался жить? По лицу старика прошла мучительная судорога. Наверное, нет... А может быть, все-таки смог бы?

Снова медленной чередой потянулись перед ним тени прошлого: отец, мать, братья, учителя из прославленной жреческой школы, просто знакомые... Сколько лиц людей, которых он любил или ненавидел, которых он так хорошо знал... Вот они стоят перед его глазами, как живые, а ведь все давным-давно умерли! Он пережил всех их, он очень стар, но теперь приходит и его очередь. Что же, он готов, только надо помочь Тианг, надо помочь Тианг, а он бессилен, очевидно, это — судьба!

Когда вечером девушка вошла в дом, Чахиль лежал так неподвижно и тихо, что она испугалась: неужели он уже умер? Тианг спешно вздула огонь и с горящим светильником приблизилась к ложу. Велико было ее облегчение, когда безжизненные на первый взгляд веки старика шевельнулись, он открыл глаза и пристально посмотрел на взволнованную девушку.

— Нет, я еще жив, — сказал он чуть слышно, — не беспокойся! Присядь рядом и расскажи, как прошел праздник.

Тианг повиновалась и начала свой рассказ, но мысли жреца, по-видимому, были далеки от событий минувшего дня. Через несколько минут он спросил:

— А Шанг там был?

Девушка растерялась и огорчилась его вопросу. Только что она описывала, как хорошо Шанг провел обряд показывания вещей. Но, стараясь не показать, что встревожена, Тианг кратко ответила:

— Да, он был мекуром...

— Хорошо! Послушай, дочка, я хочу сделать тебе последний подарок. Ты знаешь, что я не богат и никогда не гнался в жизни за богатством, поэтому не жди от старика чего-нибудь особенного...

— Мне ничего не надо, — чуть не плача, прервала его речь Тианг, — пусть ты только останешься, — она чуть не сказала «жив», — подольше с нами!

— Нет, милая, это невозможно. Завтра утром ты пойдешь к анчук-теку и скажешь, что я умер. Сама сюда утром не приходи, слышишь, не приходи! Иди прямо к вождю Тахкум-Чаканга! Я умру сегодня ночью...

Слезы градом хлынули из глаз девушки, но она изо всей силы пыталась подавить рыдания.

— Постарайся быть счастливой, какая бы судьба ни выпала на твою долю! Ты сильная, Тианг, и сможешь перенести все испытания, а в жизни каждого человека их множество! Теперь встань и подойди к левой стене. Там должна быть маленькая сумочка из красной кожи, найди ее!

Девушка повиновалась и скоро вернулась к ложу умирающего с сумочкой в руках. Чахиль увидел ее.

— Раскрой, есть там что-нибудь?

Тианг раскрыла сумочку и вынула оттуда три небольших куска какой-то темной смолы. Она все также молча показала их старому жрецу.

— Вот тебе мой подарок, храни его хорошенько, кто знает, может быть, он тебе и пригодится через год или два... Ты ведь равнодушна к муравьиному роду?

Девушка сперва подумала, что Чахиль бредит, но потом вспомнила, что отца Шанга звали Саник — Муравей. Она невольно отвела руку со смолой, как бы собираясь ее бросить, и воскликнула:

— Так это — приворотное зелье для Шанга? Не надо, мудрый! Он меня побит и без него!

Слабая усмешка тронула бледные старческие губы.

— Нет, это не для него! Если тебе будет угрожать опасность или что-то другое, — жрец сделал многозначительную паузу, — то тогда ты и воспользуешься этим снадобьем. Оно привлекает муравьев. Ты возьмешь эту смолу, бросишь ее в кипящую воду, добавишь немного меда и остудишь. После этого не забудь насыпать туда немного крошеного мяса, лучше всего молодого оленя или индюшат. Но берегись пролить готовый настой на что-нибудь: сразу же эти вещи будут покрыты массой муравьев...

— Спасибо! — тихо сказала Тианг. — Но мне не нужно такое страшное средство... И вообще мне не надо подарков...

Она отложила сумочку со смолой в сторону, упала на колени около ложа и обняла иссохшее старческое тело. Девушку трясло от волнения, слезы лились безостановочно.

— Не уходи, дедушка, не уходи! Мне будет очень одиноко без тебя! Что я буду делать?

— У тебя будет много забот, девочка! Такой уход ожидает каждого из нас... Перестань плакать и иди домой... Я устал, и мне надо побыть одному! И не забудь мой последний подарок! Он тебе еще пригодится!

Тианг медленно поднялась, взяла сумочку и опрометью бросилась из хижины. Всю ночь она не сомкнула глаз и проплакала, но рано утром, повинувшись приказанию Чахили, появилась у дома анчук-тека. Разбуженный по ее просьбе, правитель Тахкум-Чаканга вышел к ней, недовольно хмурясь.

— Что случилось? — спросил он сурово.

— Владыка, жрец Чахиль повелел сообщить тебе, что он умер этой ночью!

— Он явился к тебе во сне? — поинтересовался анчук-тек.

— Нет, владыка, он еще вчера вечером сказал мне все это и приказал, чтобы я сообщила тебе сегодня утром...

— Хорошо, — после минутного молчания произнес анчук-тек, — иди и занимайся своими делами.

Посланец вождя действительно нашел Чахилия мертвым. Очевидно, старик умер вскоре после ухода Тианг.

Похороны старого жреца прошли очень торжественно. Его любили и почитали не только жители Тахкум-Чаканга, но и других селений, он заботился о них и лечил многих. Среди присутствовавших были кроме анчук-тека Хоктунга и придворный престолонаследника Тене-Тувуик, не забывший наставлений Чахилия о дне Пасунг, и карлик Куоку.

Шанг воспользовался случаем, чтобы лишний раз повидать Тианг, но девушка, погруженная в глубокое горе, почти не говорила ни с юношей, ни с Куоку.

Последний подарок Чахилия она благоговейно спрятала в уголке хозяйственного амбара.

ГЛАВА XIX

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА

ОКРЕСТНОСТИ
САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

И в этом месте они были побеждены.
«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Покой Тумех-Цахинга был внезапно нарушен.

Вбежавший в святилище Сердца земли молодой жрец, задыхаясь, сообщил, что чужеземец бежал. Это случилось в день Акбаль, в середину первого осеннего месяца.

Ярость старого жреца была неопишима. После всех успешно проведенных обрядов он уже предвкушал самый значительный и великолепный. И главную роль в этой торжественной церемонии должен был сыграть странный пришелец из-за моря. Ибо главный жрец бога подземных недр смутно догадывался, что Суэмбахамон, чудом попавший к ним, — обитель какой-то далекой, неизвестной земли за океаном. Однако входить с чужеземцем в объяснения и расспрашивать его суровый и жестокий старик не желал, он не хотел знать ничего нового.

Немедленно во все концы города были разосланы младшие жрецы и храмовые слуги с приказом: найти, схватить и доставить беглеца назад в святилище. Первый день поисков ничего не дал. И тогда, смилив свою гордость, Тумех-Цахинг направился сообщить о случившемся первосвященнику страны.

Анаиб-Унгир гневно нахмурился, услышав столь неприятное известие, но, к удивлению жреца Сердца земли, воздержался от упреков. Немного поразмыслив, он сказал: «Беглец не мог уйти далеко. Он не знает ни языка, ни наших обычаев. Он будет стремиться к морю, но самому ему туда не дойти, он не сможет даже прикинуть расстояние до берега. Вряд ли кто-нибудь из жителей Красной земли осмелится оказать ему помощь. Значит, он должен находиться где-то совсем рядом, скорее всего прячется в соседних с Ниваннаа-Чакболаем лесах. Там и следует его искать. Иди и распорядись!»

В своих предположениях верховный жрец был и прав, и не прав. После возвращения из горного святилища Суэмбахамон несколько

дней отлеживался в отведенной ему хижине. Никто его не беспокоил, лишь три раза в день мальчик-слуга приносил обильную пищу. Скоро египтянин заметил, что в полуденный час — самую жару — все вокруг замирало. Даже караульный, постоянно торчавший у входа, и тот клевал носом, а то и засыпал прямо на солнцепеке.

Этим и воспользовался Суэмбахамон. Дождавшись, когда страж заснул, он осторожно проскользнул мимо него и нарочито неспешной походкой пошел к выходу из храмового комплекса. Еще в подземном святилище он заметил, как благосклонно отнеслись жрецы к его поклону перед фреской. Сейчас он также изображал увлеченного почитателя святынь. Почти у каждого здания он сгибался и, делая вид, что усердно молится, украдкой оглядывался. Постепенно египтянин достиг высоких деревянных ворот и беспрепятственно вышел. Пока что беглецу везло: окрестности храмов, оживленные в праздничные дни, сейчас были пустыни.

Еще раньше Суэмбахамон обратил внимание, что основная часть города раскинулась на высоком холме. Значит, прикидывал он теперь, чтобы побыстрее покинуть столицу, надо найти улочку, ведущую вниз. Велика была его радость, когда буквально через сотню шагов, за углом ограды, он увидел край плато, а за ним вдаль — пеструю ленту лесов.

Собственная его одежда уже давно износилась, теперь он был облачен в широкий белый жреческий плащ. Не удивительно, что поднимавшиеся вверх по улице водоносы, носильщики грузов и другие не обратили на него внимания; даже потом, когда их спрашивали, они искренне клялись, что не видели чужеземца. Суэмбахамон торопливо спустился по тропинкам с акрополя и скоро оказался за пределами города.

Как и предполагал Анаиб-Унгир, пришелец стремился достигнуть леса и спрятаться в нем. Однако желанное убежище оказалось значительно дальше, чем это казалось с холма. Египтянин уже несколько часов прошагал по пыльным дорогам, миновал два селения, а леса все не было. Вечерело, на небе появились небольшие пухлые облака — предвестники дождя. Суэмбахамон устал, его томила жажда.

Наконец перед ним выросла стена высоких деревьев; у опушки бил маленький, но быстрый ключ. Странник с наслаждением напился, ополоснул холодной водой лицо и решительно вступил в чащу.

Коренной горожанин, Суэмбахамон представлял леса Красной земли каким-то подобием сада при его египетском доме или, в худшем случае, теми дубовыми рощами, которые он видел мельком возле Карт-Хадашта. Здесь же, хотя в действительности это был не девственный тропический лес, а просто заброшенный участок, захваченный растительностью, все выглядело совершенно иначе. Пробравшись через густые кусты подлеска, египтянин с трудом продвигался среди стволов, переплетенных толстыми канатами лиан. В диких зарослях он не сразу находил, куда поставить ногу. Каждый шаг требовал больших усилий. Влажная духота затрудняла дыхание; от резкого запаха неведомых растений начинала кружиться голова.

Наконец-то он отыскал подходящее для отдыха место: большое сгнившее дерево, переломившись при падении, образовало что-то вроде шала-

ша. Наломав веток, Суэмбахамон устроил ложе возле оставшейся стоять вертикально части ствола и прилег.

Как всегда в тропиках, тьма наступила мгновенно. Почти одновременно по листьям застучал дождь. Какое-то время дерево-шалаш защищало беглеца, но дождь не затихал, и постепенно хлопчатый плащ его весь пропитался влагой и неприятно облепил тело. Египтянин с тоской подумал о теплых одеяниях из плотной шерстяной ткани, которые он носил дома.

Темнота вокруг была наполнена таинственными зловещими звуками. Кричали неизвестные ночные птицы. Вот будто кто-то с шумом ломится через чащу справа — кабан? Что-то прошелестело совсем рядом — змея? Суэмбахамон весь съежился, подобрал под себя ноги. Было одиноко, неприятно и жутко. Он то забывался в мгновенной дреме, то резко вскидывался с больно колотившимся сердцем.

Начало светать; дождь перестал, но поднялся ветер. Измученному страннику наконец удалось заснуть. Пробудился он часа через два, весь закоченевший, к тому же сильно хотелось есть. Только теперь, глядя на тяжелые, низкие тучи, открывавшиеся глазу между раскачивающимися верхушками деревьев, египтянин остро ощутил всю бессмысленность и безнадёжность своего побега. Пусть в этой стране нет охотничьих собак, которые бы взяли его след и повели по нему людей, рано или поздно его все равно отыщут. Оставаясь в лесу, он погибнет от голода... Суэмбахамон огляделся: ни одного известного ему съестного плода! Он помнил, что в деревушке на побережье его угощали какими-то вкусными и сытными грушами¹. Но как отыскать их, если не знаешь, растут ли они в лесу и на чем растут — на деревьях, кустарнике?

Все тело ныло, голова была тяжелой, но Суэмбахамон заставил себя подняться и начал осторожно пробираться к опушке. Полные влаги листья снова обдавали его потоками воды. Выбравшись из леса, он остановился перевести дух, попытался отжать одежду. Голод и холод вновь и вновь возвращали его мысли к казавшейся теперь надежной хижине в храме Сердца земли, к ежедневным теплым лепешкам. Египтянин понимал, что далеко уйти ему так и не удалось: в утренней дымке угадывались холмы акрополя. Но надо было двигаться, и он брел, сам не зная куда, сторонясь селений и отдыхая в случайных укрытиях. В конце концов голод пересилил все другие желания, и Суэмбахамон решил: дотащился до обочины дороги и стал ждать.

Вдали показалась человеческая фигура: кто-то быстро приближался. С неожиданном для себя хриплым вскриком египтянин бросился навстречу путнику и, поравнявшись с ним, упал на колени, умоляюще вытянув руки.

Шанг (а это был он), вздрогнув, остановился; вскоре испуг на его лице сменился недоумением. С удивлением разглядывал он странное лицо — желтое, с длинным носом и острым подбородком. Особенно пугали его блуждающие глаза незнакомца. Судя по одежде, перед ним был один из жрецов, но их одеяние всегда такое белоснежное, а плащ этого человека в грязи, оборван. И разве жрец встанет на колени перед простолудином?

¹ Речь идет о питательных плодах авокадо, внешне похожих на груши.

Шангу припомнились разговоры о чужеземцах, занесенных к ним ураганом, но они были гостями властелина Красной земли. Откуда же взялся здесь этот — один, без сопровождающих?

Суэмбахамон между тем, по-прежнему стоя на коленях, горячо заговорил:

— О добрый юноша, помоги усталому и голодному! Согрей его лучом своего милосердия, подобным сияющему лучу Ра! Дай мне приют у очага, дай пищи для моего рта!

Египтянин не отдавал себе отчета, что говорит на своем родном, неизвестном здесь языке.

Юноша же теперь почти не сомневался, что перед ним один из тех самых чужеземцев. Но что ему нужно от него, Шанга? Незнакомец, видя, что его не понимают, поднес указательный палец ко рту и начал его кусать.

— Господин хочет есть, — догадался Шанг, — что же, пойдем ко мне, мать накормит. Не знаю только, придется ли тебе по вкусу наша еда...

Шанг рывком поднял чужеземца с коленей и повел. Сделав несколько шагов, Суэмбахамон вдруг остановился и, показывая в сторону акрополя, отрицательно замотал головой.

— Я не хочу туда, загородный юноша, мне там нет покоя. Скрой меня где-нибудь в тихом безлюдном месте и принеси немного пищи... — быстро говорил он.

Шанг понял жесты египтянина по-своему, но близко к истине.

— Господин не хочет идти в Ниваннаа-Чакболай, это ясно. Боюсь, что он совершил там что-то непозволительное. Как жаль, что умер мудрый Чахиль! Он бы сразу разобрался, что надо делать. Но он всегда наказывал помогать просящему...

Юноша постарался знаками объяснить, что они идут не в столицу, а к нему в селение. Суэмбахамон как будто понял, во всяком случае, успокоился и молча последовал за Шангом.

Идти пришлось недолго. К счастью, хижина Ош-Чоч находилась почти на самом краю деревни, и Шангу удалось провести нежданного гостя незаметно для посторонних глаз. Только хлопотавшая у очага мать слегка вскрикнула, увидев странного человека в своем доме.

— Тише! — попросил ее Шанг. — Этот чужестранец нуждается в еде и боится огласки. Мы должны приютить его. Приготовь побыстрее поесть!

Юноша заставил египтянина снять мокрый плащ и дал ему старую одежду Туг-Ансенга, хранимую матерью. Через полчаса гость уже блаженствовал, жадно поглощая свежие лепешки и похлебку из фасоли. Его разморило в тепле, но, покончив с едой, он счел необходимым встать и торжественно поклониться — сперва Ош-Чоч, а затем и Шангу. Юноша указал на свое ложе, и Суэмбахамон не заставил его повторять приглашение дважды — свалился на постель и сразу погрузился в глубокий сон. Ош-Чоч с сыном тихонько вышли из хижины.

— Что же с ним делать? — спросила мать. — Он беспомощен, как младенец. Откуда ты привел его?

Шанг рассказал о встрече и попросил пока ничего не говорить никому из соседей. Он постарается на днях повидаться с Туг-Ансенгом и посоветоваться, как быть с неожиданным гостем. Пока же он должен вернуться на поле.

Прошло пять суток со дня исчезновения чужеземца. Тумех-Цахинг снова встретился с Анаиб-Унгиром. На этот раз жрец Сердца земли держался спокойно и уверенно.

— Беглец не может скрываться в лесах, — сказал он, — там нет пищи. Кроме того, все ближайшие чащи осмотрены нашими людьми. Значит, он либо погиб, либо ему доступны какие-то магические силы, неизвестные нам. Тогда он уже перенесся на свою родину...

Верховный жрец усмехнулся:

— Что же мешало ему сразу осуществить это?

— Может быть, он искал какие-то могучие травы? — неуверенно предположил старый жрец.

— Нет, думаю, что все проще. Относительно леса я оказался не прав, признаю это. Но не приютил ли его кто-нибудь из простого люда? Ведь мы держали исчезновение пришельца в тайне. Теперь я прикажу объявить по окрестным селениям, не видел ли кто чужестранца. Нашедший получит достойную награду.

Шанг совершил непростительную ошибку. Он не встретился с братом и ничего не сказал о случившемся Тианг. Не хотелось беспокоить любимую, она так горевала из-за смерти Чахилия!

Все свободное время юноша проводил теперь с египтянином, пытаясь понять чужой язык. Он уже добился того, что Суэмбахамон обращался к нему по имени, а сам выучил около сотни египетских слов: «еда», «сон», «вода», «чаша»... Настоящих бесед у них, конечно, еще не получалось, но бывший фиванский вельможа усердно называл по-своему тот предмет, на который ему указывал Шанг, и терпеливо повторял затем слово, пока юноша не осваивал трудное произношение. Сложнее было с глаголами и отвлеченными понятиями. «Ходить», «лежать», «плыть» еще можно было показать соответствующими движениями, а как передать, например, значение слова «знатное происхождение»? Занятия забавляли и сблизжали обоих.

Суэмбахамон не задумывался о будущем. Ему было хорошо, и он предпочитал надеяться, что жрецы забыли о нем. Заботы Ош-Чоч и Шанга казались египетскому вельможе вполне естественными.

Меж тем пребывание чужеземца у Шанга не осталось незамеченным. Случилось так, что ни юноша, ни его мать не слышали глашатая, возвещавшего повеление Анаиб-Унгира. Но кое-кто поспешил его выполнить.

Под вечер, когда все трое обитателей хижины ужинали, в дверях неожиданно возник Тумех-Цахинг. За ним толпилась дюжина храмовых слуг.

— Взять чужеземца! — приказал жрец Сердца земли.

Слуги схватили Суэмбахамона. Рванувшийся было на помощь своему гостю молодой земледелец был отброшен сильным ударом в грудь.

— Сжечь эту хижину вместе с ее нечестивыми обитателями! — распорядился Тумех-Цахинг.

Одни прислужники выволокли под мышки не сопротивлявшегося египтянина, другие принялись деловито вязать сыromятными ремнями оцепеневших от ужаса Ош-Чоч и Шанга

— Остановитесь!

В дверном проеме возникла могучая фигура Анаиб-Унгира. Он угрожающе поднял руку:

— Не трогать мать и ее сына!

И, обернувшись к жрецу Сердца земли, первосвященник страны произнес короткую, непонятную остальным фразу.

Багровое от возбуждения лицо Тумех-Цахинга вдруг побледнело, он с ужасом взглянул на Шанга и опустил голову. Прислужники уложили тихо стонавшего Суэмбахамона на носилки и быстрым шагом двинулись прочь. Вслед за ними поспешил так и не поднявший головы Тумех-Цахинг. Анаиб-Унгир развязал путы на ногах Шанга и, не взглянув на женщину, величественно вышел из хижины. Юноша бросился к лежавшей на земляном полу матери...

ГЛАВА XX

ПИРАМИДЫ ОСТРОВА УСОКИТОК-ПЕТЕНГ

ЛА-ВЕНТА.
МЕКСИКА.

И тогда они приступили к жертвоприношению...
Все владыки Шибальбы были опьянены этим зрелищем.

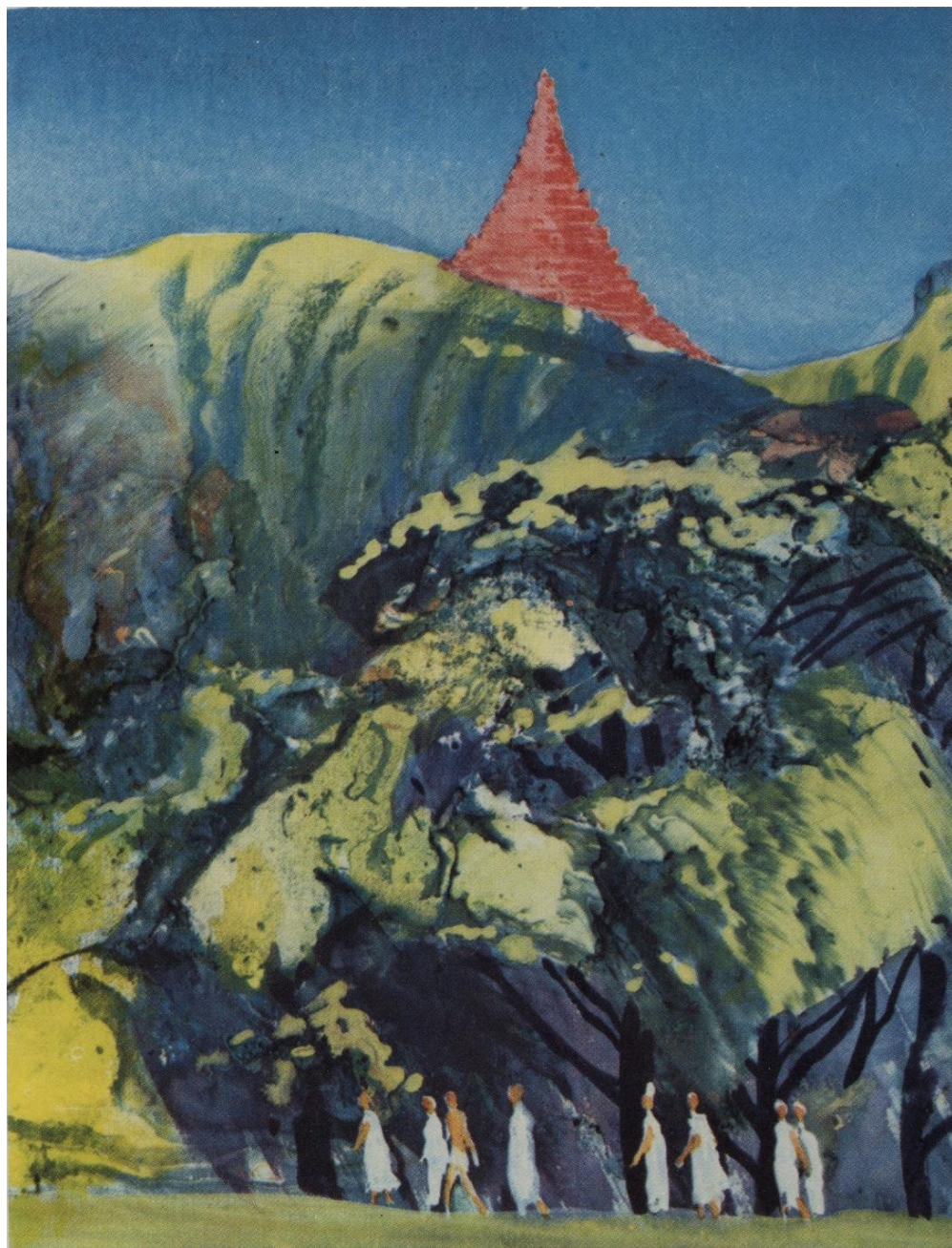
«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Жаркий, но слабый ветер лениво перебирал стебли высоких пожелтевших тростников. Издали казалось, что по их зарослям ходят длинные волны. Уже несколько часов небольшой отряд жрецов и прислужников, в центре которого находился Суэмбахамон, пробирался по бесконечному болоту. Извилистая тропинка бежала то по берегам маленького озера, то по выступающим из ржавого мха кочкам, то по микроскопическим островкам суши. Как ни был египетский вельможа углублен в свои невеселые думы, он невольно отметил, что эта безбрежная тростниковая равнина совсем не похожа на заросли Дельты его родного Хапи. Даже небо, с которого лился душный жар, было здесь давящим, тускло-серым, а не бездонно-синим, как в Египте.

Дух Суэмбахамона был сломен; он уже ничего не хотел, ни к чему не стремился, странник жаждал только покоя. Долгие скитания по чужой земле, величину которой он стал теперь смутно постигать, показали ему всю тщетность его прежних надежд. Ему ничего не объясняли, с ним не пытались говорить, только показывали жестами, что должен делать. И страна, в которую он попал, и ее обитатели, и их действия были совершенно чужды и непонятны ему. Исключением оказался добрый юноша-земледелец, встреченный во время попытки бежать. Только он захотел помочь ему и узнать от него что-то новое. Но эти дикие жрецы — они наказали Шанга и его мать за доброту!

Все здесь необычно и странно. Вначале их с Иринефером носили в паланкине, теперь его гонят, как измученного вола, оборванного и голодного. Куда? Зачем?

Суэмбахамон часто думал о необычности этой страны. Люди работали здесь только каменными орудиями, даже ножи и наконечники копий были у них из камня, похожего на плохое финикийское стекло. Металлов, даже меди, не говоря уже о бронзе или чудесном железе, они явно не знали. А

золото? Он своими глазами как-то увидел там, в горах, на дне прозрачного ручья, около которого был сделан привал, крупные золотые самородки. Он кинулся к ним и собирал драгоценные куски, задыхаясь от восхищения и проснувшейся жадности. Пожертвовав полой своей одежды, он понес с собой увесистый узелок с найденным сокровищем. И что же? Окружающие открыто смеялись над ним, словно дикари из Ливийской пустыни... Нет, даже и те знали цену золоту! А эти дали ему два дня, как ребенку, поиграть с бесполезными для них камешками, а потом тощий старик-предводитель во время перехода приблизился к паланкину, взял лежавший около Суэмбахамона узелок с самородками, брезгливо посмотрел на него и сильным взмахом руки бросил сокровище в пропасть. И в ответ на невольный вопль странника окружающие дружно захохотали... Дикари, грубые и невежественные дикари! Единственное, что они ценят, — это благородные камни зеленого цвета, очевидно, самое дорогое для них, недаром важные персоны здесь просто увешаны ими. Если бы с ним были его изумруды и куски малахита, которые теперь лежат где-то глубоко-глубоко в пучинах Внешнего моря... Может быть, он сумел бы благодаря этим камням добыть себе свободу, стать и тут знатным вельможей?

И вновь изгнанника охватила тоска по родной стране. Нет, не надо ему здесь никаких богатств, не нужно ничего, лишь бы оказаться в любимом Кемте! Как там хорошо! Суэмбахамон в душевном унынии начал шептать стихи:

Я беспомощен, все выпадает из рук,
Потому что нет сердца на месте обычном.
Приходи ко мне, Пта *, и в Мемфис * отнеси.
Непрерывно дозволю мне глядеть на тебя.
Целый день мое сердце в мечтанье,
А в груди моей нет больше сердца.
Злым недугом охвачены все мои члены,
Слух закрылся мой, очи устали глядеть,
Все слова исказились, и голос охрип.
Будь милостив, дай до него мне добраться...¹

Храмовый прислужник, шагавший рядом с египтянином, брезгливо и опасливо косился на него: опять этот чужеземец бормочет свои заклинания. Но они ему не помогут! Велик, страшен и могуч, трижды могуч Сердце земли! Он поборет любое божество, как бы сильно оно ни было!

Вдали показалась какая-то зеленая масса, выступавшая над ровным серым горизонтом и желтизной тростников. По мере того как путешественники приближались к ней, становились виднее составлявшие ее большие купы деревьев, среди которых в центре возвышалась круглая островерхая гора ярко-красного цвета. Очевидно, это был какой-то продолговатый, покрытый растительностью остров. Сердце египтянина забилося сильнее. Неясная надежда проникла в его усталый мозг: может быть, здесь кончатся его страдания и он обретет наконец желанный покой...

¹ Перевод Анны Ахматовой.

Неожиданно среди тростников тяжелым серебром блеснула гладь медленно текущей реки. У незатейливой пристани из нескольких досок стояло с десяток грубо сделанных деревянных лодок. В одну из них бережно усадили Суэмбахамона и Тумех-Цахинга, двое прислужников взяли за весла, в других лодках расселись остальные. По знаку предводителя маленькая флотилия направилась вниз по течению.

Плавание их продолжалось недолго. Примерно через час лодки подошли к замеченному раньше египтянином острову, рассекавшему реку на две неширокие протоки. Путники высадились почти на такой же пристани, как и та, на которой садились, и двинулись по дороге, усыпанной розоватым песком. По обеим сторонам ее высились величественные вековые деревья, перевитые лианами, покрытые пушистым седым мхом. Все шло в полном молчании, словно опасаясь потревожить таинственных обитателей этих мест. Фиванец невольно вспомнил старый рассказ о волшебном острове, на который попал потерпевший кораблекрушение, и подумал: не появится ли сейчас бородатый змей с телом, покрытым золотом и лазуритом?

Уже через сотню-вторую шагов Суэмбахамон увидел вдали конус красной горы; очевидно, дорога вела к ней. По мере того как процессия приближалась к горе, очертания той становились все более четкими, и скоро египтянин понял, что перед ним не обычная гора, как он думал вначале, а гигантская искусственная насыпь. На ее склонах правильно чередовались глубокие выемки и узкие выступы, тянувшиеся с вершины до основания. Все это сооружение напоминало гигантский цветок выюнка, положенный раструбом на землю.

Дорога окончилась большой площадью, усыпанной мелким розоватым белым песком. Повсюду по ней были воздвигнуты монументы: плоские плиты с изображениями божеств, большие каменные кубы, напоминавшие египтянину алтари в его родных храмах, и причудливые статуи. А вокруг площади был оставлен девственный лес; лишь впереди над вершинами деревьев высилась красная гора.

Суэмбахамон понял, что его привели в какое-то святилище, и с тоской ожидал нового обряда. Сколько же можно очищать его от неведомой скверны? А кроме того, вспоминал он, не все их действия кончаются благополучно: то ли Иринеферу стало плохо от зелья, то ли они сознательно оставили его в подземной пещере. Нет, в этот раз он ничего не будет ни есть, ни пить, пока не покинет это странное место.

Окружившие его жрецы сделали несколько шагов вперед, затем в сторону, понуждая чужеземца двинуться вместе с ними, остановились и расступились. И Суэмбахамон увидел то, что заставило оживиться надежде в его сердце.

На левой стороне площади были крепко вкопаны в землю шесть высоких и узких деревянных стел, изукрашенных причудливой резьбой и расписанных яркими красками. Перед ними стоял широкоплечий плотный человек. На нем не было ничего, кроме простой набедренной повязки. С минутой или больше он внимательно глядел на Суэмбахамона, и тот вспомнил, что однажды он уже видел этого священнослужителя: он первым прошел

по пылающим углям. Может быть, это правитель или их верховный жрец? Неужели он перестанет быть изгоем и хозяева страны примут его наконец в свою среду? Если так, то он должен выразить им благодарность! Египтянин начал быстро говорить, произнося приветственные формулы. Его голос в царившей вокруг тишине показался ему самому тонким, нерешительным и лстивым. Повинуясь повелительному жесту стоявшего перед ним, фиванский вельможа умолк.

Анаиб-Унгир (а это был он), не глядя, протянул назад руку. Из-за одной стелы выскользнул прислужник и, почтительно выгнувшись, подал верховному жрецу небольшую плетеную корзину. Тот поставил ее у своих ног, нагнулся и не спеша вынул из корзинки шесть прекрасно отполированных голубовато-зеленых топоров. На их блестящей поверхности виднелись гравированные изображения. Суэмбахамон с неподдельным интересом смотрел на загадочные действия предводителя. По-прежнему не разгибаясь, верховный жрец воткнул топоры лезвиями вверх в рыхлый песок так, что они образовали что-то вроде полукруга. Египтянин заметил: топоры повторяют расположение стел, находившихся за спиной совершавшего обряд. Что же это такое?

Из корзины одна за другой стали появляться каменные статуэтки, изображавшие людей. Все они были похожи друг на друга и различались лишь цветом материала. У левой стороны изгороди из топоров Анаиб-Унгир воткнул три белые фигурки, а немного отступив, еще пять — зеленовато-серого цвета. Затем он перешел к правой стороне композиции. Здесь полукругом стали четыре статуэтки, из которых белого цвета была только одна. За ними разместились еще две — серо-зеленая и почти синяя. «Не из ляпис-лазури ли она? — удивленно подумал египтянин. — Откуда здесь этот редкий камень? Я никогда не видел у них ничего похожего на лазурит!» Все фигурки верховный жрец размещал так, что они были обращены лицами к пустому центру, словно ожидая чьего-то появления.

Наконец Анаиб-Унгир принялся и за центральное пространство. Он особо бережно вынул из хранилища статуэтку из почти белого с розоватым отливом камня и укрепил ее в середине; Ах-Шооч, создавая эту фигурку, вспоминал верховного жреца, и действительно сходство было настолько сильным, что его заметил даже Суэмбахамон. Это подобие Анаиб-Унгира было поставлено так, что смотрело на центральную статуэтку правой группы, то есть туда, где сейчас стоял Тумех-Цахинг.

Появилась из корзины последняя статуэтка — из темно-розового гранита, с необработанной шершавой поверхностью. Египтянин поймал на себе несколько любопытных взглядов; казалось, жрецы сравнивали эту статуэтку с чужеземцем. Ему стало не по себе. Что же все-таки это за церемония?

Гранитная фигурка была помещена верховным жрецом около центрального топора, спиной к нему и лицом ко всем остальным статуэткам, которые, казалось, пристально созерцали развертывавшуюся перед ними сцену. Наконец Анаиб-Унгир выпрямился и удовлетворенно осмотрел композицию. Да, последняя работа удалась Ах-Шоочу не меньше, чем предшествующие! Старик был действительно прекрасным мастером!

По знаку верховного жреца все отступили на несколько шагов к деревянным стелам. Кто-то мягко, но настойчиво увлек египтянина за собой и поставил его спиной к центральной стеле. Около него стал Анаиб-Унгир, все остальные расположились полукругом около них. И верховный жрец, полуобернувшись, произнес, обращаясь к Тумех-Цахингу:

— Великое Сердце земли жаждет жертвы! Приступим?

Тумех-Цахинг вытащил из набедренной повязки длинный нож и медленно приблизился к пришельцу из-за моря.

И тут только Суэмбахамон все понял: расставленные перед ним фигурки и нож в руке жреца рассказали ему, что сейчас произойдет. Страх, отвращение и ненависть захлестнули его душу. Его собираются принести в жертву! Иринефера оставили в глубине земли, а его, как наиболее важного и знатного чужеземца, убьют здесь, в главном святилище. Египтянин затравленно оглядел собравшихся. Все эти отродья Сета смотрели на него с интересом и нетерпением, но без малейшего признака пощады или сочувствия. Он хочет жить! За что его убивают? За что?!

Тумех-Цахинг приблизился и занес руку, чтобы привычным жестом вскрыть грудь жертвы. И здесь измощенное, усталое сердце Суэмбахамона не выдержало. Острая, нестерпимая боль пронзила грудь. Египтянин поднял левую руку, судорожно прижал ее к сердцу и упал.

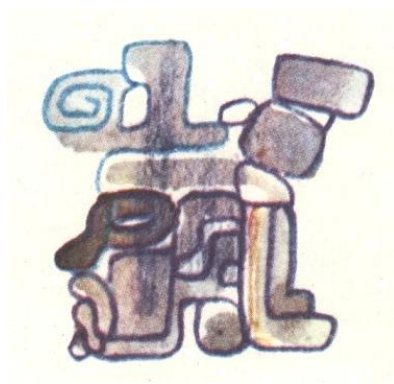
Тумех-Цахинг застыл, удивленный и огорченный. Он же не нанес удара! В чем дело? Остальные оторопело смотрели на жреца Сердца земли и лежащее у его ног мертвое тело. Бог не принял жертву?

Тягостную тишину прервал торжественный голос верховного жреца: — Преклонитесь и трепещите перед чудом великого Сердца земли! Смотрите!

Анаиб-Унгир указал на лицо Суэмбахамона, хранившее отпечаток предсмертного ужаса.

— Бог сам взял жертву и запечатлел на ней свою печать!

Жрецы медленно опустились на колени.

ГЛАВА XXI

НОВОЕ ПОРУЧЕНИЕ ТУГ-АНСЕНГУ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Нелегко было закончить изготовление лица Хун-Ахпу, но вышло оно прекрасным...

«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Весенний ливень бурными потоками низвергался с затянутого плотными тучами неба. Боги-хранители влаги в этом году не скупились на дожди, и земледельцы радовались: все предсказывало в этом сезоне обильный урожай.

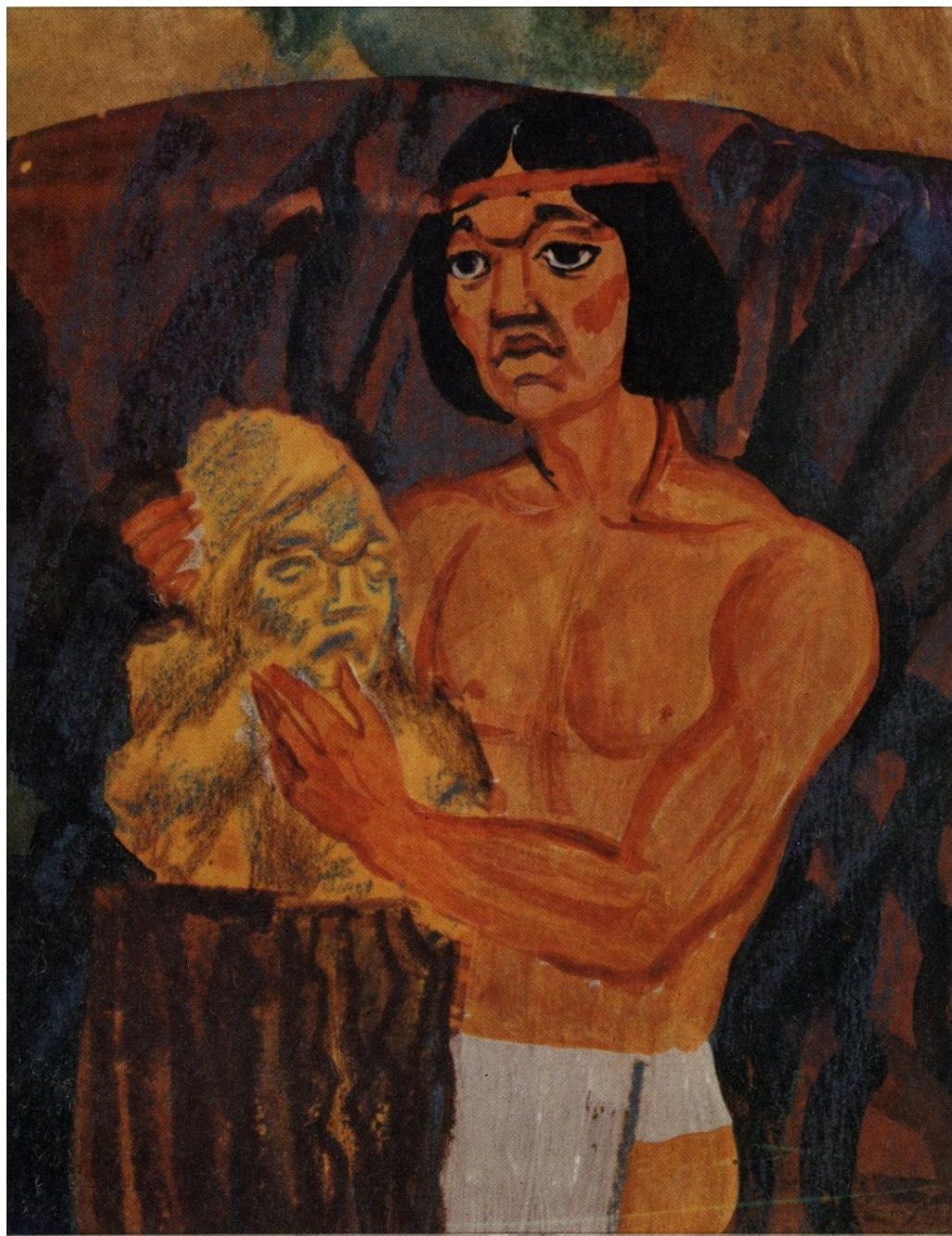
Туг-Ансенг сидел в передней комнате дома и в который раз рассматривал чудесную статуэтку плачущего младенца. Да, его покойный тесть был великим мастером! Как он сумел изобразить трогательное сердце беспомощности юного существа и веру во всемогущую защиту материнских рук. Ах-Шооч умер месяц тому назад, тихо угас, как угасает лишенный масла свечник. Рождение внука и срочная работа для верховного жреца были последним всплеском его жизненной силы и энергии.

Потеря тяжело переживалась всеми членами семьи. Нам-Цук бродила по дому, словно тень, осунувшаяся, подавленная и молчаливая; Туг-Ансенгу стала безразлична работа; даже маленький Кангах и тот, кажется, стал тихим и грустным, словно чувствовал, что никогда уже больше не увидит своего деда.

Последнюю работу Ах-Шооча — статуэтку Нам-Цук — Туг-Ансенг подарил в святилище острова Усокиток-Петенг. Ему почему-то казалось, что эта фигурка — несомненный шедевр старого мастера — принесет его семье несчастье. Из всех произведений скульптора в доме осталась только статуэтка младенца, и молодой ваятель теперь часто рассматривал ее, вновь и вновь поражаясь удивительному мастерству ушедшего.

В дверном проеме показался один из учеников Ах-Шакана, весь залитый водой. Он отряхнулся и, увидев Туг-Ансенга, сказал приветливо: — Начальник зовет тебя к себе!

Удивленный мастер поднялся, кликнул Нам-Цук и, предупредив ее, отправился с вестником к дому верховного скульптора. По дороге он попытался узнать причину неожиданного приглашения, но сопровождавший его ученик и сам ничего не знал.

Начальник скульпторов встретил Туг-Ансенга приветливо, даже ласково. Он расспросил молодого отца, как растет Кангах, как чувствует себя Нам-Цук, и только потом сказал:

— Завтра в середине дня ты должен явиться к верховному жрецу.

Туг-Ансенг хорошо знал правила этикета: спрашивать о чем-либо человека старше себя, да еще начальника, было бы немыслимо. Но это приказание Ах-Шакана показалось ему столь необычным, что полностью скрыть свое удивление он не мог. Заметив это, начальник скульпторов откровенно признался:

— Я сам не знаю, в чем дело, и недоумеваю. Может быть, Анаиб-Унгир хочет поручить тебе какую-нибудь новую работу по нефриту? Он очень ценил покойного Ах-Шооча, да и топор, выполненный тобой, ему понравился...

— Но я давно уже работаю по крупной скульптуре, почтенный Ах-Шакан, — возразил Туг-Ансенг, — и верховный жрец прекрасно знает об этом.

— Конечно, знает. Он вообще все всегда знает. И все-таки, когда Анаиб-Унгир поручил Ах-Шоочу в последний раз изготовить фигурки, в помощники дал именно тебя!

— Кстати, в какое святилище пошли эти статуэтки? — поинтересовался молодой ваятель.

Ах-Шакан пожал плечами.

— Не знаю. Жрецы вообще редко говорят нам о дальнейшей судьбе выполненных по их заказу вещей. Наверное, стоят на каком-нибудь алтаре... Могут пройти годы, пока кто-нибудь из нас их увидит! А может и не увидеть никогда... Итак, завтра ты отправишься к Анаиб-Унгиру. Если будет возможно, то Расскажи мне потом, зачем ты ему понадобился.

Туг-Ансенг распрощался с начальником скульпторов и вышел. По дороге домой он продолжал размышлять о цели завтрашней встречи, но так ни до чего определенного и не додумался.

Пора дождей близилась к концу, и, когда на следующий день молодой скульптор подходил к жилищу верховного жреца, погода была почти ясной. Он сообщил о своем приходе прислужнику и уселся ждать у входа. К удивлению Туг-Ансенга, его позвали очень быстро, через каких-нибудь полчаса.

Анаиб-Унгир, ответив кивком головы на глубокий поклон скульптора, долго и внимательно глядел на призванного. В свою очередь, молодой ваятель, пытаясь скрыть любопытство, рассматривал повелителя жрецов всей страны. Могучая, как ствол дерева пек *, шея, неподвижно-спокойное лицо с круто изогнутыми густыми бровями, холодными глазами, жестко сжатыми губами, резкие очертания хищного крючковатого носа — все казалось вырубленным из особого темного базальта. Открытый мощный торс с тяжелыми мускулами портили только складки жира на груди и животе. «Какая великолепная модель, — невольно пронеслось в голове скульптора, — вот кого я с удовольствием воссоздал бы в камне».

После минутного молчания Анаиб-Унгир сказал, растягивая слова:

— Ты ученик славного мастера Ах-Шооча и муж его дочери, не так ли?

— Истинно так, владыка! — ответил Туг-Ансенг.

— Ваши статуэтки были прекрасны. — На лице верховного жреца появилось выражение мечтательности и удовольствия. — И они хорошо выполнили предназначенное им святое дело! А недавно присланную на остров Усокиток-Петенг фигурку госпожи с зеркалом делал Ах-Шооч или ты?

Внутри Туг-Ансенга зашевелился неопределенный страх, по спине пробежали мурашки. Ах-Шооч изобразил в своей последней вещи Нам-Цук. К чему подбирается своими мягко звучащими вопросами этот страшный человек?

— Это была последняя работа моего тестя, — ответил он, стараясь, чтобы голос его звучал ровно и спокойно. — И предшествующие статуэтки делал он, я только помогал шлифовать их. Я не мастер по нефриту.

— Так! А не знаешь ли ты, скульптор Туг-Ансенг, эта фигурка знатной женщины сделана по чьему-то подобию, изображает кого-нибудь или просто является фантазией Ах-Шооча?

— Она просто порождение творческой мысли покойного мастера и ни с кем не имеет никакого сходства, — твердо ответил молодой ваятель.

— Неужели? — В голосе Анаиб-Унгир зазвучало искреннее изумление. — Все видевшие эту прекрасную статуэтку в один голос говорят, что она как две капли воды схожа с твоей женой, дочерью Ах-Шооча. Вот я и подумал, что сделал ее ты...

«Они наметили Нам-Цук в жертву Матери богов, — подумал в отчаянии Туг-Ансенг, — я словно предчувствовал, что эта статуэтка принесет нам несчастье... Но теперь оказывается, что я сам стал причиной его, отослав портрет моей бедной жены в островное святилище». Вслух же он сказал:

— Нет, владыка, эта статуэтка — создание Ах-Шооча. Может быть, он невольно и придал ей черты своей дочери; трудно сказать, я сходства не вижу. Но эта вещь — работа великого мастера по нефриту, а я таким не являюсь...

— Напрасная скромность, мастер Туг-Ансенг, — возразил верховный жрец, — я хорошо помню созданный тобой нефритовый топор, — это первоклассная вещь. Кстати, ведь за нее ты и получил звание мастера, не так ли?

Туг-Ансенг склонился в глубоком поклоне, стараясь скрыть лицо. Ему стало жутко: великий жрец действительно знал все!

— Но все это не столь важно, — продолжал Анаиб-Унгир, — спрашивая о статуэтке, посланной тобой на остров Усокиток-Петенг, я просто хотел узнать, есть ли у тебя дар передавать в скульптуре схожесть в лицах. А во время разговора я вспомнил, что такая способность у тебя безусловно имеется, во всяком случае, когда-то имелась. Ведь и скульптором-то ты делался по моей воле. Одиннадцать лет тому назад я встретил мальчика, лепившего портрет своего брата, удивился его таланту и приказал отправить его обучаться мастерству ваятеля. Ты помнишь нашу первую встречу, Туг-Ансенг?

— Да, мудрый владыка, и вечно тебе благодарен! — ответил скульптор. Его внутренняя тревога за Нам-Цук после того, как Анаиб-Унгир пере-

шел на другую тему, уже улеглась, и он спокойно ждал продолжения беседы. Ему казалось, что речь пойдет о каком-то новом заказе.

— Интересно, — продолжал задумчиво верховный жрец, — сохранилась ли и теперь у тебя эта поразившая меня способность? Ведь голова твоего брата, которую ты лепил, была очень похожа на него. Таким же даром обладал и покойный Ах-Шооч: я увидел это не только в статуэтке знатной госпожи, где он изобразил твою жену, но и в другой его работе. Среди заказанных мной статуэток жрецов, над которыми вы работали в последний раз, одна изображала меня, и совершенно точно. Сходство заметили все жрецы. Такой дар очень ценен, но довольно редко встречается... Мне кажется, что он есть и у тебя. Правда, такие вещи не должны попадать в руки чужих людей: над ними можно проделать опасные для изображенного магические обряды!

— Я никогда не задумывался над этим, — откровенно признался Туг-Ансенг. — Но позволь спросить тебя, мудрый повелитель: разве эта черта так важна?

— Да, иногда такая способность в скульптуре совершенно необходима. Сделаем вот что: постарайся вылепить снова голову твоего брата, конечно, в теперешнем его возрасте, и принеси эту скульптуру мне дня через два. Ты сможешь это сделать?

— Конечно, владыка! Твое поручение будет исполнено в точности!

— Прекрасно! Посмотрим, сохранил ли ты свой детский дар. Кстати, изобрази Шанга — так ведь зовут его — в шлеме, который надевают игроки при священной игре в мяч!

— Но, великий владыка, — робко попытался возразить скульптор, — мой брат — простой общинник, и он никогда не участвовал, да и не сможет участвовать, в этой священной игре...

— Это неважно, — сухо возразил верховный жрец, — сделай так, как я сказал!

— Через два дня я явлюсь к тебе с готовой работой, владыка!

— Хорошо. Теперь ты можешь быть свободным!

Туг-Ансенг поклонился и вышел. Он немедленно поспешил к Ах-Шакану, которому добросовестно передал весь разговор с Анаиб-Унгиром, а под конец сообщил и о странном поручении, возложенном на него.

Главный скульптор Ниваннаа-Чакболая долго молчал. Лицо его как-то сразу осунулось и постарело. Наконец он со вздохом произнес: «Что же, каждый цветок набирает силы, расцветает и вянет в положенное ему время. Тебе предстоит большая и почетная работа, Туг-Ансенг, но она доставит тебе и радость, и горе! Наш долг, однако, беспрекословно повиноваться — вот все, что я могу тебе сказать. Иди и постарайся получше выполнить поручение верховного жреца».

Молодой скульптор вернулся домой вконец растревоженным. Ах-Шакан не только не развеял ему необычный разговор с Анаиб-Унгиром, но явно намекал на что-то печальное.

Ни жене, ни Шангу Туг-Ансенг ничего не сказал. Под вечер он отправился в хижину матери и, ведя неторопливую беседу с родными, украдкой изучал лицо брата. Юношеская красота его, доброта, воля и одухотворен-

ность, сквозившие в каждой черте, радовали и привлекали Туг-Ансенга. Он представил себе Шанга в парадном одеянии игрока в мяч и невольно поразился: как великолепно выглядел бы младший брат! Но ведь это игра жрецов и знати...

На следующее утро Туг-Ансенг взялся за работу. Он выполнил ее за несколько часов и сразу же принес Анаиб-Унгиру.

Откинув мокрую ткань, верховный жрец долго и внимательно смотрел на скульптуру. На губах его заиграла торжествующая улыбка.

«Вещь хорошо сделана, а сходство передано и вовсе отлично! Вот здесь, — жрец прикоснулся к передней части шлема, — надо будет поместить священный знак, тебе его покажут. Через три дня после очищения и поста ты приступишь к настоящей работе, мастер Туг-Ансенг! На священном участке стоит большой камень, из него ты высечешь вот это изображение. Пока не закончишь его, ты не будешь видеть никого, кроме твоих помощников-подмастерьев, которых выберет Ах-Шакан. И помни, что порученное тебе — великая тайна. Если проговоришься, то погибнешь и сам, и все твои близкие!»

Туг-Ансенг побледнел. Ему вспомнилась давняя прогулка с учителем по священному участку, изваяния гигантских голов, стоявшие там, и объяснения Ах-Шооча. Теперь молодой скульптор понял все.

ГЛАВА XXII

ИЗБРАНИЕ ЛЕМ-ХООЛОМА

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Мы идем засевать поле...
«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Посевные работы были в полном разгаре. Шанг возвращался домой поздно, бесконечно усталый. У него только и хватало сил помыться и поесть; едва он добирался до охалки сухих кукурузных стеблей, покрытых грубой тканью, как тотчас же забывался в глубоком сне. Утром матери приходилось долго трясти сына за плечо, чтобы он проснулся. С Тианг он уже давно не виделся, хотя тосковал о ней непрестанно.

В этот вечер юноша во время еды с удивлением услышал сбивчивый рассказ матери об исчезновении старшего брата. Оказывается, днем прибегала встревоженная Нам-Цук. По ее словам, вчера вечером Туг-Ансенг кратко сказал ей, что ему предстоит долгая работа вне города, собрал необходимые инструменты и ушел. Скульптор казался мрачным и встревоженным. Все это так не походило на обычное поведение мужа, что Нам-Цук, оставив младенца на попечение соседки, пришла сообщить о случившемся свекрови. Но Ош-Чоч сама ничего не могла понять и объяснить.

— Она должна была спрашивать не у тебя, а у начальника скульпторов! — сказал Шанг. — Откуда мы знаем об их делах и обычаях?

— Ах-Шакан не пожелал говорить с ней, — растерянно отозвалась мать. — Нам-Цук именно это и встревожило!

Юноша, кончив еду, встал, потянулся и зевнул. Страхи матери и невестки казались ему необоснованными.

— Скульпторы всегда связаны со жрецами и их тайнами, — сказал он. — Вспомни, что рассказывал Туг-Ансенг о своем испытании. Мы тогда тоже тревожились: где он? А оказалось, что его поселили в лесной хижине в полном одиночестве и там он делал священный топор. Вот и теперь, наверное, он занимается чем-то подобным. Не беспокойся, мать, пройдет время, и Туг-Ансенг снова будет с нами!

Они улеглись спать. Шангу снилась лунная ночь и улыбающаяся Тианг возле огромного камня, который он показывал ей. А Ош-Чоч, ворочаясь с боку на бок и вздыхая, не закрыла глаз до утра. Для матери и взрослый,

женатый сын всегда остается беспомощным младенцем, о котором болит сердце.

Напрасно говорят, что материнское сердце — вешун. Ош-Чоч в эти часы должна была бы беспокоиться не о Туг-Ансенге, а о том, кто мирно спал рядом с ней, потому что именно тогда решалась судьба ее младшего сына.

Этим же вечером резиденцию верховного жреца посетил Нианг-Хинах. После нескольких вежливых фраз, требуемых приличием, жрец молодого бога кукурузы заговорил о том, что его действительно беспокоило:

— Мудрый Анаиб-Унгир, через год и три месяца должен состояться большой праздник священного посева. Следовательно, уже сейчас надо думать о поисках лем-хоолома. Когда-то на совете жрецов ты сказал, что этим должен заниматься я, и это правильно. Разрешаешь ли ты, владыка, начать поиски?

— Нет, не нужно! — ответил спокойно верховный жрец. — Юноша, который будет лем-хооломом, уже найден. Я нашел его давно, больше десяти лет тому назад, и внимательно наблюдал за ним. Тебе только остается взять его и объявить волю божества!

— Кто же он? — Нианг-Хинах был явно поражен предусмотрительностью первосвященника. Думать о празднике священного посева за десять лет! Поистине Анаиб-Унгир велик своей мудростью и прозорливостью!

— Его зовут Шанг, он земледелец из рода Кааб, живет в селении Хок-тунг. Брат его — скульптор Туг-Ансенг — уже начал работу над Великим зерном.

— Твоя предусмотрительность поражает меня! — признался жрец молодого бога ишима. — Ты подумал обо всем. Что мы перед тобой, о владыка? Черви, бездумно ползающие по земле!

— Ну, так думают далеко не все, — заметил Анаиб-Унгир, — но важно не это. Я рад, что смог помочь тебе в таком важном деле, как обретение лем-хоолома. На мой выбор ты можешь положиться, хотя, конечно, если у тебя, почтанный Нианг-Хинах, есть свои избранные, я не стану настаивать на моем...

— Что ты говоришь, мудрейший? — ужаснулся жрец. — Во-первых, у меня нет никого, во-вторых, даже если бы он был, то твой выбор — я уверен — оказался наилучшим! Нет, нет и нет! Все будет сделано так, как задумал ты. И прими огромную благодарность за твою заботу о нуждах нашего божества!

— Это наше общее дело! — кратко отвечал Анаиб-Унгир. — Никакой благодарности поэтому я не заслужил!

Ранним утром следующего дня Шанг отправился на поле. Участок их семьи, как и все поля его рода, находился довольно далеко от селения и каждые три года отодвигался все дальше. Истощенная земля требовала отдыха, и поэтому после трехлетней обработки участок оставляли, чтобы он снова зарос лесом, и выбирали другой. Юноша нес палку-копалку и корзину с семенами и по дороге размышлял о будущем.

«Через год Тианг уже освободится от заботы о малышах, — думал он, — и тогда я смогу посвататься к ней. Мать в последнее время очень постарела, она становится с каждым днем все беспомощнее и суетливее.

В доме нужна молодая хозяйка. Обычая жить три года в доме тестя нам можно избежать, ведь Мааш не отец ей, а только дядя, и то не прямой, со стороны матери, а дальний. Как будет хорошо, когда я каждый день буду видеть Тианг, а она будет заботиться о моей пище и одежде...»

Погруженный в эти приятные думы, Шанг поздно заметил толпу людей около своего участка. Удивленный юноша невольно ускорил шаги. Что могло здесь случиться?

Около его поля стояли девять жрецов в белых одеждах. На груди первого, очевидно главного из них, блестел в лучах утреннего солнца слегка вогнутый диск. Голову предводителя — это был Нианг-Хинах — украшал пучок длинных зелено-синих перьев кецаля*. Около жрецов полукругом, но на некотором расстоянии, расположилась толпа любопытных. Все молчали и пристально глядели в его сторону.

Как только юноша подошел к собравшимся, жрецы затянули торжественную песнь, прославлявшую молодого бога кукурузы. Они пели:

Вот ты появляешься из земли,
Молодой, стройный и сильный!
Дважды привет тебе, трижды привет тебе,
Юный владетель ишима, наш владыка!
Блещет на солнце твоя голова-початок,
Листья — руки твои — подобны нефриту,
Как перья кецаля, сверкают твои одежды...

Предводитель их, приблизившись к Шангу, спросил тихо:

— Как зовут тебя, прекрасный юноша?

— Мое имя — Шанг, я земледелец из рода Кааб, — отвечал ошеломленный сын Ош-Чоч.

Нианг-Хинах низко склонился перед ним, касаясь земли пальцами левой руки.

— Трижды привет тебе, о счастливый избранник бога! Твои верные слуги бесконечно рады приветствовать тебя!

Молодой земледелец испуганно попятился.

— Владыка, — пробормотал он, — ты ошибаешься...

— Нет, — прервал его Нианг-Хинах, — я не ошибся! Ты, Шанг, избран молодым богом ишима! Посмотри сюда!

Он выпрямился и показал на диск, висевший на его груди. Шанг всмотрелся, но видел только сияние, исходящее от гладкой отполированной поверхности. Почему-то захотелось спать, голова приятно закружилась. Он услышал, как через хлопковую вату, размеренный ласковый голос предводителя жрецов:

— Ты побудешь с нами, владыка, ты спокойно пойдешь с нами, твоими скромными слугами, в свой храм и отдохнешь там! Ты придешь туда, о владыка, ты уже двинулся в путь, о наш повелитель!

Ошеломленные земледельцы увидели, что юноша, окруженный жрецами, медленно двинулся в обратный путь к великому городу, все еще неся в руках копалку и корзину с зернами кукурузы.

ГЛАВА XXIII

ШЕСТВИЕ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Вот что было совершено ими после размышления,
после обдумывания ..

«ПОПОЛЬ-ВУХ»

На сердце у Тианг было тревожно.

Вот уже больше двух недель она не видела Шанга. Сначала девушка приписывала его отсутствие начавшимся работам в поле: Шанг много трудится, торопясь закончить поскорее с весенними заботами, а кончив их, он, конечно же, появится у нее. Но дни шли за днями, сев завершился, а юноши все не было. И тогда возникла тревога, сперва смутная и неопределенная, а затем и неотрывная. Тианг, сама гордая и честная девушка, таким же видела и своего любимого, а поэтому даже не допускала мысли, что Шанг мог увлечься другой и забыть ее. Почему же он пропал, не случилось ли что-нибудь с ним? По вечерам она долго смотрела на Вечернюю звезду, надеясь, что ее избранник тоже глядит на нее, согласно их уговору. Спокойное мерцание светила на несколько минут успокаивало девушку, ей даже казалось, что она слышит голос Шанга, но потом тревога возникала снова. Тоска переполняла сердце.

Тревога была тем мучительнее, что Тианг ни с кем не могла ею поделиться. Дядя и соседи давно стали ей чужими людьми, мудрый и добрый Чахиль умер, а Куоку то ли забыл ее, то ли был занят. Что же ей делать? Идти в Хоктунг и попытаться увидеть хотя бы его хижину? Это невозможно!

Наконец девушка вспомнила о Нам-Цук. Ведь, в сущности, благодаря ей Тианг познакомилась с Шангом. Если он заболел, то, наверное, Туг-Ансенг знает об этом, а что знает Туг-Ансенг, знает и его жена. И под вечер, разделившись с домашними хлопотами, Тианг отправилась к Нам-Цук.

Поселок скульпторов, хотя формально и подчинялся анчук-теку Тахкум-Чаканга, а следовательно, входил в это селение, находился от него на значительном расстоянии и был ближе к столице. Ваятели жили своим мирком, состояли в особых отношениях со жрецами и знатью, включая самого правителя, и поэтому редко общались с земледельцами. Тианг была

там всего два раза, и оба в чрезвычайных случаях: на свадьбе Туг-Ансенга и мехик-утиаре Кангаха. Поэтому она шла в поселок с несвойственной ей робостью.

Войдя в дом скульптора, девушка поразилась царившей в нем тишине. Он помнился ей ярко освещенным, шумным и радостным. Это еще более действовало на взбудораженные нервы Тианг, она шагнула и задела ногой скамью.

— Кто здесь? — раздался встревоженный оклик Нам-Цук. Она поднялась от колыбели ребенка, а Кангах жалобно заплакал.

— Это я, Тианг, прости за беспокойство, Нам-Цук. Я зашла узнать, как вы живете.

Молодая хозяйка подошла к девушке, молча обняла ее, и Тианг с ужасом увидела, что та плачет.

— Мы с Кангахом живем плохо, Тианг, — ответила Нам-Цук, несколько успокоившись. — Туг-Ансенг отправлен на какую-то срочную работу, мы остались совсем одни. Хорошо еще, что жрецы, памятуя заслуги покойного отца, присылают нам каждую неделю припасы...

— А почему тебя не навещают родные твоего мужа? — спросила с замиранием сердца девушка.

Нам-Цук вздохнула.

— У них тоже горе. Брат Туг-Ансенга, Шанг — ты помнишь его, — куда-то пропал, а мать, Ош-Чоч, от тоски по детям тяжело заболела. Я каждый день бегаю в Хоктунг и ухаживаю за ней...

— Как же пропал Шанг? — сдавленным голосом спросила Тианг. Ее всю трясло от волнения, но Нам-Цук, погруженная в свои мысли, ничего не замечала.

— Односельчане видели и рассказали нам: когда он пришел на свое поле, туда явились жрецы и увели его. Но я в это не очень-то верю. Если хранителям веры кто-нибудь нужен, они посылают за ним, а не приходят к простому земледельцу!

— Может быть, он нарушил какой-нибудь закон? — спросила Тианг, с ужасом вспомнив наказание Накахона.

— Нет, Шанг не из таких! Да, кроме того, в этом случае за ним пришел бы воин и отвел к анчук-теку...

— Так где же все-таки он? — закричала Тианг и разразилась громким плачем.

Ее худенькие плечи содрогались от рыданий, которые она тщетно старалась подавить.

Нам-Цук наконец поняла. Ласковым жестом она коснулась спины подруги.

— Так ты любишь Шанга? — тихо спросила молодая женщина. — Я этого не знала.

— Мы любим друг друга! Уже год, как он просил меня стать его женой, — всхлипывала Тианг, — я уговорила его подождать... О Нам-Цук, я так боюсь...

— Не надо ничего страшиться! — рассудительно сказала молодая женщина. — Мало ли на какую работу могли послать Шанга. Я сейчас

вспомнила: в прошлом году его вместе с другими мужчинами заставили тащить большой камень. Наверное, теперь тоже что-нибудь вроде этого...

— Но ты же беспокоишься о Туг-Ансенге, хотя скульпторов часто отряжают от дома! — раздраженно возразила Тианг. Ее слезы высохли, и на личике выступил румянец. — Скажи: кто-нибудь еще из юношей Хоктунга не был уведен жрецами?

— Нет, я не слышала об этом, — призналась Нам-Цук.

— Видишь, я права! Здесь что-то другое! Но мне пора возвращаться, прощай! Прошу тебя, если Шанг появится или ты что-нибудь услышишь о нем, пошли за мной!

Подруги расстались сухо. Каждая была втайне обижена непониманием другой. Тианг медленно побрела домой, еще раз всплакнув по дороге, а Нам-Цук, вздыхая, занялась Кангахом.

А Шанг в это время лежал ничком на глинобитном полу одного из помещений храма Божественного младенца и стонал в бессильном отчаянии. Он не понимал, зачем его привели сюда, каким образом он так безропотно последовал за жрецами. Мысль о том, что поле осталось незасеянным, что Тианг и мать не знают, где он, жгла его, как огонь. Юноша вспомнил рассказы стариков о магических зеркалах, которые жрецы носили в особых случаях на груди. У предводителя, говорившего с ним, был какой-то блестящий диск. Наверное, им он и околдовал его! Зачем он, простой земледелец, здесь, в храме?

Шанг встал, огляделся. Хотя это было всего лишь одно из подсобных помещений храма, ширина комнаты и роскошь ее отделки поразили юношу. До этого он видел только неприхотливые деревенские святилища с простой соломенной крышей, похожие на обычную деревенскую хижину. Здесь покрытые плотной штукатуркой стены были расписаны яркими красками. Молодой бог кукурузы выглядел из нижних продолговатых листьев, благостно улыбаясь. Перед ним стоял на коленях с молитвенно поднятыми руками правитель Ниваннаа-Чакболая. От потолка из гладко обструганных досок исходил приятный запах. Дверной проем, закрытый плотной зеленой тканью, имел подвижной щит вроде двери — вещь тоже совсем незнакомая юноше.

Послышался шум. Занавес приподняли, и в помещение вошли двое молодых людей в одежде храмовых прислужников. Один из них нес тыквенную чашу с дымящимися лепешками, другой — большой кувшин с водой. Оба низко склонились перед Шангом и поставили еду и питье на пол. Когда они повернулись, собираясь выйти, юноша воскликнул:

— Стойте! Скажите мне: зачем меня привели сюда?

— Будь спокоен, великий владыка, и радостен! Не оставь нас своими заботами!

Говоривший снова низко склонился перед юношей.

— Будь к нам благосклонным и щедрым, одари нас своими дарами!

— Я не владыка! Что вы говорите? Чем я могу вас одарить? Здесь какая-то ошибка...

Но прислужники, не слушая Шанга, выскользнули за дверь. С треском передвинулся щит, закрывая выход, и снова воцарилась тишина.

Юноша нехотя выпил несколько глотков холодной ключевой воды. Есть он не мог. Он чувствовал себя беспомощным зверьком, попавшим в какую-то хитрую ловушку, и это угнетало и мучило его. Покружив по комнате, Шанг снова опустился на пол и замер.

Очевидно, за ним откуда-то наблюдали, потому что через какое-то время юноша почувствовал легкое прикосновение чьей-то руки к своему плечу. Он обернулся и, увидев неслышно появившегося рядом с ним высокого худого жреца, поспешно вскочил на ноги, поклонился.

— Почему ты не ешь, владыка? — спросил Нианг-Хинах (это был он). — Разве тебе дали не свежеспеченные лепешки? Тебя что-нибудь заботит или огорчает?

— Я не хочу есть... И я не владыка... — ответил, волнуясь, юноша. — Скажи мне, уважаемый: зачем я здесь?

— Боги оказали тебе, Шанг, великую честь и избрали тебя лем-хоолом — живым олицетворением молодого бога кукурузы. — Жрец говорил медленно и раздельно, как бы вбивая каждое слово в сознание юноши. — Поэтому ты отныне именуешься владыкой и действительно являешься нашим повелителем. Все твои желания будут исполняться беспрекословно. Подкрепи свои силы, а после того, как ты искупаешься и переменишь свои одежды, будет устроено большое пиршество...

Растерянный юноша молчал. Услышанное никак не укладывалось в его сознании.

— Через несколько месяцев будет устроена твоя свадьба, о милостивый владыка, — продолжал Нианг-Хинах. — Четыре самые красивые девушки, избранницы самых знатных родов, станут твоими женами. Ты будешь проводить свое время не в изнуряющем тело и душу труде, а в празднествах и удовольствиях...

— Но почему именно на меня указали боги? — выдохнул ошеломленный Шанг.

Внезапно он вспомнил острый и оценивающий взгляд, брошенный на него верховным жрецом, когда на акрополе устанавливали огромный камень. Вот, очевидно, тогда и решилась его судьба, а он и не подозревал о таком странном и удивительном будущем...

— Это знают только они! И волю свою наши властители возвещают устами верховного жреца. Ты был еще маленьким мальчиком, беззаботно игравшим со своим братом, а владыка Анаиб-Унгир узнал в тебе будущего лем-хоолома, — неосмотрительно сказал Нианг-Хинах.

Перед глазами юноши всплыла картина далекого знойного полудня, когда Туг-Ансенг и он беседовали с двумя жрецами. И старший из них был Анаиб-Унгир! Как давно все это было! Вот когда это началось!

— А я могу взять в жены девушку из селения Тахкум-Чаканг? — спросил Шанг.

— Простолюдинку? — искренне удивился жрец молодого бога иши-ма. — Зачем тебе она, владыка?

— Я люблю ее! — выкрикнул Шанг.

— Ты призван любить весь наш народ и принести ему изобилие и благоденствие! — наставительно сказал Нианг-Хинах. — Такой незначительный

предмет, как эта девушка-простолюдинка, не должен привлекать твое высокое внимание! Не думай пока об этих мелочах, милостивый владыка! Сейчас прислужники помогут тебе помыться и одеться, как приличествует твоему сану. А я приготовлю немедленно укрепляющее питье, чтобы ты смог достойно выполнять свои новые обязанности; поверь мне, это нелегко!

С этими словами, пятась и кланяясь, Нианг-Хинах удалился, оставив юношу в полной растерянности. Шанг совсем не знал, что ему делать.

В соседнем помещении жреца молодого бога ишима ожидал Мишпи-тиакук. Увидев Нианг-Хинаха, он вопросительно поднял брови.

«Плохо! — отвечая на этот молчаливый вопрос, сказал последний. — Он беспокоен и думает о какой-то простолюдинке. Придется дать священное питье».

И оба жреца принялись за приготовление волшебного зелья. Им уже не раз приходилось иметь дело с жертвами, не понимавшими своего высокого предназначения. А воплощение молодого божества должен быть всегда спокойным и радостным, иначе все церемонии теряли свой смысл и кукуруза могла уродиться плохой или вообще не дать урожая. Сейчас от состояния духа этого юноши зависело благоденствие всего ольмекского народа на ближайšie двенадцать лет!

Взяв хорошо размолотые бобы какао, жрецы залили их кипятком. Затем, процедив получившийся напиток через редкую белую ткань, они добавили в него свежерастертые и измельченные в порошок мелкие семена какого-то растения. По комнате распространился тяжелый дурманивший аромат, глаза у приготавливавших заблестели. Наконец в зелье был трижды погружен большой обсидиановый нож со следами запекшейся крови — орудие жертвоприношений. Не случайно это одурманивающее питье так и называлось: вода с жертвенного ножа.

Нианг-Хинах хлопнул в ладоши, вызывая прислужника.

«Отнеси священное питье нашему молодому владыке и обязательно проследи, чтобы он выпил его до дна!» — приказал жрец.

Рано утром, еще до восхода солнца, по улицам всех селений, окружавших столицу, зашпешили вестники. Громкими и радостными голосами они возглашали:

— Люди ягуара, радуйтесь! К нам явился молодой бог, наш кормилец и благодетель! Пришел юный владыка ишима! Спешите к его храму, чтобы воздать ему почести и получить его благословение! Спешите в Ниваннаа-Чакболай, таков приказ нашего повелителя и верховного жреца!

Земледельцы, обрадованные неожиданным отдыхом — такой приказ освобождал их от работ, — торопливо выходили из хижин. Скоро все дороги, ведущие в столицу, были заполнены народом. Болтая и смеясь, люди медленно двигались к акрополю, видневшемуся вдали.

Вместе с другими жителями Тахкум-Чаканга в Ниваннаа-Чакболай отправилась и Тианг. Девушка просто не могла оставаться наедине со своими мучительными мыслями. Кроме того, в ее душе жило воспоминание о неожиданной встрече с Шангом на площади, когда наказывали Накахона: тогда ведь ее любимый тоже долго не появлялся и она терзалась и воображала всяческие страхи. Слабая улыбка тронула ее губы: она даже серди-

лась на него! Теперь такого уже не будет, только бы увидеть Шанга и хотя бы перекинуться с ним парой слов! Он, конечно, объяснит ей причину своей неожиданной отлучки, и все будет хорошо!

Обитатели Тахкум-Чаканга из-за близкого соседства со столицей оказались в выгодном положении, по сравнению с жителями других селений, и поэтому достигли Ниваннаа-Чакболая раньше, чем те. Они удобно устроились в первых рядах толпы перед храмом около цепи стражников, охранявших проход. Смех и шутки постепенно смолкли, все прониклось торжественностью предстоящего и с нетерпением ожидали начала церемонии.

Со своего места Тианг хорошо видела храм молодого бога, он казался пустым и безмолвным. Но вот длинная завеса, закрывавшая вход в него, отодвинулась, и на площадку перед святилищем вышел окруженный жрецами Нианг-Хинах. Несколько минут он молча молился, подняв голову к небу. Лучи восходящего солнца осветили верхушку храма и поползли вниз. Цепь жрецов спустилась со ступенек, прошла несколько шагов и обернулась к святилищу. Раздался громкий гимн, прославлявший благое божество, солнце осветило дверной проем храма, и в нем показалась новая группа жрецов, впереди которой степенно шествовал высокий юноша, почти обнаженный, с пучком длинных перьев кецаля в волосах.

Могучий приветственный клич вырвался из груди толпы, заглушив на мгновение пение жрецов. Многие не скрывали радостных слез: они своими глазами увидели появление молодого бога, сулившее им богатые урожаи и спокойную, свободную от голода и недоедания жизнь.

Живое божество медленно двинулось по проходу через толпу. Юноша шел, улыбаясь вымученной улыбкой и ни на кого не глядя, зато окружавшие его жрецы щедро раздавали собравшимся свои благословения. Участники церемонии должны были обойти главные улицы столицы и, посетив дворец, вернуться в свой храм.

Когда юноша появился в дверях святилища, сердце Тианг на мгновение остановилось, а потом неистово забило. Она узнала в божестве своего Шанга! Так вот почему жрецы увели его с поля... Он стал избранником Зеленокудрого! Что же теперь с ним будет?

Шествие поравнялось с местом, где стояла Тианг. И тогда, напрягая все силы, словно в мучительном страшном сне, который хочешь, но не можешь прервать, девушка, выбравшись перед воином, отчаянно вскрикнула:

— Шанг! О Шанг!

Но глаза юноши, обратившиеся на нее, остались пустыми и безжизненными, хотя улыбка по-прежнему не сходила с его губ; избранник словно не видел Тианг, а смотрел через нее, как через прозрачную воду.

— Уберите девушку, она нарушает благочестивость обряда! — громко приказал Мишпитиакук, следовавший за Шангом.

Сильные руки стражника схватили сзади Тианг и бросили ее резко, грубо на землю. Окружавшие отшатнулись от поверженной, боясь ее коснуться, и лишь кидали на нее неприязненные взгляды...

Когда девушка наконец поднялась с земли, процессия была уже далеко,

толпа следовала за ней. Монотонное пение жрецов звучало угрозой в помутившейся голове Тианг, и она заплакала.

— Не плачь, милая Тианг, не плачь! — раздался около нее взволнованный шепот. — Я помогу тебе!

Девушка повернула распухшее от слез лицо и взглянула на говорившего. Рядом с ней стоял Куоку.

— Ты видел избранника молодого бога? — спросила она.

— Я сразу узнал Шанга, — отозвался карлик.

— Чем же ты можешь помочь мне?

— А что тебе хотелось бы? — ответил Куоку вопросом на вопрос.

— Прежде всего увидеться с ним и поговорить! Он даже не узнал меня...

И Тианг снова разрыдалась.

Они еще долго стояли на опустевшей площади. Маленький человечек изо всех сил старался успокоить и утешить девушку. Наконец после долгих уговоров Куоку и торжественного обещания во что бы то ни стало устроить ей свидание с Шангом Тианг и карлик расстались.

ГЛАВА XXIV

СВИДАНИЕ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

...С этой мукой я буду теперь жить и дни и ночи...
Д. ГОЛСУОРСИ. ТЕМНЫЙ ЦВЕТOK

Тианг пришлось ждать больше недели, пока Куоку смог выполнить свое торжественное обещание. Все эти дни она жила как в тяжелом сне: не чувствуя себя, готовила пищу, механически заботилась о дяде и детях, ходила за водой, стирала, ткала. Девушка казалась такой больной, что Мааш уже подумывал, не позвать ли ему знахаря.

Карлик появился, как всегда, неожиданно. Он подстерег Тианг у ручья и, убедившись, что близко от них никого нет, вылез из гущи береговых зарослей.

— Я разузнал о нем все, — сказал Куоку. Карлик не хотел теперь упоминать имени Шанга. — Он живет затворником в храме молодого бога кукурузы. Думаю, что жрецы опаивают его каким-то колдовским напитком, мне говорили, что он вял и безразличен ко всему. Но слушается он их беспрекословно...

— А что будет с Шангом дальше? — спросила сдавленным голосом девушка. Ее всю трясло от волнения.

— Выборы такого человека — лем-хоолома — бывают раз в тринадцать лет, — ответил смущенно маленький человечек, — и никто, кроме жрецов, толком ничего не знает. Старики говорили мне, что целый год лем-хоолом ничего не делает, а только участвует в шествиях и празднествах, которые устраивают знатные, веселится, слушает музыку и пение...

— А потом? — настаивала Тианг, заметив, что Куоку оборвал свой рассказ.

— А потом, — запинаясь, проговорил карлик, — ему дают в жены четырех самых красивых и самых знатных девушек столицы...

— О-о! — только и простонала пораженная Тианг и заплакала.

Несколько минут продолжалось молчание. Затем, справившись со слезами, Тианг заговорила снова.

— Но что же в конце концов делается с лем-хооломом? Ведь если бы с ним ничего не случилось, то предшественник Шанга должен был

бы еще существовать в Ниваннаа-Чакболае? Ему теперь было бы только за тридцать?

— Через год лем-хоолом исчезает, куда — никто не знает. Вернее, — поправился Куоку, — об этом знают, наверное, только жрецы!

— Я должна увидеть его! — сказала девушка после краткого раздумья. — Я должна увидеть Шанга и поговорить с ним! Где, ты сказал, его держат?

— В последние дни он стал беспокоен и плохо спит. Когда его спросили о причине, он ответил, что задыхается в каменном помещении, что всю жизнь он спал в пронизываемой ветром хижине. Поэтому на ночь его помещают во дворе храма...

— Ты должен отвести меня туда, слышишь, Куоку! — сказала Тианг, схватив карлика за руку. — Не забудь, ты торжественно обещал мне помочь! Когда мы пойдем туда?

— Это безумие! — взорвался Куоку. — Ты даже не представляешь, что это такое! Освободить его нельзя! Он спит в клетке, и его стерегут вооруженные прислужники храма!

— Я не собираюсь освобождать Шанга! — твердо сказала девушка. — Может быть, ему даже нравятся почести, воздаваемые ему. Но я хочу поговорить с ним, я хочу из его собственных уст узнать все. И ты, Куоку, мне в этом поможешь!

Карлик поморщился, его маленькое личико выразило отчаяние. Но, видя умоляющие глаза Тианг, он наконец сдался.

— Хорошо! — сказал он, махнув рукой. — Тогда не будем медлить. Я должен кое-что еще сделать днем, а вечером, когда все заснут и взойдет Вечерняя звезда, мы встретимся с тобой здесь. К полуночи, после смены караула, мы будем около него, а там делай, что знаешь!

Раздумывая, Куоку вспомнил о порошке, данном ему в свое время Чахилем, и решил использовать его для опаивания стражи. Если прислужники уснут, то и ему, и Тианг будет несравненно легче осуществить задуманное. Если на них зелье не подействует, то... тогда придется придумывать что-нибудь на месте!

Вернувшись к себе (а это, при его коротких ножках, потребовало немало времени), Куоку вынул спрятанный порошок, отделил несколько крупинок и завернул их в кусочек полотна. Немного подумав, карлик отделил еще одну порцию порошка и завернул в отдельный листик тонкой кожи. Оставшееся зелье он поместил в том же тайнике.

Взвешивая в руке почти невесомый сверток, он задумчиво посмотрел на него.

«Хотелось бы мне знать, как все-таки я ухитрюсь всыпать лекарство Чахилия в воду этим мерзким змеям», — пробормотал он про себя.

Действительно, задача была не из легких. Осложнялась она еще тем, что зелье должны были выпить заступившие на стражу в полночь. Их надо было найти, опохмелить, но так, чтобы они смогли прийти на ночное бдение. Если они заснут раньше, то все его старания окажутся бесплодными да вдобавок это странное происшествие вызовет подозрение. Впрочем, что думать — надо отправляться к храму Зеленокудрого бога, решение придет

во время ходьбы. Куоку всегда полагался на это свое правило, не подвело оно его и в этот раз.

Удобно устроившись около помещения прислужников, карлик из разговоров довольно быстро узнал, что с полуночи около клетки Явившегося будут сторожить два юнца — Покох и Нохон. Еще меньше времени потребовалось ему на то, чтобы узнать будущих стражей в лицо.

Вот теперь-то Куоку и приступил к осуществлению задуманного. Дождавшись, когда Покох оказался неподалеку от груды глиняных статуэток, в изобилии приносившихся жертвователями, маленький человечек стал с задумчивым видом поднимать их одну за другой, держа против света.

Как он и ожидал, это необычное занятие сразу же привлекло внимание молодого туповатого прислужника. Он подошел, поглядел и наконец спросил нерешительно:

— Зачем ты это делаешь?

Куоку вздрогнул, изображая испуг, и неохотно ответил:

— Смотрю дары молящихся молодому богу!

— Это я и сам вижу, — сказал уже грубовато Покох, — ты скажи мне: зачем?

Карлик замаялся и потом ответил с печальным вздохом:

— Ты слишком проникателен, юноша, чтобы мне удалось от тебя что-нибудь скрыть! Поэтому я расскажу тебе всю правду, только молю: отойдем подальше от праздных ушей.

Собеседники отошли на десяток шагов, устроились в тени хижины, и Куоку начал:

— Знай, о мудрый служитель бога, что я принадлежу к дому великого жреца и достойный Анаиб-Унгир иногда находит удовольствие в болтовне со мной. С месяц тому назад у него порвалось нефритовое ожерелье из крупных бусин. Когда раскатившиеся драгоценности собрали, то выяснилось, что двух самых больших бусин не хватает. Все розыски оказались тщетными, и великий Анаиб-Унгир был не на шутку огорчен. Уже тогда я заподозрил, что кто-то из домашних рабов припрятал эти драгоценности. Но кто и где? Я долго ломал голову над этой загадкой; мне хотелось вернуть моему владыке его достояние. Держать при себе или запрятать в доме бусины вор не мог, такие вещи открылись бы довольно быстро...

Куоку перевел дух и искоса взглянул на собеседника. Покох слушал, полураскрыв рот, и глаза его горели явным любопытством и алчностью.

«Рыбка клюнула!» — с удовольствием подумал карлик.

— Два дня тому назад я вспомнил, что как раз в то время, когда пропали драгоценности, один молодой раб лепил статуэтку Зеленокудрого. Потом они были отнесены в ваш храм. А вчера этот раб шатался вечером около приношений. При твоем остром уме, почтеннейший, ты, конечно, уже понял, что этот негодяй запрятал драгоценности в сырую статуэтку, а теперь смотрит, лежит ли она на месте. Пройдет полгода или год, и когда вся эта история забудется, он выкрадет или выпросит у жрецов статуэтку и станет обладателем сокровищ.

Прислужник облизал пересохшие губы и спросил хриплым голосом:

— Так ты ищешь этого идольчика? Но как можно угадать, в каком из

них спрятана бусина? Ведь перебить несколько сотен, даже чтобы найти бусины, будет страшным святотатством?

Куоку оглянулся и еще более понизил голос:

— В том-то и дело, что мне вовсе не надо их разбивать. Есть волшебное питье, дающее силу видеть через глину, как через чистую воду. Я только должен просмотреть их все одну за другой. Правда, это лучше делать ночью, при свете луны: тогда мое средство становится сильнее. Беда в другом: пока я смогу проглядеть все ваши приношения, пройдет очень много времени, а мне хочется побыстрее порадовать сердце моего господина...

— Я помогу тебе! — решительно сказал Покох. — Но к верховному жрецу его потерю мы отнесем вместе!

Куоку всплеснул руками, изобразил на лице искреннюю радость.

— Спасибо тебе, мудрый! Конечно, мы пойдем к Анаиб-Унгиру вместе, и он щедро наградит тебя, а может быть, и возьмет в свои приближенные. Ты будешь безусловно достоин такой чести, но твои товарищи позавидуют тебе...

— И пусть завидуют! — энергично ответил прислужник. Было видно, что такие мелочи его не пугали. — Я сегодня ночью несу стражу во дворе, — продолжал он после небольшой паузы, — поэтому дай мне твоего волшебного питья, и я постараюсь найти бусины!

Но карлику было необходимо, чтобы сонное зелье выпили оба стражника. Как убедить Покоха, чтобы тот взял себе Нохона в компаньоны по розыскам пропавших драгоценностей?

— Ты дежуришь сегодня один? — спросил осторожно Куоку.

Лицо Покоха омрачилось.

— Нет, — смущенно признался он, — об этом я и не подумал. Со мной будет еще один. Его зовут Нохон. Но он хороший человек, ему можно полностью довериться!

— Прекрасно! — воскликнул обрадованный карлик. — Давай расскажем ему все, и пусть он нам поможет. Тогда в три пары рук наша работа будет проделана за одно мгновение!

Но прислужнику храма молодого бога было жаль упускать блеснувшую было перед ним надежду на внезапное возвышение. Запинаясь, Покох спросил:

— А что же тогда, к великому Анаиб-Унгиру нам придется идти уже втроем? Ведь бусин-то будет только две?

Куоку снисходительно усмехнулся.

— Мой мудрый повелитель умеет отличать истинный ум от тусклого светильника. Пусть Нохон старается, его труд, конечно, будет вознагражден. Но не более!

Покох вызвал Нохона, и карлик вкратце повторил свое повествование. Нианг-Хинаху явно не повезло со своей будущей сменой: второй прислужник был еще более туп, чем первый. Выдумку Куоку он проглотил не поперхнувшись. Ему не терпелось испытать силу чудодейственного питья.

— Давай нам его, и мы сразу приступим к делу! — заявил он.

Куоку пришлось потратить еще полчаса, чтобы, ссылаясь на могучее

воздействие луны, убедить юношей подождать до наступления темноты. Тогда он появится и сам, чтобы помочь им в проверке фигурок.

Вручив им порошок, карлик с большим внутренним облегчением пустился в обратный путь. Он и так потратил чересчур много времени, и ему было необходимо показаться во дворце: ведь его могли хватить каждую минуту, а тогда пришлось бы объяснять свое долгое отсутствие и выдумывать новые сказки. Куоку же чувствовал, что его мозг уже полностью истощился и не в состоянии что-либо еще сочинить.

К счастью, его временное исчезновение осталось незамеченным, и оставшуюся часть дня Куоку неотлучно провел на глазах престолонаследника, бесцеремонно вмешиваясь в разговоры придворных, говоря им дерзости и тем самым потешая своего хозяина.

Когда наступила пора вечерних молитв и старший сын правителя отправился к владыке страны, чтобы присутствовать и участвовать в ритуальных церемониях, маленький человечек наконец почувствовал себя свободным. Он так настойчиво приставал с насмешками к старшему опаленоносцу царевича, что тот не выдержал и грубо прогнал его. Как раз это и было нужно Куоку.

С легким сердцем он выскользнул из покоев и отправился к Тианг, надеясь, что еще застанет ее дома.

Девушка провела весь день в мучительном нетерпении. Отчаяние сменилось у нее надеждой, а затем снова находила мрачная волна сомнений. То ей казалось, что у Куоку ничего не выйдет, то она мечтала, что ночью произойдет чудо и она наконец увидит любимого и поговорит с ним. Куоку, повинувшись торжественному обещанию, данному им Чахилию, ничего не говорил ей о сонном порошке, и поэтому Тианг не могла даже предполагать, что и здесь ей поможет заботливость умершего ее покровителя.

Окончив работы по дому, девушка уложила набегавшихся за день детей спать и начала собираться на свидание. Обстоятельства благоприятствовали ей: дядя эти дни, как и большинство мужчин Тахкум-Чаканга, ночевал во временной хижине, вернее, просто в шалаше, расположенном посреди засеянного поля. Она тщательно помылась, надела новую юбку и расчесала свои прекрасные волосы. Тианг вышла из дома и направилась к условленному месту, но уже через несколько шагов встретилась со спешившим к ней карликом.

— Тебе удалось задуманное? — задыхаясь от волнения, спросила она.

— Да! Скоро ты увидишь Шанга и будешь говорить с ним! — радостным тоном возвестил Куоку, хотя в глубине души у него все еще шевелилось сомнение в удаче задуманного.

Тианг так рванулась вперед, что маленький человечек жалобно взмолился:

— Не так скоро, Тианг! Я не могу успеть за тобой, а без меня ты все равно ничего не сделаешь и даже не найдешь нужного места.

Девушка замедлила шаг, и весь остальной, совсем не короткий путь они проделали молча. Тианг перебирала мысленно слова, которые она скажет любимому, а Куоку размышлял, выпили ли прислужники в условленное время зелье и как оно на них подействовало. При мысли, что эти глупцы

могли поторопиться и заснуть прежде, чем заступить на свою стражу, карлик покрывался холодным потом.

Луна уже стояла довольно высоко, когда они приблизились к храму Зеленокудрого бога. Куоку оставил девушку в тени строения, а сам начал осторожно красться по направлению к двору, где стояла клетка с пленником. Радость заполнила его сердце, когда карлик увидел, что лекарство Чахилия подействовало безупречно: оба стража крепко спали. Нетерпеливого Нохона, очевидно принявшего зелье раньше, сон свалил неподалеку от храмового входа; Покох храпел, раскинувшись на земле около груды приношений, в левой руке его была крепко зажата маленькая глиняная статуэтка. Несколько других, разбитых на мелкие осколки, валялись поодаль от спавшего.

Осмотревшись, Куоку пнул ногой Покоха, чтобы проверить крепость его сна, но тот даже не прервал своего храпа. Тогда маленький человечек быстро юркнул к клетке и затаился в ее тени. Несколько мгновений он настороженно присматривался и прислушивался, но никаких посторонних звуков или движущихся теней заметить не смог.

Сооружение, в котором проводил свои ночи Шанг, представляло собой массивную клетку из стволов красного дерева толщиной каждый в руку взрослого мужчины. Просветы между этими бревнышками были достаточны для проникновения воздуха и света, но передать чашку или сосуд в эти узкие щели было уже невозможно.

Куоку напряженно раздумывал, окликнуть ли ему Шанга и подготовить юношу к свиданию или предоставить все Тианг. В конце концов он решил, что его голос может показаться либо незнакомым, либо необычным. Тогда испуганный пленник поднимет тревогу, и все погибнет, так как карлик не сомневался, что в храме есть бодрствующие жрецы. Со вздохом он отправился за девушкой.

Тианг с бешено колотящимся сердцем подлетела к клетке и, плотно прижавшись к ней, начала неистово пилить маленьким обсидиановым ножом тугие веревки, которыми была привязана впускная дверь в узилище. Куоку схватил девушку за руку, но она с необычайной силой вырвала ее и отчаянно продолжала сражаться с крепкими волокнами. Карлик видел, что на эти толстые веревки уйдет много времени, да и вообще вся затея, по его мнению, была бессмысленной и опасной.

— Что ты делаешь? Зачем? — зашипел он вне себя.

— Я хочу освободить его, как ты не понимаешь? — почти закричала Тианг.

Спящий Нохон зашевелился, перекатился на другой бок, что-то неразборчиво пробормотал и снова затих. Неожиданное его движение испугало Тианг. Она на мгновение замерла, и Куоку воспользовался этим. Он зажал ладшкой рот девушки и горячо зашептал ей в ухо:

— Пойми, если ты даже освободишь его, то завтра утром его поймут! Обязательно разыщут и поймут, где бы он ни скрывался! А нас с тобой за это убьют! Убьют! Да ты и не успеешь освободить его! Сейчас выбегут жрецы! Говори с ним скорее, нам надо убираться отсюда!

Тианг вначале укусила ладонь карлика, но потом по внезапной дрожи,

пробежавшей по ее телу, Куоку понял, что его слова подействовали. Рука девушки с ножом бессильно опустилась, он выпал из ее разжавшихся пальцев, и Тианг беззвучно заплакала. Куоку отошел от нее и стал тревожно осматриваться. Справившись с волнением, девушка зашла в тень, отбрасываемую клеткой, прильнула к брускам и зашептала:

— Шанг! Милый Шанг! Ты слышишь меня? Это я, Тианг!

Одурманенный зельем юноша дремал на подстилке внутри узилища. Этот тихий голос в ночи подействовал на Шанга неожиданно сильно. Восклицание, вырвавшееся у Тианг ранее, он воспринял еще как сновидение, но оно возбудило в юноше сладостные и одновременно горькие воспоминания. Он приподнял голову и тихим голосом спросил:

— Кто здесь?

По личику девушки вновь потекли слезы, но крупные, редкие. Она еще теснее прижалась к решетке и ответила:

— Это я, Тианг! Ты узнаешь меня?

— Да, да, — зашептал Шанг, — каким образом ты оказалась здесь?

— Меня привел друг...

Тианг оглянулась и увидела стоявшего в отдалении Куоку.

— Тот, который и раньше помогал нам. Он сторожит... Скажи быстрее: что мы должны сделать, чтобы освободить тебя?

— Меня нельзя освободить... Я воплощение Зеленокудрого и им останусь... Мне здесь хорошо! Мне хорошо...

Голос юноши срывался, в нем слышалась внутренняя борьба. Юность, любовь, его былая, хоть трудная, но свободная жизнь звали его назад, к себе, манили на волю, но постоянные, ритмически повторявшиеся слова жрецов и ядовитое зелье уже делали свое дело. От прежнего энергичного Шанга почти ничего не осталось. Перед Тианг была послушная чужой воле живая кукла, заученно твердившая запавшие в его сознание страшные своей отчужденностью слова.

В последней отчаянной попытке заставить любимого вспомнить прошлое, Тианг спросила, задыхаясь:

— А ты помнишь нашу первую встречу? Ты помнишь ночь в лесу?

— Нет, — вяло ответил юноша. — А что там было?

Девушка отшатнулась, словно от удара в грудь. Она вонзила ногти в мякоть ладоней, чтобы удержаться от крика, рвавшего ей горло. Слезы мгновенно остановились. Что они сделали с ее Шангом? Чем опоили его, если он отказывается от свободы, любви, от своей Тианг? Если он ничего не помнит!

— Ты еще здесь? — спросил юноша. — Говори быстрее и уходи, мне хочется спать!

Сердце девушки чуть не разорвалось от горя при этих жестоких словах. Прежний Шанг молил ее не уходить, просил о лишней минуте свидания... А этот гонит ее прочь! Но прежде чем уйти, она должна знать, кто это сделал.

— Скажи: как ты попал сюда? — спросила изменившимся голосом Тианг. В нем уже не слышалось нежности или теплоты. Он был сух и деловит.

— Великий Анаиб-Унгир выбрал меня, когда я был еще маленьким мальчиком, — ответил Шанг радостно. — С тех пор он следил за моими успехами и решил, что я достоин этой высокой чести... Что тебе еще?

Тианг снова прижалась к брусьям.

— Обещай мне памятью твоего отца, что ты не возьмешь в жены никого, даже самую знатную девушку! Ты слышишь меня, Шанг? Во имя нашего прошлого обещай, что у тебя не будет жены!

— Хорошо! — отозвался уже сонным голосом юноша, удобнее устраиваясь на подстилке. — Обещаю! Мне никто не нужен, вы все такие шумливые и беспокойные! Покойной ночи, Тианг!

Не отвечая ему, девушка скользнула прочь, к Куоку, схватила его за руку и бросилась бежать, увлекая карлика за собой.

Когда они в молчании спустились с акрополя и уже были на полдороге к Тахкум-Чакангу, Тианг внезапно упала на землю и разразилась рыданиями. Ее фигурка билась в таких судорогах, что маленький человечек снова, в который раз за эти длинные сутки, испугался и растерялся.

— Ну успокойся, Тианг, не плачь! — повторял он беспомощно, глядя ее худенькое плечо. — Скажи старому Куоку: что случилось?

Девушка наконец перестала биться, рыдания зазвучали глуше. Она привсталала, посмотрела в лицо карлика.

— Сегодня я потеряла своего любимого, Куоку! Это уже другой человек, совершенно чужой! Это не прежний Шанг! Если бы не мысль, что я должна отомстить вору, укравшему его у меня, я сразу бы покончила с собой и этой мукой! Но я должна жить, я хочу отомстить, я должна сделать это!...

— Хорошо, — сказал медленно карлик. — Ты совершишь это! Но сейчас тебе надо успокоиться, заснуть и отдохнуть. Идем, я провожу тебя домой.

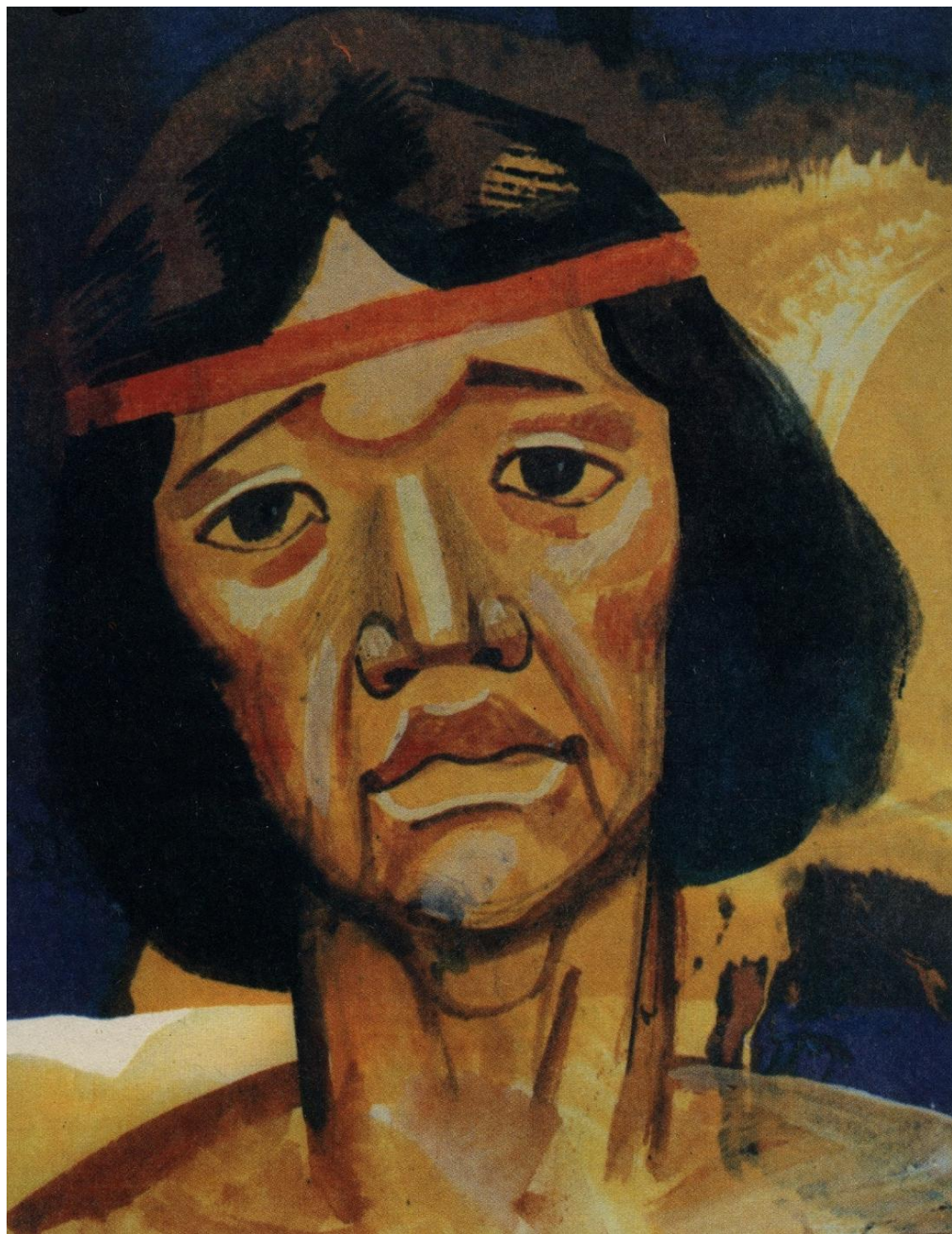
Он нащупал в набедренной повязке сверточек с порошком Чахилия. Какое счастье, что он взял с собой лишнюю порцию! Как был мудр старый жрец, он предвидел все, он заранее знал о горькой судьбе девушки. Только теперь Куоку стало это ясно. Он поднял за руку Тианг, и они медленно побрели к селению.

Около дома Мааша карлик попросил напиток, Тианг вынесла ему чашу с водой, и он, сделав вид, что пьет, высыпал в нее порошок. Затем он передал сосуд девушке со словами:

— Освежись и ты, спасибо за вкусную воду!

Тианг, ничего не подозревая, выпила питье, Куоку распрощался с ней, обещая зайти завтра, и поспешил к себе. Он изнемогал от волнения и усталости.

Тианг вошла в спокойную тишину хижины, улеглась бесшумно на свою циновку, прислушиваясь к сонному дыханию детей. Она приготовилась не спать всю ночь и с тоской подумала, как мучительно будет тянуться время до рассвета. С этой тяжелой мыслью она незаметно для себя быстро и крепко заснула.

ГЛАВА XXV

ДАЛЕКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Мы должны отправиться в путь...
«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Выйдя на утреннюю церемонию, жрецы обнаружили около хранилища воплощения Зеленокудрого двух мирно спавших стражей. Рядом с клеткой на земле лежал нож, а на одной из веревок, скреплявших дверцу, были ясно видны перерезанные им волокна.

Ночное происшествие осталось для Нианг-Хинаха (ему сразу сообщили о случившемся) и его помощников загадкой. Приведенные в чувство сильными пинками Покох и Нохон не помнили ничего. Могучее снадобье Чахила заставило их начисто позабыть и дневной приход Куоку, и его рассказы о спрятанном в статуэтках сокровище. Разломанные глиняные фигурки-подношения тоже ничего не могли подсказать жрецам. Мысль о том, что кто-нибудь из обитателей Ниваннаа-Чакболая пытался освободить избранника божества, даже не могла прийти им в голову.

Нианг-Хинах посоветовался с верховным жрецом, и после длительных раздумий они решили, что неудачная попытка осквернить храм и предстоящую церемонию была совершена служителями храма солнечного бога. Постоянные стычки Беленг-Хиша с Анаиб-Унгиром, его стремление занять должность верховного жреца, неприязнь, выказываемая им к Нианг-Хинаху, любимцу Анаиб-Унгира, — все это говорило в пользу такого предположения. С другой стороны, мысль о преступлении священнослужителя казалась кощунственной. Посоветовавшись, жрецы решили удвоить число стражей, проследить внимательно за последующими действиями Беленг-Хиша, а странное происшествие пока предать забвению. Покох и Нохон за нерадивость были изгнаны из числа прислужников и переданы в распоряжение начальника каналов с наказом использовать их на особо тяжелых работах. «При провинности, — добавил Анаиб-Унгир, лично побеседовавший с сановником, — этих юношей должно бить только палкой и только по голове». Такой мерой верховный жрец надеялся довольно скоро стереть остатки памяти у провинившихся. Так оно и случилось.

Первые три дня после ночного приключения Куоку провел в страшной тревоге. Он поминутно вздрагивал и испуганно озирался, ожидая увидеть спешащих к нему вестников верховного жреца. Карлик даже не решался навестить Тианг, хотя очень беспокоился о ней. Но никто его не призывал, не слышно было никаких слухов, и в конце концов Куоку решил, что каким-то чудом их дерзкая вылазка осталась незамеченной. Окольным путем он навел справки о Покохе и Нохоне и узнал, что те за нерадивость изгнаны из числа храмовых прислужников. Это его окончательно успокоило.

Через неделю, воспользовавшись удобным моментом, карлик отправился навестить Тианг. Он застал девушку за обычными хлопотами у очага. Сердце маленького человека горестно сжалось, когда он увидел ее. Внешне Тианг выглядела хорошо: ее щеки пополнели, на них появился румянец, движения рук были ловкими и уверенными.

Отчего бы это? Куоку терялся в догадках. Сначала у него даже мелькнула мысль о появлении нового жениха и ему даже стало обидно за Шанга. Но потом, после осторожных расспросов, он понял, что девушка не помнит ни происшествий тревожной ночи, ни выборов нового лем-хоолома. Все ее воспоминания оканчивались на урагане и смерти Чахилия. Она ни разу не упомянула имени Шанга, и карлик еще раз убедился, каким страшным зельем снабдил его перед смертью старый жрец. Только теперь ему стало по-настоящему понятно, почему молчали храмовые прислужники: они также ничего не помнили.

После учливой и равнодушной беседы Тианг распрошалась с ним, извинившись, что ей пора кормить детей. Огорченный Куоку побрел обратно и, вернувшись во дворец, поспешно вынул проклятый порошок из тайника. Он успокоился только после того, как закопал маленький сверток далеко в лесной чаще.

Прошло два месяца. Столица и окружающие ее поселения жили теперь своей обычной жизнью. Постепенно Ниваннаа-Чакболай восстанавливался от разрушений, нанесенных ему страшным ураганом. Тумех-Цахинг ходил важный и гордый: благодаря его предусмотрительности и точному исполнению обрядов страшные беды, угрожавшие родной земле, были предотвращены. А во влажной, болотистой почве острова Усокиток-Пётенг останки любившего тяжелый желтый металл египтянина быстро превращались в частицы чужой ему земли, в корни, стволы и листья экзотических растений.

Куоку за это время несколько раз навещал Тианг, но разговоры их были короткими. Девушка держалась с ним ласково, очень почтительно, но карлику показалось, что живет она будто во сне: куда-то подевались прежние живость и веселье. Многие поговаривали, что девушки коснулась рука какого-то злого демона.

О прошедшем Тианг ни разу не сказала Куоку ни одного слова. Посидев около нее, перебросившись несколькими незначительными фразами, карлик, вздыхая, удалялся. Ему до слез было жаль бедную Тианг. Шанга он видел дважды, когда юноша, богато одетый, проходил по улицам горо-

да, окруженный толпой жрецов и храмовых прислужников. Избранник бога выглядел беззаботным и веселым. Из случайного разговора придворных Куоку узнал, что Шанг отказался от предложенных ему жен; это его немного обрадовало. Но он никак не мог подумать, что этот отказ радует и жрецов.

Перед началом жатвы в доме Ах-Шооча появился Туг-Ансенг. Он выглядел изнуренным, постаревшим и озабоченным. Помывшись и поев, скульптор уселся в уголке комнаты и задал жене несколько вопросов: как жила она, как здоровье ребенка и что слышно о матери. Нам-Цук отвечала робко и тихим голосом. Необычный вид мужа и выражение его лица пугали ее. Обычно после окончания очередной сложной работы молодой мастер был весел, возбужден и говорлив. Когда она попыталась рассказать ему о Шанге и Тианг, Туг-Ансенг резким взмахом руки приказал ей замолчать. Женщина остановилась на полуслове, будто споткнувшись. Тяжелая, мрачная тишина воцарилась в доме. Через некоторое время скульптор поднялся, подошел к колыбельке Кангаха, рассеянно пощекотал пальцем под его подбородком, ребенок улыбнулся отцу и радостно гукнул. Вид сына как будто немного отвлек и успокоил Туг-Ансенга. Но и этот вечер, и все последующие дни он оставался таким же суровым и неразговорчивым. От жен подручных ваятеля Нам-Цук узнала, что все они вернулись в поселок, но упорно молчали о проделанной работе. Лишь один из них под большим секретом сказал жене, что их связали страшной клятвой молчания...

Появление скульптора почти совпало по времени с другим событием, взволновавшим многих обитателей столицы. Из далекого путешествия возвратился торговый караван, отправленный правителем Ниваннаа-Чакболой почти год тому назад. Его предводитель Цаапит на следующий день был принят владыкой страны в очень доверительной обстановке, так как при беседе присутствовали лишь наследник престола и Тене-Тунг.

— Путешествие было благополучным, великий владыка, — отразировал кратко Цаапит, — погиб лишь один носильщик, и то по своей неосторожности: наступил на ядовитую змею. Все доставленные товары уже приняты и лежат в твоих складах!

— Что получил ты в Айарсе?* — спросил после небольшой паузы правитель.

— Пять отличных дисков из гематита, двадцать восемь кусков нефрита, двадцать нош зеленого обсидиана превосходного качества, сорок нош белой глины¹. Кроме того, правитель города посылает тебе в подарок десять тонких сосудов из этого редкого материала и пять свертков различных тканей.

— Хорошо! Я тобой доволен и ты получишь награду! — сказал благосклонно властелин Красной земли.

Цаапит молча склонился к его ногам и замер. По знаку владыки Тене-Тунг поднял предводителя каравана.

— Правитель Айарсы просит тебя, великий, о дружеской услуге: при-
слать ему хорошего скульптора, знающего в совершенстве свое дело. Он

¹ Белая глина — каолин

хочет украсить свой город скульптурами наподобие наших. Он говорит, что Ниваннаа-Чакболай славится своими мастерами, — передал Цаапит возложенное на него поручение.

— Это мы исполним с радостью! — сказал правитель. — Пусть люди Айарсы видят, как велико искусство наших ваятелей. Ах-Шакан хвалил мне одного из своих мастеров, вот он и отправится с тобой. Ты уйдешь снова в Айарсу через три дня!

Предводитель каравана поклонился, но лицо его омрачилось: желанный отдых в кругу семьи опять ускользал от него. Сколько раз он мечтал об этом во время длинного и опасного путешествия.

— Ты не сказал еще, Цаапит, много ли воинов насчитывается в Айарсе, — сказал неожиданно правитель. — Можем ли мы захватить его? Этот богатый город — ключ к горным странам!

— Воинов в Айарсе много, и сражаться там будет трудно, — отвечал без промедления торговец. — Я помнил об этом твоём задании, великий, и тщательно высматривал все важное для такого похода. Тамошний правитель имеет около тысячи воинов, а при необходимости может вооружить почти все мужское население. Кроме того, местность там очень удобна для обороны и трудна для нападения...

— Да, эту мысль пока придется оставить! — воскликнул со вздохом властелин Ниваннаа-Чакболая.

Он обернулся к сыну, сидевшему позади него.

— Но надеюсь, что если не мне, то тебе удастся осуществить этот великий замысел! Как возросло бы могущество нашей земли, если бы Айарса была в наших руках.

Царевич, Тене-Тунг и Цаапит низко склонились перед правителем, восклицая единодушно:

— Слава тебе, слава, о мудрый!

— Ты будешь продолжать свои наблюдения, Цаапит, и если в Айарсе возникнет благоприятное положение для моих планов — недовольство, возмущение, мятеж, — то немедленно сообщишь мне с быстрым гонцом! А в дороге подумай о Чапулистагуа*, туда хорошо бы также послать торговый караван. Теперь можешь идти, я отпускаю тебя отдохнуть!

Цаапит снова склонился к ногам владыки, поцеловал их и, поднявшись, выскользнул из зала. Когда занавес скрыл его высокую фигуру, наследник воскликнул:

— Чапулистагуа? Я не ослышался, владыка? Это же страшно далеко от Ниваннаа-Чакболая!

— Да, эта страна очень далека от нас, — согласился правитель, — но торговля с ним принесет нам несомненные выгоды. Там находят великолепный нефрит, там можно приобрести дешевое какао... Но мы продолжим нашу беседу об этом интересном предмете за едой. Я что-то проголодался.

Тене-Тунг хлопнул в ладоши и отдал вошедшему слуге приказания.

Через день Ах-Шакан сообщил Туг-Ансенгу, что их вызывают во дворец. Крепкие дворцовые рабы с паланкином уже стояли в ожидании

перед домом Ах-Шооча. Скоро скульпторы прибыли в резиденцию и были без промедления допущены в покои властелина Красной земли.

Правитель в нескольких кратких словах объявил Туг-Ансенгу, что он должен послезавтра отправиться с торговым караваном в Айарсу. Там ему поручат скульптурные работы.

Волнуясь, молодой ваятель с трудом произнес:

— Милостивый владыка, не мог бы я отправиться туда немного позже? Мне хотелось бы присутствовать на церемонии священного посева...

— Переход через горы труден в это время года, — прервал скульптора правитель, — поэтому надо выйти как можно раньше. Ты отправишься в путь послезавтра утром! Я сказал!

Туг-Ансенг молча склонился, лицо молодого мастера словно высохло после этих слов. Когда скульпторы удалились, правитель сказал, обращаясь к своему любимому придворному:

— Не понимаю привязанности этих простолюдинов к своим родным! У меня погиб мой младший сын, погиб нелепо, во время бури, — повелитель Красной земли сделал левой рукой отвращающий зло жест, — но разве я позволил себе хотя бы на час предаться своему горю? Личное должно оставаться внутри... Долг перед государством превыше всего!

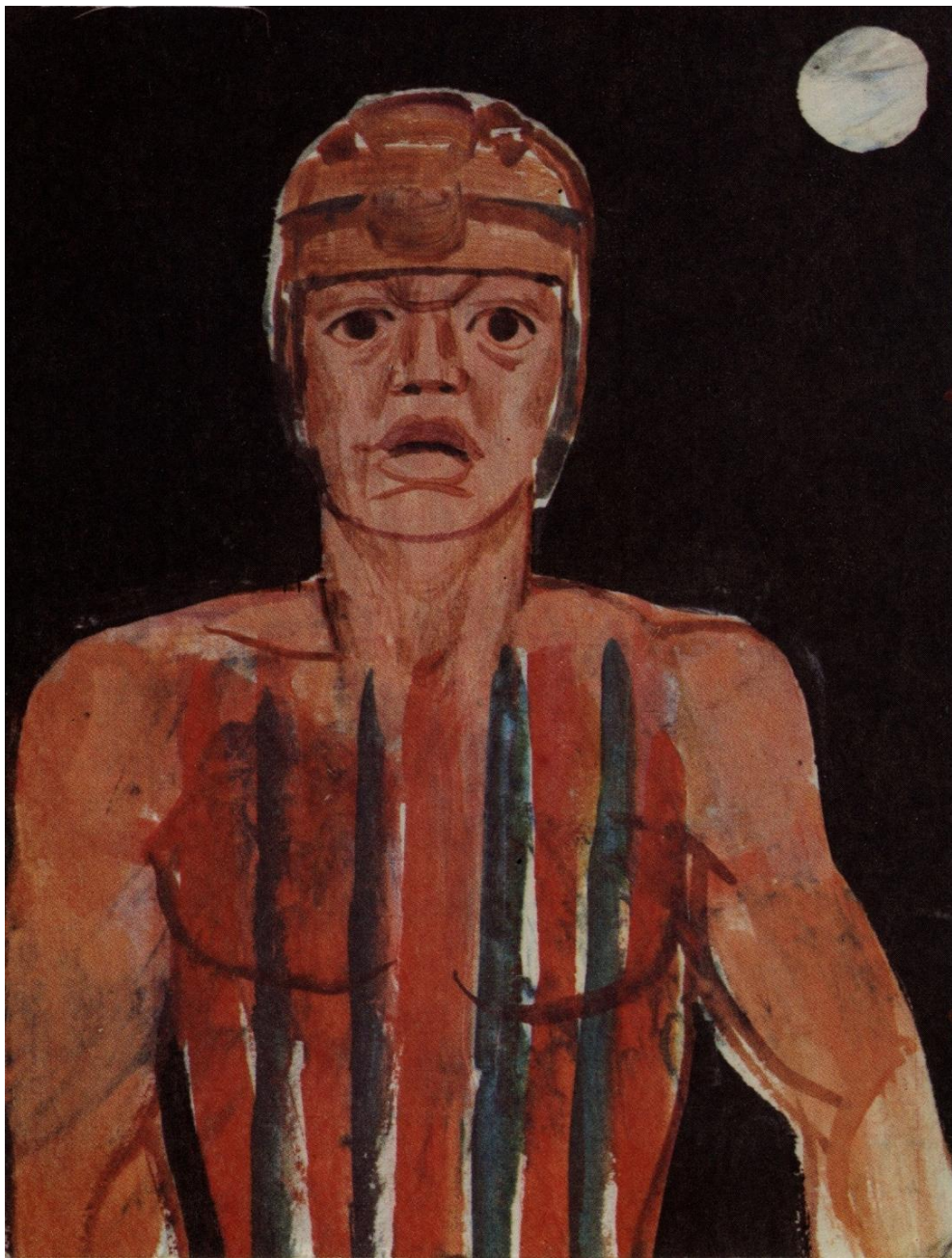
— Ты велик, ты сверхестественное существо, а этот юноша — простой смертный. Поэтому и душевные силы его невелики, — попытался защитить скульптора Тене-Тунг.

Правитель недоуменно пожал плечами.

— Я все-таки отец, а что может быть горше судьбы отца, хоронящего своего сына? А разве слышал кто-нибудь от меня хотя бы одно слово скорби? Но этот разговор бесполезен, скульптор отправится послезавтра, проследи, чтобы это было исполнено! А голову будущего лем-хоолома он сделал прекрасно, она лучше всех предыдущих. У этого юноши есть дарование, поэтому я и посылаю его для прославления Ниваннаа-Чакболая. Кстати, что повезет Цаапит правителю Айарсы для обмена и в качестве подарка? Вызови его сюда, и сейчас же!

Тене-Тунг поклонился и поспешил из комнаты. Долго находиться вблизи властелина было страшно даже ему...

ГЛАВА XXVI

ИГРА В МЯЧ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

Они должны прийти сюда поиграть с нами в мяч,
чтобы сделать нас счастливыми...

«ПОПОЛЬ-ВУХ»

В это знаменательное утро Шанга подняли задолго до рассвета. Уже два дня жрецы не давали юноше оупляющего питья, и память постепенно возвращалась к нему. С памятью вернулись воспоминания, грусть и тоска. Перед ним всплывали туманные образы: Тианг и он, сидящие на поваленном дереве в лесу, приближающийся ураган и их объятие в хижине Чахилиа...

Внезапно Шанг вздрогнул. Пригрезилось ему или он действительно говорил со своей любимой, когда находился в клетке на храмовом дворе? Во сне он видел девушку, вернее, слышал ее голос или это было явью? Неужели она осмелилась явиться сюда? Что она говорила и что он ей ответил? Но как он ни напрягал свою память, зыбкие тени не становились отчетливее.

Между тем прислужники под надзором самого Нианг-Хинаха усердно трудились над его туалетом. Юношу тщательно выкупали в теплой воде, раскрасили его тело вертикальными зелеными и коричневыми полосами, надели новую набедренную повязку из цветной ткани. Затем были принесены принадлежности для игры в мяч: наколенники из жесткой толстой кожи тапира, пояс в виде дуги из легкого дерева, украшенный ягуарьими ликами, доходившие до локтей перчатки из оленьей шкуры, выделанной так тщательно, что по мягкости она напоминала замшу. Все эти вещи были надеты на Шанга с соответствующими церемониями и заклинаниями. В самом конце его голову плотно обхватил прилегающий кожаный шлем с дополнительно нашитыми толстыми полосами, идущими от лба к темени. К передней его части была прикреплена окрашенная в зеленый цвет большая плоская раковина.

Юноша, конечно, слышал о чалахате* — священной игре в мяч, но не только никогда не участвовал в ней, но даже и не видел ее: это таинственное действие было привилегией самых знатных лиц Ниваннаа-Чакболая

и жрецов. Его очень удивило поэтому необычайное облачение, но спросить кого-нибудь Шанг не решился. Несмотря на все почести, воздававшиеся ему, он в душе оставался наивным юношей-земледельцем и боялся жрецов, с их волшебствами, непонятными словами и действиями.

Между тем на поле, где должна была состояться игра, шли торжественные приготовления к ней. Ровно в полночь туда прибыл верховный жрец, окруженный многочисленной свитой правитель, наследник престола и группа самых знатных лиц города вместе с анчук-теками окрестных селений. Отдельно стояла команда юношей-игроков, уже пропустившихся весь предыдущий день и облаченных в доспехи для игры. Все они молчали и были торжественно настроены: решалась судьба грядущих тринадцати лет и, главное, участь будущих урожаев кукурузы — основной пищи ольмеков.

Местом действия служила длинная узкая полоса твердо утрамбованной земли без единой травинки, расположенная между двумя вытянутыми насыпями с плоскими вершинами. На левой из них расположился владыка Красной земли, окруженный своими приближенными, на правой — Анаиб-Унгир и остальные жрецы.

Обряды начались с разжигания огня. Когда нужные звезды заняли определенное положение на небе, в четырех углах платформы вспыхнули костры. Огонь, щедро питаемый заранее подготовленными связками сухого хвороста, ярко осветил поле для игры. Тогда на него спустились несколько жрецов. Распевая тихими голосами гимны, они обошли площадку, двигаясь слева направо, по движению солнца. Из глиняных сосудов они окропляли священной девственной водой и полосу, и крутые склоны насыпей. Особенное внимание жрецы уделили двум большим плоским камням с рельефами, стоявшим в противоположных концах игрового поля. На одном из них был изображен вздыбившийся ягуар, на другом — обезьяна с шаром в руках — символом дневного светила. Окончив свои церемонии, жрецы вернулись на правую насыпь.

Теперь наступила очередь действовать Анаиб-Унгиру. Он встал посреди площадки и, то обращая свое лицо к небу, то опуская его к земле, долго шептал молитвы. Тем временем Тумех-Цахинг отправился с двумя помощниками к стеле с танцующим ягуаром, а Беленг-Хиш, которого тоже сопровождали двое, — к противоположной. Когда верховный жрец преклонил колени, прислужники подали Тумех-Цахингу и Беленг-Хишу по перепелке, те перерезали птицам горло и струившейся кровью окропили сперва камни, а затем, двигаясь к Анаиб-Унгиру, игровую полосу. Подбежавший жрец подал первосвященнику тяжелый каучуковый мяч, и он, призывая богов стран света, с заметным усилием стал бросать его в каждый из четырех углов полосы. После каждого броска прислужники ставили в месте, где упал мяч, курильницу, из которой тянулись тяжелые струи черного дыма. Это горел гом — благовоние, невыразимо приятное божествам. Церемония освящения поля на этом была закончена.

Около правителя появилась Иш-Кан-Леош, сопровождаемая жрицами. Она была облачена на этот раз в необычайно широкий белый плащ, расширенный изображениями семи извивающихся красных змей. На голове ее была высокая конусообразная шапка из жесткой красной ткани.

«Трижды привет тебе, о Великая жаба, трижды привет тебе, Семизмейная, — сказал повелитель Красной земли, низко склоняясь перед ней, — будь благосклонна к твоему народу и дай ему плод!»

Сегодня Иш-Кан-Леош была воплощением Текайма-Пойа — древней богини земли и луны, от которой зависело плодородие растений и животных. Жрица в ответ молча простерла правую руку к полосе — это означало согласие олицетворяемого ею божества на следующий главный обряд.

Хор жрецов запел медленно и торжественно:

О Великая жаба,
О подательница благого,
Даруй нам своего сына —
Стройного Зеленокудрого!
Мы его охраним и вырастим,
Мы осыпем его дарами,
Мы напоим его водой — жидким нефритом!
Он будет доволен нами!
Он будет обрадован нами!
Подари, подари нам, о Великая жаба,
Своего чудесного отпрыска,
Своего драгоценного сына!

Небо просветлело, на востоке появились первые признаки зари. Пять жрецов во главе с Нианг-Хинахом привели испуганно озиравшегося избавленного и подвели его к Иш-Кан-Леош. Верховная жрица быстрым движением распахнула свой плащ, окутала им юношу так, что его не было видно, крепко прижала его к своему телу и присела на корточки, увлекая Шанга за собой. Благоговейная тишина воцарилась вокруг: богиня земли зачала Зеленокудрого. Иш-Кан-Леош начала стонать и раскачиваться из стороны в сторону, подражая роженице. Встревоженный юноша попытался освободиться, но руки жрицы держали его с необычной силой. Из рта ее пошла пена.

Хор жрецов снова запел:

Дай нам милость, Семизмейная,
Дай нам твоего сына, великая богиня!
Пусть он явится к нам, о владычица,
Пусть возвеселит свою душу чалахатом!
Его судьба — наша судьба, повелительница жизни!
Явись к нам благополучно, Зеленокудрый,
Будь ласков и щедр к нам, будь изобилен!

Из-за далекой линии горизонта показался краешек солнца. Иш-Кан-Леош резким движением вытолкнула Шанга вперед и выпрямилась. Руки ее с раскинутыми ладонями были разведены в стороны, лицо запрокинуто вверх, глаза устремлены в небо.

Громкие радостные крики огласили окрестность: богиня земли даровала людям Красной земли своего сына, и даровала в счастливое время восхода!

Шанг, от толчка жрицы оказавшийся на земле насыпи, быстро вскочил на ноги: прежняя ловкость и гибкость еще не совсем покинули его. Новая волна возгласов приветствовала его выпрямление. К юноше, кланяясь,

подошел правитель. На обычно строгом и надменном лице владыки страны играла приветливая улыбка.

«Дважды привет тебе, юный владыка! — произнес он. — Трижды привет тебе! Прими это скромное подношение от твоих смиренных почитателей!»

Заученным движением он набросил на шею Шанга драгоценное ожерелье из нефритовых бусин. Как ни привык юноша за последнее время ко всяким неожиданностям, этот жест повелителя Красной земли поразил его. Губы Шанга зашевелились, но из-за душившего его волнения он не смог вымолвить ни одного слова благодарности. Несчастная жертва! Он и не знал, что в его роль не входили в этот момент никакие речи.

За правителем подошел царевич-наследник, после него — виднейшие вельможи ольмекского государства, а в конце — анчук-теки. Все они произносили смиренным тоном приветственные слова и одаряли новорожденного. За качеством и числом подарков внимательно наблюдали жрецы во главе с Анаиб-Унгиром: после священного посева все эти вещи должны были поступить в храмовую сокровищницу. Об этом знали и дарившие, поэтому груда подношений около Шанга вырастала стремительно.

Наконец церемония одаривания была завершена. Властелин страны взял Шанга за руку, подвел к краю насыпи, встал рядом с ним и подал знак начинать игру. Солнце, поднявшееся уже довольно высоко, ярко освещало развертывавшуюся у их ног картину. Жрецы во главе с Анаиб-Унгиром и верховной жрицей удалились на другую, противоположную насыпь.

На полюсу выбежали юноши, державшиеся до того в стороне. Они разделились на две партии, и теперь было видно, что тела одних раскрашены красной краской, других — сине-зеленой. Анаиб-Унгир, снова прошептав молитву, бросил на середину поля тяжелый мяч, и игра началась.

Игроки стремительными бросками посылали мяч то в одну, то в другую сторону. Он то взвивался высоко в воздух, достигая почти вершин насыпей, то с тяжелым гулом ударялся о землю. Иногда зрители, настороженно следившие за ходом игры, издавали единодушный возглас одобрения или удивления при особенно удачном, по их мнению, ударе. В другие мгновения лица их хмурились: очевидно, что-то в происшедшем им не нравилось.

Шанг сперва с интересом смотрел на необычное для него зрелище, но скоро оно ему наскучило. Он никак не мог разобраться, чего же собственно добиваются игроки, священная игра показалась ему праздным и ничемным занятием.

Юноша почувствовал жажду, и на какое-то мгновение ему стало жаль суетившихся внизу сверстников, ведь их положение было несравненно более трудным: они должны были постоянно двигаться под жаркими лучами солнца среди поднявшейся сухой и горячей пыли. Он невольно облизал языком запекшиеся губы. Как ни мимолетно было это его движение, оно не ускользнуло от внимательных глаз правителя, хотя он, казалось, все время смотрел только на игровое поле.

Не оборачиваясь, владыка страны негромко сказал: «Зеленокудрый жаждет, напоите его!»

Немедленно один из прислужников подал Шангу нефритовую чашу, наполненную до краев. Никогда еще ключевая вода, такая холодная, что заломило зубы, не казалась столь радостной и желанной. Юноша внутренне удивился: как прислужники умудряются сохранять воду холодной при такой жаре? Это же просто чудо!

По бокам Шанга выросло двое придворных с большими тыквенными сосудами. Они принялись лить тонкой струйкой воду на его плечи. Юноша невольно поворачивался под освежающими струями, стараясь, чтобы она попала на все части тела.

Он с благодарностью взглянул на придворных, а те в ответ приветливо заулыбались.

Хорошо быть Зеленокудрым!

Только после того как утолил жажду избранник молодого бога кукурузы, поднесли воду правителю. Он поклонился Иш-Кан-Леош, богине — подательнице влаги, и принялся пить. Затем подали чашу и наследнику престола. Постепенно были оделены чашами все присутствующие, кроме игроков.

С поля донеслись торжествующие крики: краснополосые игроки, перехватив мяч у своих соперников, довели его до желанной цели — стелы с изображением обезьяны. Оживление покинуло поле, играющие застыли на своих местах, как высеченные из красноватого камня статуи. Медленно оседала поднятая ногами пыль. Солнце стояло прямо в зените.

Жрецы затянули торжественную песнь:

Его нам дала Великая жаба,
Его родила Семизмейная,
Он рос, как юноша стройный,
Его кормила Семизмейная,
Его поили боги с кувшинами,
Отыскавший его освежал своим дуновением!
Но свершилось предвиденное:
Солнце-бог позолотил его голову,
Она склоняется, отягченная,
Наступает время покоя и отдыха,
Да будет он согбен,
Да высохнет он,
О Зеленокудрый, отдыхай прекрасно!

Игроки разошлись, как до начала, к противоположным концам полосы и стали у своих стел. С жреческой насыпи спустились Нианг-Хинах и Беленг-Хиш. Последний прямо подошел к камню с изображением обезьяны, а верховный жрец молодого бога ишима взобрался на насыпь правителя, приблизился к Шангу и с поклоном взял его за руку. Они спустились с насыпи около стелы с ягуаром, где зеленые игроки почтительно согнулись перед юношей. Оттуда Нианг-Хинах медленно повел избранника молодого бога через все игровое поле к противоположному краю с рельефом. Когда они приблизились к Беленг-Хишу, двое игроков из команды солнца схватили Шанга за плечи и резко рванули так, что юноша оказался распростертым на земле у ног жреца солнца. Тот, держа в правой руке нож из темного обсидиана, наклонился, чтобы, согласно ритуалу, провести на земле семь

полос от тела юноши. Они должны были символически изображать струи крови, хлещущие из отрубленной головы побежденного.

Но церемония неожиданно была нарушена. Шанг уже отвык от такого, как ему казалось, грубого обращения; в нем проснулся дух сопротивления и борьбы. Он мгновенно вскочил на ноги, оттолкнул обоих стоявших около него игроков и крепко схватил Беленг-Хиша за руку с ножом, не давая ему разогнуться. Все присутствующие оцепенели.

Первым опомнился Анаиб-Унгир. Он крикнул Нианг-Хинаху что-то на непонятном для непосвященных языке, а затем сказал тихо неразлучному с ним Мишпитиакуку: «Его надо было не переставая поить «ножевым напитком».

Жрец ишима с некоторой опаской приблизился к Шангу, тихо и успокаивающе заговорил с ним. Юноша выпустил руку жреца солнца и выпрямился. Нианг-Хинах продолжал что-то шептать ему. Тогда Шанг глубоко вздохнул, обвел глазами окруживших его тем временем краснополосых игроков и распластался на земле перед Беленг-Хишем. Тот торопливо провел нужные семь полос и жестом приказал юноше встать. Церемония игры в мяч была закончена, и у жрецов вырвался вздох облегчения.

Шанга окружили прислужники храма Зеленокудрого и быстро увели с поля. Расходившиеся оживленно обменивались впечатлениями о неожиданном событии.

— Это все не к добру, это нехороший знак, — ворчал Тумех-Цахинг, обращаясь к своим жрецам, — у нас такого не было и не могло бы случиться. Как бы кое-кто, — он поглядел в сторону поспешно удалявшегося Нианг-Хинаха, — не поплатился за такое нарушение обряда!

— Непростительная ошибка Анаиб-Унгира! — воскликнул разгневанный Беленг-Хиш. — Кто, как не верховный жрец, должен был подумать о священном напитке? Вывести на обряд такого тапира ¹ неподготовленным, неукрошенным!

Жрецы солнца согласно закивали головами. Им тоже было неприятно случившееся в конце обряда происшествие. А кроме того, сторонники Беленг-Хиша разделяли его антипатию к верховному жрецу.

— Этот лем-хоолом был бы прекрасным воином, — мечтательно сказал наследник престола своему отцу. — Первосвященник мог бы лучше разбираться в человеческих характерах! Ведь этот юноша — его избранник!

— Буйная растительность дает самые изобильные плоды, — произнес верховный жрец, обращаясь к Иш-Кан-Леош. — Ты родила, Семизмейная, прекрасного сына, и я считаю происшествие благоприятным знамением!

¹ Тапир считался у народов Центральной Америки сильным и буйным животным. Удачной охотой на него очень гордились.

ГЛАВА XXVII

СВЯЩЕННЫЙ ПОСЕВ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

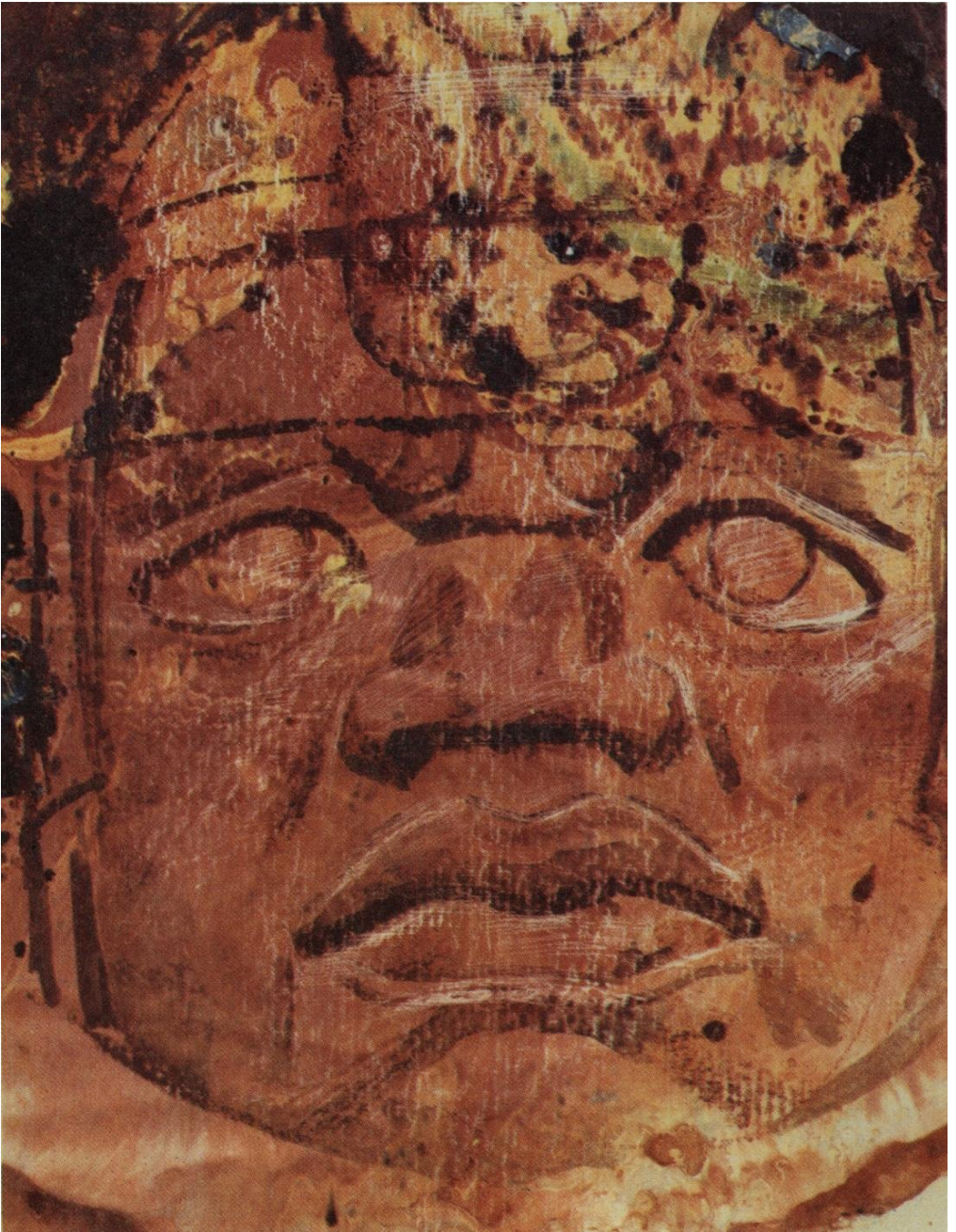
И лишено было головы тело Хун-Ахпу...
«ПОПОЛЬ-ВУХ»

Прошло еще около трех месяцев. Уже убрали урожай, в Ниваннаа-Чак-болай была доставлена дань правителю и храмам; земледельцы трудились теперь на строительных работах. Жрецы готовились к празднику священного посева. Этот важнейший обряд, совершавшийся раз в тринадцать лет, требовал особо тщательных приготовлений. От него зависело слишком много, поэтому ни одна мелочь не должна быть упущена или совершена не по правилам. Сезон дождей подходил к концу, уже вовсю гремели грозы, земля жаждала семян. Приближалось время весенней страды.

Ош-Чоч умерла, так и не свидевшись ни с одним из своих сыновей. О Туг-Ансенге, отправившемся в далекое путешествие к городу Айарса, ничего не было слышно. Зато все селение Хоктунг только и говорило о Шанге, оказавшемся избранником милостивого Зеленокудрого. К его матери непрерывно заходили односельчане, удивлялись выпавшему на ее долю счастью, рассказывали о торжественных процессиях, в которых видели Шанга, заботились о ней, осыпали старую женщину подарками. Все жители селения были очень горды и радостны, что молодой бог воплотился в юноше, родившемся в Хоктунге. Ош-Чоч умирала с торжествующей улыбкой на губах: она гордилась завидной участью своего младшего сына. Нам-Цук присутствовала при ее последних минутах, а анчук-тек селения позаботился о торжественных похоронах.

Не то испытывала Тианг. Память обо всем происшедшем полностью вернулась к ней. Девушка также слышала разговоры о статном и красивом воплощении Зеленокудрого, и эти слова жгли ее, как раскаленные в очаге камни. Она то лихорадочно металась, словно ягуариха, потерявшая детеныша, то часами сидела неподвижно, устремив отрешенный взгляд на вершины соседних деревьев.

В государстве Красной земли все знали и всем ведали только жрецы. Им подчинялись не только простолюдины, но и самые знатные вельможи страны. Посев начинался лишь после того, как правитель торжественно

сажал первые двадцать семян на храмовом участке Зеленокудрого. Вот и теперь, этой ранней весной, все земледельцы с нетерпением ожидали извещения о том, что можно приступить к работам.

Но в этом, особом, году все произошло иначе.

Ранним утром по окрестным селениям скорыми шагами помчались вестники. Они торжественно провозглашали, что с сегодняшнего дня начинается праздник священного посева. Все подданные владыки Красной земли на трое суток освобождаются от работ. На следующий день все взрослые мужчины должны собраться на священном акрополе, чтобы видеть восход «драгоценного зерна». После праздника должно незамедлительно приступить к полевым работам.

Старики, помнившие последний такой праздник, ухмылялись и загадочно покачивали головами: они знали, что после этого обряда жрецы разрешали целый день пить опьяняющий напиток, но только пожилым людям. Вот будет удовольствие! Молодежь пыталась расспросить видевших церемонию, но те или отмалчивались, или ворча отгоняли любопытных прочь. Придет время — и узнают!

Медленно тянулся первый праздничный день. С непривычки безделье казалось тягостным. Велись долгие разговоры, некоторые отправились по соседним селениям навестить родственников или знакомых. В основном это были мужчины: женщинам в любой день хватало дома работы. Нам-Цук, занятая с ребенком, только начинавшим ходить, надеялась, что, освободившись от хлопот, Тианг заглянет к ней. Но день прошел, наступил вечер, а девушка так и не появилась. Огорченная жена скульптора решила, что уж завтра-то Тианг определенно придет. Уложив Кангаха спать, она немного посудачила с соседками, повздыхала о долгом отсутствии Туг-Ансенга и, устроившись около сына, незаметно для себя заснула.

Утром следующего дня жители столицы и всех окрестных селений потянулись к храму Зеленокудрого, чтобы почтить благодетельное божество и помолиться о хорошем урожае. С толпой пошла и Тианг. Многие несли длинные, искусно связанные гирлянды из свежих цветов, снопы молодого тростника, а то и просто лепешки или другую еду. В руках у девушки был маленький букетик, собранный на том месте, где она когда-то встречалась с Шангом. Ей казалось, что, взглянув на эти цветы, ее возлюбленный хотя бы на минуту вспомнит прошлое.

Ее надежды не оправдались. Шанг появился перед толпой только на мгновение. Он улыбался и заученным жестом рассылал собравшимся благословения. Если воплощение бога даже и говорил что-нибудь, то из-за поднявшегося кругом восторженного крика все равно ничего не было слышно. Вся выткнувшись, Тианг отчаянно махала своим букетиком, но глаза юноши даже не обратились в ее сторону. Все было напрасно, сила жрецов снова овладела им, и овладела бесповоротно! Судорога свела ей горло; девушка поблуднела и кинулась прочь. Она долго бежала, казалось не разбирая дороги, пока наконец не оказалась в лесу, на месте их первого свидания. Только здесь жесткая судорога в горле ослабла и, захлебываясь слезами, Тианг опустила на старый ствол, начала нежно его гладить рукой.

В середине дня Шанга снова выкупали и накормили. Во время еды красивые девушки танцевали перед ним, а правитель, присутствовавший при обеде, несколько раз спрашивал, доволен ли молодой бог своей трапезой, не желает ли он чего-нибудь еще. Но юноша ничего не хотел, ему все нравилось.

После торжественного обеда Шанг, правитель, Нианг-Хинах и жрецы, плотным кольцом окружившие их носилки, отправились на акрополь. Процессия поднялась на холм с той крутой стороны, с которой когда-то юноша с другими общинниками втаскивал огромный камень. Мельком взглянув на него, Шанг заметил, что из него высечена новая скульптура — гигантская голова. Что-то знакомое почудилось ему в чертах колосса, но что именно, он осознать не мог. Впереди, в нескольких шагах от изображения, высились крепко вбитые в землю два высоких столба, между которыми было натянуто огромное белое полотнище, спускавшееся до земли.

Здесь они были встречены Анаиб-Унгиром и другими главными жрецами. Властелин страны, быстро сойдя с носилок, подошел к паланкину воплотителя Зеленокудрого и помог ему спуститься на землю. Схватив крепко юношу за руку, он вывел его за полотнище, остальные торопливо последовали за ними.

Шанг оторопел, когда они оказались за занавесом. В полусотне шагов от него находилась огромная толпа, занимавшая почти все пространство священного участка. Его поразило молчание собравшихся: он уже привык, что каждое его появление сопровождалось приветственными кликами. Теперь же было так неправдоподобно тихо, что невозможно было представить себе, что совсем рядом находится столько людей.

В первом ряду стояли наследник престола, знатные лица других городов, вельможи Ниваннаа-Чакболая, за ними — придворные и анчук-теки всех селений страны. Маленькая фигурка Куоку виднелась рядом с царевичем, лицо карлика было мрачным и не соответствовало всеобщему оживлению и любопытству. На всех были праздничные одежды и богатые украшения из нефрита, аметистов и горного хрусталя. Между толпой и занавесом, ближе к последнему, стояло деревянное ложе, выложенное пластинками перламутра, отражавшими солнечные лучи.

Вышедшие жрецы разделились на две группы, ставшие справа и слева от ложа. Властелин страны склонился перед воплостителем Зеленокудрого в прощальном поклоне и отошел к наследнику, поспешно отодвинувшемуся, чтобы дать место отцу. Перед Шангом оказался Анаиб-Унгир; он был только в легкой набедренной повязке, без всяких знаков своего сана. С минуты он сосредоточенно окуривал юношу ароматическим дымом пома из нефритовой курильницы. Затем Нианг-Хинах, отделившийся от левой группы, набросил на голову избранника божества венок из сухих листьев кукурузы, а верховный жрец низким голосом произнес:

— Прошло время, о Зеленокудрый, и твоя голова стала золотой, слава тебе!

— Слава, слава доброму владыке, — запели в унисон обе группы жрецов.

— Прости нам, вечно молодой бог, что мы сгибаем твою драгоценную голову, дабы созрел наш урожай!

— Прости нам, — подхватил хор жрецов.

Анаиб-Унгир легко наклонил на левую сторону голову Шанга, подражая движению руки земледельца, надламывающего созревший початок кукурузы, чтобы он скорее подсох.

— Прости нам, — продолжал верховный жрец, — что мы предоставляем тебя лучам солнечного владыки, но ты знаешь, что это определено священной игрой в мяч!

— Такова была воля твоей матери, о вечный благодетель наш! — подтвердил хор.

— Прости нам то великое, что мы свершаем сегодня! Ты милостив и накормишь твоим зерном всех твоих слуг! Ибо без тебя мы погибнем в ужасных страданиях, в мучениях от голода. Прости нам, но мы нуждаемся в твоей голове! Да произрастет она, да размножится она безмерно! Дай нам твою голову для священного посева, дай нам твою драгоценную голову для еды!

— Дай нам, милостивый, дай нам! — повторяли монотонно и мрачно оба хора.

Оглушительно забили барабаны, их лихорадочная дробь прерывалась глухим ревом деревянных труб. Четыре жреца схватили Шанга, подтащили его к ложу, распростерли юношу на нем, крепко держа его за руки и за ноги. К Анаиб-Унгиру приблизился Мишпитиакук и подал ему нефритовый топор — первую работу Туг-Ансенга. Быстрым движением верховный жрец оказался у ложа. Одним ударом острого как бритва лезвия он отсек Шангу голову.

— Найдено драгоценное зерно! — торжественно воскликнул первосвященник, схватив голову за волосы и высоко поднимая ее, чтобы она была видна всем собравшимся. — Найдена драгоценная голова молодого бога!

— Найдена, найдена! — ликующими голосами вторили за ним жрецы.

— Посеем драгоценное зерно!

Анаиб-Унгир опустил голову в приготовленную заранее яму перед самым занавесом и быстрыми движениями засыпал ее землей, предварительно бросив туда оружие убийства¹.

— Посеем, посеем! — пел радостно хор.

— Пусть она отдыхает, набирается сил, пусть она взойдет, пусть произрастет, да будет урожай обилен и зерно полновесно!

Все жрецы склонились над маленьким холмиком, шепча слова заклинаний.

Прошло несколько минут. Неожиданно верховный жрец выпрямился и поднял руки. Занавес упал, и перед взорами собравшихся появилась гигантская каменная голова — последняя работа Туг-Ансенга.

Скульптор показал в ней всю силу своего дарования. Куоку вздрогнул: Шанг был как живой. Слегка пухловатые губы юноши были полураскрыты,

¹ О дальнейшей судьбе этого топора рассказано в повести Р. Кинжалова «Воин из Киригуа». — *Прим. ред.*

словно он стремился сказать что-то смотрящим на него. И только ложе с неподвижно лежавшим на нем телом напоминало о происшедшем.

— Великий Зеленокудрый пророс! — во весь голос воскликнул Анаиб-Унгир. — Теперь наша страна будет обеспечена пищей на все тринадцать лет. Милостивый бог воскрес, он снова с нами!

Негромкий гул облегчения прокатился по молчаливой дотоле толпе. Кое-кто задвигался, разминая застывшие от долгой неподвижности руки и ноги.

— А теперь вкусим тела нашего владыки, чтобы мы могли быть причастны к его благодати! — возгласил Мишпитиакук.

Прислужники храма Зеленокудрого подняли ложе и понесли его к своему храму. Жрецы и толпа последовали за ними.

ГЛАВА XXVIII

РУКИ ПАЛЬМЫ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

И там они похоронили его...
«ЛЕТОПИСЬ КАЧИКЕЛЕЙ»

Через день после того, как был завершен великий обряд священного посева, Куоку отправился в Тахкум-Чаканг, чтобы навестить Тианг. Хотя он знал, что женщины на эту церемонию не допускались, что Туг-Ансенг находился в Айарсе и не мог ничего рассказать девушке, тем не менее карлик все же беспокоился за нее. И он был поражен, не увидев перед собой прежней Тианг, он понял, что действие средства Чахили кончилось, что девушка снова обрела память и знает все случившееся.

— Все уже кончено? — тихо спросила она, увидев Куоку.

Маленький человечек молча кивнул головой, спазма, сжавшая его горло, не давала ему говорить. Бледные щеки девушки стали почти синими, руки беспомощно повисли, глаза Тианг превратились в огромные озера не пролившихся слез.

Они долго сидели друг против друга и молчали: чем мог утешить ее сейчас карлик?

— Ты должен помочь мне, Куоку, — проговорила наконец Тианг. — Это будет твоя последняя услуга мне, не бойся!

— Говори, и я сделаю! — решительно ответил ее верный друг.

Девушка придвинулась вплотную к карлику и начала шептать ему что-то на ухо. По мере того как он слушал, глаза Куоку испуганно расширились. Но когда Тианг кончила, он выпрямился и мужественно кивнул в знак согласия. После еще нескольких слов о времени и месте встречи карлик встал и они расстались.

Куоку поспешил во дворец. Он уже продумал план действия, но, хотя и знал обычный распорядок дня правителя и его привычки, понимал, что теперь слишком многое зависело от счастливой случайности: заснет ли владыка Красной земли, как обычно в середине дня, или нет?

А Тианг, расставшись со своим другом, долго искала запятанный где-то в амбаре сверточек, полученный от Чахили. Она наконец нашла его,

развернула и долго-долго глядела на коричнево-черный кусок смолы. Слезы заструились по ее щекам, и девушке стало легче. Спрятав колдовское средство в пояс, она принялась за домашние дела, прерванные приходом Куоку.

...Звезды еще светились на побледневшем небе, когда утром следующего дня карлик появился у дома верховного жреца. Его маленькое личико было желтым и будто бы еще больше сморщенным от страха или волнения. Дрожащим голосом он потребовал у прислужника немедленно провести его к Анаиб-Унгиру. Зная его как приближенного к правителю человека, молодой жрец с испугом и недоумением повиновался: вид Куоку потряс его.

Глава жрецов Красной земли уже встал, но еще не успел полностью одеться: на нем была только богатая набедренная повязка. С удивлением уставился он на неожиданного посетителя. Тот низко поклонился.

— Что случилось? — спросил Анаиб-Унгир.

Карлик вытянул из складок своей одежды и молча протянул ему длинную уплощенную палочку из зеленого, как весенняя трава, нефрита, украшенную причудливой резьбой. Верхнюю часть ее венчало изображение головы ягуара в высоком коническом колпаке. Это был скипетр правителя — одна из самых важных и священнейших его регалий. Колдовская сила жезла была неизмерима, перед ней трепетали все. На лбу и даже на гладко выбритой голове верховного жреца выступили крупные капли пота. Кровь бросилась в его полные щеки. Он долго смотрел на символ власти и молчал. Наконец правая рука его поднялась и крепко охватила скипетр, прижала к широкой груди.

— Что это значит? — запинаясь, хрипло выговорил Анаиб-Унгир. — Владыка мертв?

— Нет, нет! — испуганно зашептал карлик. — Не говори так! Наш великий властелин здоров и благополучен... Этот священный жезл послан тебе как знак... Ты, владыка, должен немедленно явиться к нашему повелителю совершенно один! Никто не должен знать об этом! Торопись, торопись, о мудрый!

Растерянный верховный жрец, засунув скипетр за набедренную повязку, потянулся было к одежде. Куоку схватил его за руку.

— Нет! — по-прежнему шепотом сказал карлик. — Не теряй времени! Господин простит тебе такой вид, твоя внешность засвидетельствует ему, что ты спешил. Но промедление он не простит даже тебе! Идем, я провожу тебя, это недалеко, ты обойдешься без носилок!

— Что же все-таки случилось? — невольно так же шепотом спросил Анаиб-Унгир, следуя за двинувшимся придворным.

— Ужасное! Но мне приказано молчать...

— Наследник?

Куоку молча кивнул. При этом красноречивом движении в голове первосвященника замелькали честолюбивые помыслы. Он ускорил шаги. Необычная пара прошествовала мимо остоленевшего от удивления прислужника и заспешила к крутому склону акрополя, туда, где заросшее девственным лесом ущелье врезалось узким клином в священный участок.

Они быстро прошли мимо каменного лица нового лем-хоолома, бесстрастно смотревшего на них с легкой улыбкой на губах, и спустились в лощину. Зелень скрыла их фигуры.

В эту ночь Тианг не ложилась спать. Она что-то готовила на маленьком огоньке, и красноватые отблески освещали ее сосредоточенное лицо с плотно сжатыми губами. Кончив работу, она остудила варево, насыпала в него нарезанное крошечными кусочками мясо индюшонка, заботливо прикрыла пеплом рдеющие угли, взглянула на звезды, определяя время, и, схватив теплый горшок, исчезла в зарослях.

Первые лучи солнца осветили верхушки деревьев, когда Анаиб-Унгир и карлик спустились в ущелье. Крупные капли росы приятно освежали разгоряченное быстрой ходьбой тело. Кругом было тихо, лишь птицы, как всегда, радовались появлению солнца. Верховный жрец нахмурился: что за странное место выбрал властелин страны для тайного свидания и что же все-таки случилось с царевичем-наследником? Он повернул голову к Куоку, намереваясь спросить его об этом.

— Здесь! — вдруг отрывисто сказал карлик, показывая на высокий ствол пальмы, вырывавшийся из буйной гущи зарослей.

Анаиб-Унгир, с трудом продираясь через ветки кустарников и лианы, подошел к пальме, осмотрелся и, прислонившись к стволу, в гневе обернулся к своему спутнику. Может быть, карлик сошел с ума?

— Где наш владыка? — сурово спросил он, уставившись тяжелым взглядом на Куоку. — Ты что, вздумал шутить? В первое же солнечное затмение принесу тебя в жертву, урод! Где владыка?

— Твой сегодняшний владыка, а вернее, владычица здесь! — воскликнул карлик торжественно и, неожиданно кинувшись на верховного жреца, крепко прижал его руки к пальмовому стволу. В этот же момент крепкие веревки из пальмовых волокон, мгновенно опутав тело и руки Анаиб-Унгир, намертво привязали его к дереву.

Тианг была не очень крепкой девушкой, но в этот день и час ее сила и ловкость стали поистине сказочными. Карлик наклонился и прижал к стволу ноги жреца; еще несколько быстрых движений девичьих рук — оказались привязанными крепко и ноги. Куоку ловким движением выхватил из набедренной повязки первосвященника нефритовый скипетр и бросился бежать вверх по склону. Все произошло очень быстро. Теперь только Анаиб-Унгир понял, что он был обманут и завлечен с какой-то непонятной целью в ловушку.

Тианг выпрямилась и, выйдя из кустарника, стала прямо перед неподвижным жрецом. Глаза ее сверкали.

— Это сделала я, Тианг, женщина из рода Цокан! — с вызовом сказала она. Ноздри девушки широко раздувались, она вся трепетала от возбуждения. — Ты не хочешь знать, почему я так поступила?

— Женщина! Как ты осмелилась... Ты подняла свою нечистую руку на верховного жреца Красной земли! Ты понимаешь чудовищность содеянного тобой? Немедленно развяжи меня.

— Нет! — выкрикнула Тианг. — Никогда! А знаешь, за что я привязала тебя к пальме веревками, изготовленными из пальмовых волокон? Ты знаешь, за что ты умрешь здесь — а ты умрешь страшно, и никто не может тебе, — ты хочешь это знать?

Глаза жреца смотрели на девушку с холодным любопытством, но он молчал.

— Ты отнял у меня любовь, ты поднял руку на моего возлюбленного... Его звали Шанг — Пальма, вот теперь тебя крепко держат руки пальмы! Ты, как стервятник, следил за ним с детства и давно все рассчитал... Ты опаивал его дурманом, чтобы он не вспоминал обо мне! Теперь ты ответишь за все!

— Сумасшедшая! — взорвался наконец Анаиб-Унгир. — Это жертвоприношение было угодно богам, оно необходимо для блага всего нашего народа! Без Шанга не родилась бы кукуруза, наступил бы голод...

Имя любимого, произнесенное ненавистными губами, стегнуло девушку как бичом.

— Что же ты сам не спас наш народ, если понимал важность обряда? Отдал бы свою голову, а Шанга оставил мне! — в бешенстве воскликнула Тианг.

— Развяжи меня! — холодно потребовал верховный жрец. — Что ты, женщина, понимаешь в священных таинствах?

— Нет! Ты останешься здесь!

С этими словами девушка плеснула на Анаиб-Унгира жидкостью из горшка, а остатками накапала что-то вроде дорожки, ведущей к зарослям. Теперь разъярившийся жрец осыпал ее неистовыми проклятиями. Не обращая на него внимания, Тианг повернулась и бросилась бегом по направлению к своему селению.

Первосвященник замолчал, обдумывая положение. В конце концов, он находится не так уж далеко от акрополя. Рано или поздно его начнут искать, выбьют из проклятого карлика правду, придут сюда и освободят. Он человек сильный и сможет протерпеть жажду и голод в течение суток. А за это время его найдут или сюда забредет случайно какой-нибудь земледелец в поисках хвороста...

И вдруг пленник увидел, как из глубины зарослей появились мелкие рыжевато-черные точки. Сперва они были единичными, потом число их стало стремительно увеличиваться. Они жадно суетились возле листьев, опрысканных жидкостью из горшочка Тианг. Вскоре все вокруг почернело от насекомых.

И тогда Анаиб-Унгир закричал. Он кричал, как человек, увидевший свою смерть. И он действительно ее видел.

Это шла из таинственных лесных глубин «черная напасть» — муравьи, питающиеся свежим мясом. Там, где они проходили, не оставалось ничего живого. Страшные насекомые никого не щадили на своем пути, никто не мог спастись от них бегством, от гусеницы до охромевшего ягуара; оставались лишь отполированные до блеска скелеты. Привлеченные снадобьем Чахилия, раздраженные крошечными кусочками индюшечьего мяса, они неумолимо приближались к предназначенной для них жертве...

Напрасно верховный жрец из последних сил пытался разорвать свои путы. Руки пальмы крепко держали его. И скоро облепленная черной шевелящейся массой высокая фигура затихла...

Куоку спешил во дворец: ему оставалось совершить только одно, но чрезвычайно важное и не терпящее отлагательства дело — вернуть на прежнее место похищенный священный жезл. Без этой магической реликвии почти все действия владыки Красной земли были бы бессильными перед лицом богов. Хотя бы временная потеря жезла грозила стране неисчислимыми бедствиями. Поэтому решившийся ради дружбы на святотатство карлик во что бы то ни стало был обязан положить скипетр в ларец, стоявший в изголовье ложа правителя.

Удача и на этот раз не изменила Куоку. Властелин и окружавшие его придворные совершали утреннюю молитву в дворцовом святилище. Через несколько минут владыка страны должен был вернуться к себе, переодеться в парадное облачение и со скипетром в руке творить благополучие своих подданных.

Незаметно для дворцовых рабов проскользнув в опочивальню, карлик вынул жегший его тело нефритовый жезл и спрятал его в ящик из красного дерева. После этого, чувствуя огромное облегчение, Куоку присоединился к толпе прислужников, ожидавших выхода своих владык из святилища. Здесь маленький человечек постарался по возможности быть замеченным. Он больно ущипнул за ноги двух наиболее рослых слуг, внимательно следивших за входом в молельню, чтобы не пропустить момента появления хозяев. Стоны и сдержанные проклятия засвидетельствовали, что его ногти были достаточно острыми. Увильнувшись от затрешин, карлик выбрался из толпы прислужников и, дождавшись выхода правителя, начал приставать к начальнику дворцовой службы с просьбами об увеличении ему питания. Разгневанный сановник прогнал просителя, говоря, что сейчас ему не до таких мелочей.

Это-то и нужно было Куоку. Он незамедлительно ускользнул из дворца и отправился в лес.

Единственное, о чем он сейчас думал, — так это о том, чтобы обезопасить любимую девушку, запутать по возможности расследование об исчезновении Анаиб-Унгира.

Забравшись поглубже в лес, маленький человечек срезал длинную гибкую лиану, медленно подошел к дереву с отходившим невысоко суком и перекинул ее через него.

Петля получилась достаточно прочной...

Приближенные верховного жреца подняли тревогу только около полудня.

После рассказа прислужника об утреннем визите Куоку бросились искать карлика, но не смогли его найти нигде. Правитель, опечаленный исчезновением своего любимца, приказал разыскать его, но и эти поиски закончились ничем.

Не было обнаружено и тело Анаиб-Унгир. Сообщение прислужника было встречено с явным недоверием: слишком многие, в том числе и начальник дворцовой службы, и другие придворные, и сам повелитель Красной земли, видели карлика при утреннем выходе. Решили, что слуга верховного жреца был обманут сонным видением.

Исчезновение Анаиб-Унгир так и осталось тайной, породившей множество фантастических и жутких догадок.

На спешно созванной коллегии жрецов новым первосвященником был избран Беленг-Хиш.

Особо усердно ратовала за это всегда благоволившая к жрецу солнца Иш-Кан-Леош.

ГЛАВА XXIX

КОНЕЦ СВЯЩЕННОГО КРУГА

САН-ЛОРЕНСО
МЕКСИКА.

В этом году завершился священный круг времен...
«ЛЕТОПИСЬ КАКЧИКЕЛЕЙ»

Со времени событий, о которых говорилось в предшествующих главах, прошло двенадцать лет. Приближался самый торжественный и страшный момент в жизни народа Красной земли: завершение священного круга лет. В эти дни боги решали, продлят ли они существование теперешнего мира или, разрушив его, создадут новую Вселенную с новыми, более совершенными или более подходящими животными и человечеством. Поэтому делалось все, чтобы умиловить владык жизни и смерти, чтобы они даровали людям существование на новый священный круг — еще на сто четыре года.

Многое изменилось за прошедшие двенадцать лет. Прежний владыка страны приобщился к богам; прах усопшего был перенесен на остров Усокиток-Петенг и пышно захоронен, и лишь скульптурные памятники напоминали о его царствовании. На престоле сидел его бывший наследник, мечтавший о завоеваниях не меньше отца, но пока лишь проложивший новый торговый путь к далекой стране Чапулистагуа, откуда теперь непрерывным потоком текли в обмен на товары драгоценный нефрит и зерна какао. Правителя беспокоили слухи, приносимые ему разведчиками с берегов великого океана: там происходили странные и страшные передвижения народов, постепенно углублявшихся в горы от родных побережий. Он предчувствовал в этом будущую угрозу своей стране. Как и водится, нового владыку окружали новые люди, из прежних придворных при нем удержались лишь Тене-Тувук и Тене-Тунг; последний стал главным советником правителя.

Нам-Цук так и не дождалась возвращения своего мужа. Начальник торгового каравана Цапит, вернувшись из очередной экспедиции в Айарсу, сообщил с горестным лицом, что Туг-Ансенг умер в чужом городе, оставив там ряд великолепных произведений. Он передал вдове много ценных вещей, составлявших целое состояние, — вознаграждение скульптору от правителя Айарсы, который высоко оценил талант ваятеля и гордился украсившими его столицу прекрасными памятниками. Нам-Цук не пожелала, чтобы ее сын унаследовал ремесло отца и деда. С несвойственной ей

настойчивостью она все-таки добилась, чтобы Кангах вышел из сословия скульпторов и стал учиться гончарному мастерству. Напрасно Ах-Шакан тратил свое красноречие, убеждая вдову Туг-Ансенга в неразумности ее решения: «Послушай, Нам-Цук, твой покойный муж поднялся из простых земледельцев до почетного звания скульптора. Ах-Шооч, твой отец, был замечательным ваятелем по нефриту. Представляешь, какие наследственные возможности должны быть у сына и внука таких замечательных творцов? Я уверен, Кангах прославился бы не только в нашей стране, но и далеко за пределами Красной земли. А ты хочешь сделать его простым горшечником, вырвать из благородного сословия скульпторов и обратить снова в простолюдина. Не понимаю!» — «Это высокое звание не принесло счастья ни моему отцу, ни моему мужу, — отвечала на все уговоры начальника ваятелей Нам-Цук, — а я хочу, чтобы мой мальчик был счастлив. Пусть никогда в жизни он не удостоится беседы с верховным жрецом или повелителем страны, пусть его не знают, но я чувствую, что так его судьба будет счастливее! И мой мальчик станет гончаром, «простым горшечником», как ты называешь. Так будет лучше!»

Между тем конец священного круга неумолимо приближался. Как всегда, сначала праздник казался очень далеким, но потом время полетело все быстрее и быстрее, и уже до его начала осталось два месяца, один и наконец считанные дни. Вот тогда-то каждый житель Красной земли и почувствовал, что это такое.

Последние недели были особенно важны и значительны. До наступления страшных пяти дней, заключавших священный круг, в которые «боги совещались и вершили судьбу мира», надо было произвести обряд обновления. Он требовал гигантской, чудовищной по объему и сжатым срокам работы, особенно на священном участке и в храмах. Согнанные из всех поселений страны земледельцы, рабы и даже ремесленники трудились не покладая рук.

Все малоценные культовые вещи: сосуды, курильницы, ларцы, сундуки, циновки — уничтожались. Тысячи глиняных статуэток-подношений в храмах и скромных божков в хижинах простолюдинов разбивались. Ценные изделия из нефрита, жадеита и других драгоценных камней: топоры, статуэтки, жезлы, украшения — и просто еще необработанные куски жрецы с особыми церемониями зарывали в землю около храмов и на священном острове Усокиток-Петенг. Если боги продлят существование теперешнего мира, то он должен выглядеть как новый!

Сотни строителей обновляли здания дворцов и храмов — насыпали новые слои земли на насыпи, покрывали стены новой штукатуркой, обновляли росписи на внутренних и внешних стенах строений. С хижинами земледельцев дело обстояло проще: их сносили начисто и рядом ставили новые.

На священном участке надо было уничтожить почти все скульптурные памятники, созданные в течение заканчивавшегося священного периода. С рельефами, как и со стелами, поступали просто: одну плиту клали на землю, а другую при помощи массивных треног и канатов поднимали над ней. По команде распорядителя работающие отпускали державшуюся

в воздухе каменную плиту, она устремлялась вниз и разбивалась на куски, уродуя находившуюся под ней. С алтарями и статуями бывших правителей поступали иначе: отбивали лишь наибольшие выдающиеся части — головы, руки; ударами резцов обезображивали лица божеств. «Убитые» произведения искусства торжественно «хоронили» — зарывали глубоко в землю.

Теперешний правитель Ниваннаа-Чакболая слыл благочестивым человеком, однако был и не менее хорошим сыном, чтившим память своего отца. Поэтому, помня о надвигающемся обряде, он не спешил заказывать статую скончавшегося родителя. Мысль о том, что те же мастера, которые создадут ее, будут вынуждены через несколько лет крошить изображение отца в куски, беспокоила его. Несмотря на настойчивые советы и напоминания жрецов, он оттягивал воздвижение памятника, надеясь, что сможет совершить это в новом цикле, если боги продлят его существование. Он был молод и поэтому уповал на благоприятное будущее.

Труднее всего обстояло дело с ритуальным «убийством» гигантских голов лем-хооломов. Уничтожить их, как разрушали другие памятники, было просто невозможно! Работами руководил Ах-Шакан; он-то и нашел выход из положения, придумал способ, одобренный верховным жрецом. Возможно, где-то в глубине сердца старого мастера гнездились и сожаление, и даже горечь. Ведь одна из голов была его собственным произведением, а другая — лучшей скульптурой его лучшего ученика — безвременно скончавшегося Туг-Ансенга.

Нанеся для виду несколько сильных ударов тяжелым зубилом по изваяниям (причем наибольшие повреждения почему-то оказались на самых древних произведениях, а голова Шанга и вовсе оказалась нетронутой), начальник скульпторов распорядился подвести под их основания крепкие длинные слепи. Предварительно сзади изваяний, находившихся у края акрополя, разобрали каменную стену, служившую фоном, а внизу, в ущелье, уже выкопали ямы, куда, по расчетам мастеров, должны были скатиться каменные колоссы.

Когда работающие в ущелье рыли эти ямы, одна из групп, готовившая последнее ложе для головы Шанга, наткнулась на уже пожелтевшие от времени и весенних дождей человеческие кости.

— Как странно, что этот бедняга кончил свою жизнь совсем рядом с городом без достойного погребения! — с сожалением произнес пожилой земледелец, глядя на чьи-то жалкие останки

— Может быть, его задрал какой-нибудь хищный зверь? — предположил другой.

— Нет, тогда бы кости были разбросаны и изгрызены. Наверное, его неожиданно скрутила болезнь и он не мог отсюда выбраться. Давайте соберем их и достойно похороним!

— Вот закончим яму и положим их на ее дне, — предложил третий.

— Быть погребенным вместе с изображением лем-хоолома — уж куда почетнее! — поддержал его первый землекоп.

Так они и сделали.

По команде Ах-Шакана десятки мускулистых рук ухватились за свободные концы бревен под первым изваянием и начали поднимать их. Голо-

ва давно забытого воплотителя Зеленокудрого качнулась, наклонилась и, умело направленная упертыми в нее жердями, скатилась вниз по откосу, сминая кустарник и расплющивая сочные лианы и травы. Упала она неудачно — довольно далеко от предназначенной ей ямы. Пришлось повозиться, чтобы доставить тяжелый груз туда. Со второй и третьей дело пошло уже легче, и они точно легли в приготовленные для них захоронения.

Эта работа занимала много времени, и до скульптуры Туг-Ансенга очередь дошла только на третий день. К удивлению работавших, то ли благодаря их возросшему умению, то ли из-за каких-то других обстоятельств голова Шанга — самое массивное из всех изваяний — скатилась вниз легко и точно, сразу попав в свою яму. Среди гула падения никто не слышал, как под тяжестью многотонной каменной глыбы базальта хрустнули и превратились в бесформенные обломки и череп, и остальные кости Анаиб-Унгира.

По странной случайности только изображение последнего лем-хоолома легло лицом вверх. Остальные покоились либо на боку, либо уткнув носы в землю. Впрочем, на это никто не обратил внимания. Быстро замелькали палки-копалки, набрасывая землю, чтобы скрыть под ее всеочищающим покровом старые скульптуры.

Скоро только красневшие свежей почвой пятна среди зелени указывали место ритуального погребения.

Довольные, что закончили тяжелую работу, соблюдая пристойную такой церемонии молчаливость, земледельцы разошлись по домам. Ах-Шакан, тяжело дыша, часто останавливаясь и отдуваясь, взобрался по обезображенному склону акрополя на вершину плато. Он внимательно осмотрел место, где была во время ритуала священного посева некогда захоронена отрубленная голова Шанга и нефритовый топор — первое изделие Туг-Ансенга. Убедившись, что во время работ тайник не был случайно поврежден или затронут, начальник скульпторов отправился сперва к верховному жрецу, чтобы сообщить о благополучном окончании порученного ему дела, а затем — домой для отдыха и положенного поста.

На рассвете следующего дня из столицы отправился в дальний поход специальный отряд из самых лучших воинов. Их возглавлял один из многочисленных сводных братьев правителя. Выбор такого знатного вельможи в качестве предводителя объяснялся необычайно важной задачей — подыскать подходящую жертву для обряда нового огня. По обычаю, пленник должен был быть уроженцем чужой страны, а не своей.

Поход прошел удачно. Уже через неделю воины вернулись в Ниваннаа-Чакболай, торжественно ведя захваченного в горах молодого охотника из племени шавела. Он был строен, высок ростом и достаточно красив; держался гордо и независимо, хотя мог предугадать свою участь. Жрецов огорчало только одно: юноша был не из знатного рода.

Наконец наступили последние пять дней уходящего цикла времен. Все обычные работы прекратились; деятельно готовились только жрецы. Все огни в стране были погашены, включая и главный очаг в храме бога — хранителя священного пламени, непрерывно горевший в течение ста четырех лет. Люди питались холодной пищей, в основном грызли по пригоршне

сухих кукурузных зерен в день. Самые благочестивые постились, не принимая ничего, кроме ключевой воды. В поселках и столице воцарилась зловещая тишина, люди говорили редко и только вполголоса.

На закате последнего дня торжественная процессия жрецов медленно обошла весь город и закончила свой путь на священном поле. Теперь на нем было непривычно пусто — без стел, алтарей, статуй и гигантских голов оно выглядело как простая голая равнина. Только в одном месте, неподалеку от края плато, виднелось странное сооружение из свежих досок — что-то вроде низкого, до высоты человеческих коленей, помоста, украшенного с боков свежесорванными ветками и цветами.

Главные жрецы храмов были одеты в причудливые костюмы, чтобы походить на свои божества. Сухое лицо Тумех-Цахinga едва виднелось из чудовищного шлема в виде головы ягуара. На нем был набедренник, башмаки и длинные, до локтей, перчатки из шкуры того же животного, ибо Сердце земли часто принимал облик могущественного владыки лесов. Нианг-Хинах, полностью обнаженный, с длинным султаном из перьев кецаля на макушке, воплощал молодого бога кукурузы, и только тучность его неповоротливого тела мешала полному сходству с Зеленокудрым. Длинный деревянный клюв, прикрепленный ко рту Мишпитиакука, указывал, что он — могучий бог ветра, длинный белый плащ покрывал его плечи. Остальные жрецы и жрицы также представляли своих божеств. Один верховный жрец Беленг-Хиш был лишь в простой белой набедренной повязке. Его мускулистый торс блестел, обильно смазанный кабаньим жиром.

Как только священнослужители прошли по улицам столицы (а подобные церемонии происходили одновременно во всех других городах и селениях страны), жители приступили к новому действию оберега. Женщин, ждавших ребенка, заперли в амбары для зерна, ибо, если бы они остались не закрытыми, то превратились бы в диких зверей. Дети эту страшную ночь не должны были спать — сон для них мог стать роковым: они превратились бы в чудовищных крыс.

Жрецы тем временем столпились на краю плато. Это место носило название Горы звезды в память той горной вершины, на которой их предки собирались в подобном случае на своей далекой родине. Солнце уже зашло, стемнело. Все молчало, впериw глаза в определенную точку неба около зенита. Если звезда Кеоц (Альдебаран) благополучно достигнет этого места, то существующий мир будет избавлен от катастрофы.

Сзади жрецов, у помоста, копошились молодые прислужники. Они заготовили топливо для нового огня, длинные смолистые ветви для будущих факелов. На площадке расprostерли пленника грудью вверх и крепко привязали его раскинутые руки к четырем кольцам, вбитым у углов помоста. Он глядел в небо на поднимавшиеся звезды и молчал. Только один он ждал мирового катаклизма как избавления от предстоящих мук. Пусть уж гибнут все вместе!

Один из молодых жрецов держал деревянное сверло для добывания огня, второй — обсидиановый нож для жертвоприношения.

Текли мучительно долгие минуты и часы. Наконец единодушный радостный вздох вырвался из груди жрецов. Звезда Кеоц достигла нужной

точки небесного свода. Бесконечно милостивые боги решили продлить существование мира еще на один священный цикл! Хвала и слава вседержителям, владыкам Вселенной! Значит, они довольны своими кормильцами и почитателями — теперешним человечеством! Слава и хвала им!

Беленг-Хиш поспешно двинулся к помосту. Теперь надо было добыть новый огонь, чтобы божества скорее узнали о благодарности спасенных ими людей. Остальные жрецы окружили место действия, каждый из них стоял в соответствующем его богу или богине месте, приняв требуемую ритуалом позу.

Верховный жрец привычным жестом раскрыл грудную клетку пленника и вырвал трепетавшее сердце. Его сразу же поместили в специальный сосуд, и скороход помчался с ним в храм Сердца земли. Не теряя времени, Беленг-Хиш установил на теле жертвы сверло для добывания огня и принялся быстро вертеть в ладонях вертикальную палочку. Пошел тоненький дымок, запахло паленым деревом, и вот наконец мелькнула первая искорка, вторая... третья. Лежавший вокруг сверла трут и специально настроенные миниатюрные стружки наконец занялись. Крошечное, робко трепетавшее пламя осветило радостное лицо верховного жреца. Огонь нового священного круга был зажжен!

Грянул ликующий гимн. Все присутствующие были несказанно счастливы. Переживал только Мишпитиакук. Как мечтал Анаиб-Унгир совершить это великое действие! И он вполне мог бы по своим летам дожить до этого праздника. Что за нелепое, загадочное исчезновение! Но на все воля богов! Может быть, он, прежний верховный жрец, волею всемогущих за свое благочестие взят живым на небеса и сейчас наслаждается там великой церемонией, радуется за свой народ!

Еще несколько минут — и огромный столб пламени от заранее приготовленного вороха топлива взметнулся в ночное небо — это было сигналом, что Вселенная благополучно пережила грозившую ей опасность. И тысячи людей со всех частей города и в окрестных селениях, неподвижно стоявших, с лицами обращенными в сторону плато, облегченно вздохнули, увидев багровое зарево наверху. Благая весть пришла! Один за другим к костру подходили жрецы, и зажигали от него свой светильник и несли новый священный огонь в храмы, чтобы воскурить благовония.

За ними потянулись допущенные теперь на священный участок представители других городов и селений. Они поспешно зажигали свой факел и бегом устремлялись вниз, к родным местам, чтобы доставить новый огонь. Скоро все склоны акрополя были покрыты светящимися точками, возвещавшими начало обновления, конец тревог, мук и горестей. Страна Красной земли переживала несказанно волнующий миг — начало своей новой, благополучной жизни. Новый священный круг начался.

ЭПИЛОГ

САН-ЛОРЕНСО.
МЕКСИКА.

У любви нет возраста, нет предела, нет смерти!
Д. ГОЛСУОРСИ. ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО ФОРСАЙТА

С начала нового священного круга уже прошло много-много лет. Никто в селении Тахкум-Чаканг не смог бы назвать по имени эту старую безобразную женщину, бродившую от хижины к хижине в непонятных поисках чего-то. Ее называли просто старицей, а кое-кто из молодежи непочтительно, но шепотом — безумной старухой. Жители селения считали, что она одержима демоном, и относились к ее появлению с суеверным страхом: приглашали сесть у очага, предлагали еду и питье. Она иногда брала пищу, иногда просто отводила добросердечную руку. Говорила она крайне редко, не обращаясь ни к кому, глядя не на собеседника, а мимо него, в пространство. Большой частью слова ее были отрывочны и непонятны.

Этой старухой, потерявшей рассудок от горя и времени, была Тианг из рода Цокан. У нее не было ни своей хижины, ни родных. Дети ее дяди, воспитанные ею, давно отошли к предкам, умерли и рожденные ими. Внуки их смотрели на нее как на чужую, да они и на самом деле и не подозревали, что эта старуха — их дальняя родственница. Не знали ее настоящего имени и судьбы потомки Туг-Ансенга и Нам-Цук — многочисленные сыновья и дочери Кангаха.

Приблизительно раз в месяц старуху охватывало беспокойство. Она словно пробуждалась ото сна, движения ее становились более четкими и энергичными, угасшие было глаза начинали блестеть. Она выбиралась из селения и окольными путями, чтобы никого не встретить по дороге, шла к заросшему молодыми деревьями ущелью, которое узким клином вдавалось в холм акрополя. Там некогда при завершении обрядов священного круга была закопана каменная голова Шанга. Гигантский монолит оказался слишком крупным, чтобы его могли зарыть как подобает, яма оказалась мелкой, а слой почвы, набросанный на скульптуру, небольшим. Потoki воды, низвергавшиеся в сезон дождей со склонов акрополя, постепенно

размыли это земляное покрытие, и лицо изваяния смотрело своими неподвижными глазами на небо.

Тианг заботливо расчищала сухие ветки и листья, нанесенные ветром, обрывала молодые побеги лиан, тянувшиеся к дорожному лицу, и садилась рядом с ним.

В эти дни она часами беседовала с изваянием, как с живым человеком.

«Я сегодня хорошо поела, Шанг, — говорила она, — молодая девушка угостила меня лепешками... Эта девушка похожа на меня в молодости... А помнишь, как ты хвалил мои лепешки? И улыбался при этом, вот как сейчас... Смотри, вот кусочек коры от того дерева, на котором мы когда-то сидели... Я сберегла его навсегда, я все помню... Как мы любили друг друга! Жаль только, что у нас не было ребенка. Ты гордился бы своим сыном, клянусь тебе! Всему виной проклятый Анаиб-Унгир! Но его давно съели муравьи, даже нечистые кости его сгнили в лесу, а мы с тобой сидим и разговариваем, и нам светит солнце.. Ты ведь по-прежнему меня любишь?»

Во время одного из таких свиданий яростное, верное и беззаветно любящее сердце Тианг наконец успокоилось — теперь уже навсегда.

*Ленинград — Гумолосары
1974—1977*

ПО СЛЕДАМ СЫНОВЕЙ ЯГУАРА, ИЛИ ПОЧЕМУ ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА

(Послесловие автора)

Теперь, когда читатель познакомился с событиями, произошедшими в повести, надо рассказать, что в этом рассказе выдумка, а что основано на фактах; как была открыта древняя культура ольмеков.

История исследования ее интересна и по-своему драматична.

В конце мая 1946 года американский археолог Мэтью Стирлинг производил в штате Веракрус на юге Мексики археологическую разведку около маленькой индейской деревушки, гордо названной местным учителем в честь прежней столицы ацтеков Теночтитланом. Сами исследования первоначально проводились в пяти километрах от деревеньки, в местности, называвшейся Сан-Лоренсо. Группа Стирлинга была немногочисленной: его жена Марион, постоянная спутница во всех странствованиях, помощник Филипп Дракер, фотограф и шесть рабочих-индейцев.

Вскоре выяснилось, что древние памятники встречаются не только в Сан-Лоренсо и Теночтитлане, но и около третьей деревушки — Потреро-Нуэво. Все дни исследователи метались от одного места к другому, разыскивая, расчищая от густых зарослей, описывая остатки построек, статуи, алтари и другие каменные изваяния, проникая в глубокие пещеры и находя там древние сосуды. Надо было торопиться: заканчивался срок экспедиции, да к тому же и работу следовало завершить до наступления сезона дождей.

В этот день индеец-проводник Максимо повел их посмотреть на Эль Рей — «короля», как жители селения называли одно гигантское изваяние. По словам Максимо, оно было обнаружено совершенно случайно подле развалин Сан-Лоренсо.

Идти было трудно: сказывались жара и утомление.

Проводник привел исследователей в небольшой, но с крутыми склонами овраг, образованный ручейком, сбегавшим с высот Сан-Лоренсо (само городище было расположено на больших причудливых очертаний остроты). Здесь стало чуть-чуть полегче, почти не чувствовалось палящего солнца: густые заросли по краям оврага давали достаточную тень.

Еще несколько шагов — и все невольно остановились. Даже привыкший к самым неожиданным находкам Стирлинг был потрясен. Таких шедевров древнеиндейского искусства он еще не видел.

На дне оврага лежало гигантское изваяние из серовато-зеленого базальта — около трех метров в высоту и более двух метров ширины. Оно изображало голову

юноши. Пухловатые губы были слегка раскрыты, как будто юноша пытался что-то сказать нашедшим его. Большие глаза грустно смотрели прямо перед собой. Короткий нос словно впивался после многих столетий заточения в земле родной запах нагретых солнцем джунглей.

Плотно прилегающая к голове шапка походила на шлем воина с выпуклым гребешком посередине. Над лбом этот гребешок заканчивался диском, к которому прикреплялись четыре раковины. Из-под завязок шлема виднелись массивные прямоугольные серьги.

«Вот Эль Рей!» — торжественно произнес после паузы Максимо.

Стирлинг очнулся от задумчивости. Да, конечно, перед ним был портрет какого-то древнего правителя! Раньше он уже встречал при раскопках подобные гигантские головы. Но ни одна из них не производила такого правдивого, величавого и одновременно трагического впечатления.

Кто создал это чудо? Да и вообще все эти скульптуры таили в себе не одну загадку. К какому времени они относятся? Почему они всегда изображают юношей? Почему, наконец, древние скульпторы всегда высекали одну голову, без тела? Никогда, несмотря на тщательные розыски, около этих изображений не находили ни одного фрагмента торса, рук, ног...

Тщательно измерив и несколько раз сфотографировав скульптуру, археологи двинулись обратно в деревню. Руководитель экспедиции, обычно веселый и разговорчивый, молчал. Он вспоминал все предшествующие события.

Попал в Сан-Лоренсо Стирлинг не случайно. Сюда привела его цепь разных и странных обстоятельств. И начались они достаточно давно.

В 1862 году подобную каменную голову неожиданно обнаружил около деревушки Трес-Сапотес при своих исследованиях в Южной Мексике мексиканский географ Хосе Мельгар-и-Серрано. Он опубликовал ее изображение в двух своих работах, приписав изготовление этого памятника древним африканцам. Мельгар-и-Серрано считал, что найденная им скульптура изображает эфиопа, и доказывал, что в глубокой древности в этом районе Мексики жили пришельцы из Африки. Так неизвестный древний народ, создавший загадочное изваяние, обрел свое первое определение. Впоследствии ему давалось еще много других.

Голова из Трес-Сапотес с тех пор была постоянным магнитом для ученых. В 1883 году мексиканец Альфредо Чаверо опубликовал рисунок любопытного каменного топора и указал, что изображение на этом предмете по манере исполнения очень близко к загадочной голове. Так появился второй памятник, связанный с неизвестной древней культурой. В 1905 году крупнейший немецкий ученый-американист Эдуард Зелер, путешествуя по Мексике, специально посетил Трес-Сапотес и осмотрел ту самую голову. Но и он ничего не прояснил, разве только доказал, что об эфиопских переселенцах говорить здесь не приходится: такие лица нередки и у индейцев.

Через сорок лет после публикации Мельгара новая находка опять привлекла внимание ученых к этому району Мексики. На этот раз речь шла о совсем небольшом предмете — статуэтке, но зато изготовленной из самого драгоценного у древних индейцев материала — нефрита.

Этот красивый самоцветный камень обладает необыкновенным разнообразием окраски. Среди его разновидностей встречаются и молочно-белые, и серовато-голубые, и зеленые оттенки — от цвета молодой травы до почти черного. И всем им свойственна мягкость и глубина тона с особым влажно-маслянистым блеском. Тонкие пластинки нефрита при ударе издают очень мелодичные, чистые и протяжные звуки. Не менее интересны и важны его физические свойства. Он очень вязок.

Южная Мексика Здесь и происходило действие повести

По свидетельству академика А. Е. Ферсмана, не раз случалось, что неопытный минералог разбивал о глыбу нефрита стальной молоток, пытаясь отколоть от нее образец. И вместе с тем минерал этот сравнительно легко поддается обработке, хорошо режется и оттачивается. Все эти качества и привлекли к нему внимание человека еще в глубокой древности.

Для древних обитателей Мексики нефрит был самой большой ценностью, превосходившей даже золото. Сопратник Кортеса солдат Берналь Диас в своих воспоминаниях рассказывает любопытный эпизод. Когда испанцы вынуждены были отступить из Теночтитлана, многие солдаты нагрузились золотом. Все они потом при переправе через канал, отягченные ношей, погибли. «Я сам, — пишет Берналь Диас, — никогда не страдал алчностью, а посему забрал лишь четыре чальчиутля¹, которые мне очень пригодились, когда пришлось лечиться от ран и прикупать съестное».

Итак, при обработке поля около городка Сан Андрес Тустла, в том же штате Веракрус, какой-то крестьянин нашел в земле небольшую нефритовую статуэтку. Все в ней было странно и необычно. Толстенький с лысой, слегка откинутой назад головой, с широко открытыми глазами человечек сидел, поджав под себя ноги. На его плечи была накинута короткая накидка, что то вроде пелерины, нижняя часть лица закрыта своеобразной полумаской в виде утиного клюва. Обе эти детали еще

¹ Название нефрита на ацтекском языке

не встречались на древних индейских памятниках. Но самым интересным и волнующим были, конечно, иероглифические надписи, покрывавшие статуэтку со всех сторон. По внешнему виду они напоминали древнемайяскую письменность.

Из этих надписей понятна была только одна, на передней части статуэтки. К этому времени ученые уже разобрались в системах, с помощью которых древние обитатели Мексики записывали свои даты. Так вот, в переднем столбце на статуэтке из Туслы была написана немыслимо ранняя для майя дата: 14 марта 162 года нашей эры! А ведь самые древние памятники майя, известные тогда, датировались на три-четыре века позже!

Остальные надписи, имевшие курсивный характер (что указывало на значительное развитие письменности), были совершенно непонятны и ничего не могли сказать ученым. Кстати, они остаются нерасшифрованными до сих пор!

Прошло еще более двадцати лет.

В 1925 году Тулэйнский университет (США) направил в малоизученные области Мексики, Гватемалы и Никарагуа археолого-этнографическую экспедицию. Она состояла всего из двух ученых: датчанина Франса Блома и американца Оливера Лафаржа, но эти двое стоили многих! Их любознательность, энергия и настойчи-

вость просто потрясали. Они пробирались через непроходимые джунгли, преодолевали болота, поднимались на почти недоступные горные вершины и нашли множество интереснейших памятников прошлого (о которых потом рассказали в своей книге «Племена и храмы»). Но самую замечательную свою находку Блом и Лафарж по иронии судьбы так и не сумели по-настоящему понять и оценить.

Спускаясь на лодке по притоку реки Тонала, исследователи прибыли на небольшой остров Ла-Вента; он был весь окружен труднопроходимыми болотами и мангровыми зарослями. При первом же осмотре оказалось, что Ла-Вента изобилует остатками древних построек (в том числе крупной пирамиды) и большими каменными скульптурами. И те и другие были покрыты буйной тропической растительностью. С помощью местных жителей — индейцев Блом и Лафарж немного расчистили от нее городище, составили его приблизительный план и сфотографировали несколько изваяний. Самым удивительным из них оказалась огромная каменная голова, похожая на памятник в деревушке Трес-Сапотес.

Честь определения загадочной культуры принадлежит американскому ученому и мексиканскому художнику-энтусиасту.

*Статуэтка из нефрита.
Плачущий младенец*

В 1929 году директор Музея американских индейцев в Нью-Йорке Маршалл Сэвилл опубликовал небольшую работу. В ней были описаны древние вещи (ритуальные топоры, статуэтки, маска), изготовленные из самых различных минералов (нефрит, жадеит, авантюрин, гранит, хлоромеланит). Объединял их стиль — совершенно не похожий на другие, энергичный, сильный и очень выразительный. Второй общей чертой их была характерная передача черт человеческого лица: крупный, как бы приплюснутый нос, продолговатые, косо поставленные глаза. Полуоткрытый рот, из которого торчали крупные клыки, напоминал оскал морды рычащего ягуара. Совершенно ясно, что все они принадлежали к какой-то одной культуре. Но где и кем она была создана?

Сэвилл вспомнил недавно опубликованную книгу Блома и Лафаржа, давнюю работу мексиканца Чаверо. Если изучаемые им вещи были все небольших размеров, следовательно, их могли унести далеко от первоначального места их изготовления, то такие монументальные скульптуры, как головы из Трес-Сапотес и Ла-Венты, явно не годились для дальних перевозок. А художественное сходство между этими двумя группами вещей было несомненным. Значит, рассуждал Сэвилл, место расцвета загадочной культуры надо искать где-то на территории Южной Мексики, в районе прибрежной полосы штатов Веракрус и Табаско. Но там же найдена и статуэтка из Тустлы! Значит, центр этой культуры находился где-то недалеко от города Сан-Андрес-Тустла.

Но кто ее создал? И на этот вопрос исследователь сумел ответить не менее логично. По сведениям ацтеков и первых испанских хронистов, в прибрежных районах Мексиканского залива некогда жили ольмеки. Как они сами называли себя, осталось неизвестным, потому что слово «ольмек» по происхождению ацтекское и означает «житель Ольмана», или «житель Каучуковой страны». Именно отсюда ацтеки получали каучук для своих мячей, используемых в очень важной ритуальной игре. Со времени выхода из печати этой небольшой, но очень важной работы Сэвилла термин «ольмекский» стал применяться ко многим памятникам, найденным в этих областях Мексики. Так неизвестный древний народ получил (после «эфиопов» Мельгара-и-Серрано) свое второе имя, оказавшееся, как мы увидим, очень устойчивым. Сэвилл сумел ответить и еще на один вопрос: о причинах появления в рассмотренных им скульптурах черт ягуара. Он показал, что в древних индейских мифах одно из самых могучих божеств имело ягуарий облик. Следовательно, сходство с ягуаром было не случайным.

Талантливый мексиканский художник и этнограф Мигель Коваррубиас был страстным коллекционером индейских древностей. Странствуя по своей родной стране в 30-е годы нашего века, он приобрел целый ряд относящихся к ольмекской культуре статуэток из нефрита, серпентина, жадеита и других пород камня. С этого момента Коваррубиас увлекся искусством таинственного народа на всю жизнь. Он тщательно изучил и подобные предметы, находившиеся в коллекциях великого мексиканского художника Диего Риверы (он тоже был страстным собирателем) и других любителей старины.

С увеличением числа найденных подобных памятников выяснилось, что область их распространения (судя по местам находок) далеко выходит за пределы штатов Веракрус и Табаско, где были обнаружены первые статуэтки. Основная масса их была найдена в мексиканских штатах Веракрус, Табаско, Чиapas, Герреро, Оахака, Морелос и Южная Пуэбла, но отдельные экземпляры встречались и в долинах Мехико, Тoluки, Глашкалы, а также на Юкатане, в Гватемале и Сальвадоре. Из этого Коваррубиас сделал правильный вывод, что, где бы ни был центр их изготовления, эти вещи высоко ценились уже в древности и были унесены ольмеками при их странствиях. А следовательно, мы можем говорить о следах их влияния и в этих районах. Далее, уже тогда мексиканский энтузиаст высказал мнение — и оно ока-

залось пророческим, — что цивилизация ольмеков древнее других высоких культур Центральной Америки. Наконец, он привел очень интересные этнографические параллели: оказалось, что индейцы Южной Мексики до сих пор верят в маленьких шаловливых карликов с детскими лицами — хозяев воды.

И здесь на сцену выступает Мэтью Уильямс Стирлинг.

Еще в 1918 году студент Калифорнийского университета Стирлинг заинтересовался фотографией маленькой маски из нефрита, изображавшей «плачущего младенца». Во время поездки в Европу, в 1920 году, он увидел ее в подлиннике в берлинском музее и был потрясен материалом и мастерством исполнения. Это был великолепный, почти прозрачный нефрит сине-голубого цвета. С этого момента, как писал впоследствии сам Стирлинг, мысль о неизвестном древнем народе, создавшем эту маску, никогда не покидала его.

Между прочим, ольмекские изделия из нефрита благодаря своему необычному стилю и художественной выразительности покорили не только Стирлинга. Маршалл Сэвилл ознакомился в 1890 году с «топором Кунца» — первым опубликованным памятником из нефрита — и с тех пор десятилетиями искал вещи, близкие ему по стилю. Мы уже знаем, к чему это привело.

Подобные истории можно рассказать и про других коллекционеров. Я сам «заболел» ольмеками осенью 1945 года, после того как обнаружил в Государственном Эрмитаже прекрасную статуэтку сидящего бога.

В 1921 году Стирлинг поступил на работу в отдел археологии Смитсоновского института в Вашингтоне и получил доступ к исследованиям. Но только с 1932 года, когда он стал заведующим этим отделом, Стирлинг смог начать подготовку к осуществлению своей давней мечты. Однако для этого надо было преодолеть немало трудностей, и в первую очередь решить сложный вопрос о денежных средствах на раскопки.

В 1938 году он вместе с женой почти без денег отправляется на свидание с гигантской головой из Трес-Сапотес. Но эта поездка была не только осуществлением давней мечты. Опытный археолог, Стирлинг сразу же распознал, что здесь перед ним не одиночный памятник, а останки древнего города. Первого города таинственного народа! Причем развалины его имели внушительные размеры. В густых тропических зарослях виднелись полупогребенные изваяния, под холмиками угадывались остатки зданий. Надо во что бы то ни стало добыть средства для раскопок!

В 1939 году необходимые для экспедиции деньги были получены. И осенью того же года небольшой отряд археологов прибыл на городище.

Работы было много, но результаты окупили ее с лихвой. Прежде всего выяснилось, что Трес-Сапотес — город с весьма давней историей. Верный и точный свидетель — керамика — отчетливо это показывала. Двадцать рабочих трудились целый день, чтобы полностью раскопать гигантскую голову. И вот наконец она освобождена от земли. Впечатление было ошеломляющим! Высота монолита достигала ста восьмидесяти сантиметров, окружность — почти пяти с половиной метров, а вес, по оценке Стирлинга, равнялся д е с я т и н а м! И это когда ближайшие разработки камня находились на расстоянии в несколько десятков километров. Сколько же человеческих усилий (у древних индейцев не было тягловых животных) надо было затратить, чтобы доставить сюда подобную каменную глыбу...

Таких голов в деревне Трес-Сапотес оказалось целых три! И везде юношеские лица с небольшими широкими носами, припухлыми губами и миндалевидными глазами. Это явно были чьи-то портреты! Стирлинг решил, что эти изваяния увековечивают выдающихся ольмекских правителей и являются мемориальными памятниками.

Остатки строений в Трес-Сапотес, в противоположность скульптуре, не вызвали особого удивления или восхищения археологов. Теперь это были небольшие холмы,

Археолог Э. Контерас раскрывает тайник в Ла-Венте

Группа каменных статуэток «Жертвоприношение» Ла-Вента

*Гигантская каменная голова
Трес-Сапотес*

а в древности — довольно простые сооружения с глинобитными стенами, крытые соломой и стоявшие на невысоких насыпных платформах-фундаментах. Ничего близкого к величественной архитектуре майя или сапотек здесь обнаружено не было.

За два полевых сезона (1939/40 года) раскопки выявили в Трес-Сапотес немало и других монументальных скульптур, создавалось впечатление, что ольмеки были народом, у которого ваяние преобладало над другими формами изобразительного искусства. Всеобщее восхищение, а вместе с тем и новые загадки вызвала каменная плита, обозначенная археологами литерой — стела А. В центре изображения виднелась странная человекоподобная фигура, почти вдвое выше нормального роста, с головным убором в виде высокого колпака. По бокам ее находились еще два персонажа, обращенные в профиль к центральному, у левого в руке был длинный нож или кинжал, а второй держал за волосы отрезанную человеческую голову. Значит, у ольмеков, так же как и у других народов Америки, в древности существовали человеческие жертвоприношения. Все три фигуры стояли на

стилизованной голове чудовища, а над ними как бы парила в воздухе огромная маска какого-то божества, опять с ягуарьими чертами.

Возвращаясь с раскопок в Трес-Сапотес, Стирлинг познакомился в Мексике с Мигелем Коваррубиасом. Талантливый художник и страстный коллекционер, тот сразу же подружился с американским археологом, оценил по достоинству значение его открытий и поддержал его гипотезу о древности ольмекской культуры.

Наконец пришла очередь и Ла-Венты. Действительность превзошла все ожидания.

Уже Блом и Лафарж, а затем и сам Стирлинг при проведении разведок обнаружили на этом небольшом песчаном островке ряд памятников явно ольмекского происхождения — гигантские головы, стелы с рельефами, своеобразные столообразные алтари. При раскопках в 1942—1943 годах американская экспедиция не только открыла новые монументы, но и выявила в них принципиально новые, дотоле неизвестные черты загадочной древней культуры.

Центр Ла-Венты составляло сравнительно небольшое (около полутора гектаров) возвышение в центральной части острова. Здесь-то древние строители и расположили главный комплекс, состоящий из большой пирамиды, площади к северу от нее, огражденной длинными насыпями и рядом базальтовых колонн. Далее шла странная на вид постройка, получившая название «гробницы из каменных столбов», а завершала все небольшая ступенчатая пирамида, служившая в древности подставкой какому-то сооружению (храму?) из дерева. Центральная ось всего

этого комплекса была довольно точно ориентирована с юга на север. А вокруг него находилось множество скульптурных изваяний.

Трудно описать или даже перечислить все, что было найдено Стирлингом в Ла-Венте. Укажем лишь на несколько самых замечательных открытий, сказав при этом, что в три сезона, проведенных на этом городище, американский археолог сумел раскопать далеко не все. Позднее в Ла-Венте работало еще несколько экспедиций, тоже не исчерпавших до конца все археологические сокровища, находящиеся там.

В Трес-Санотес находилась одна гигантская голова, как мы помним, послужившая первым толчком для открытия ольмекской культуры. В Ла-Венте их было четыре! В каждом случае — юношеские лица, везде — своеобразные шлемы, но с различными орнаментами на передней их части. Поражали своим скульптурным искусством и «алтари». Это условное название было дано археологами непонятым каменным монументам в виде больших кубов. Самым выдающимся из них был, конечно, алтарь номер пять (по нумерации Стирлинга). На двух боковых сторонах его в низком рельефе изображены четыре жреца, несущие на руках жестикулирующих и, очевидно, кричащих детей, а на передней — крупная горельефная мужская фигура, появляющаяся из глубокой ниши, оформленной как раскрытая пасть ягуара. На вытянутых вперед руках этого жреца или правителя лежит ребенок. В отличие от детей на боковых рельефах он кажется безжизненным или спящим — таким спокойным и застывшим передано его маленькое тельце с прижатыми к бокам руками и вытянутыми ножками.

К северу от пирамиды, как уже упоминалось, лежала большая площадь. Она была ограждена со всех четырех сторон частоколом из поставленных вертикально базальтовых столбов. Такие призматические отколы, представляющие собой природные колонны, довольно часто встречаются в месторождениях базальта, но ни в Ла-Венте, ни в окрестностях городища никаких каменных пород не имелось. Значит, все памятники, в том числе и окаймление площади, были сделаны из базальта, доставленного на этот островок издалека. Но откуда?

Посреди площади высилось странное сооружение из тех же базальтовых пятигранных в сечении призм: нечто вроде домика, но без окон, наполовину закопанного в землю. Крышу его составляли девять таких же базальтовых монолитов длиной до трех метров, плотно уложенных на вершины столбов ограды. Когда четыре из них были с немалым усилием сняты, Стирлинг спустился внутрь, как он надеялся, этого погребального сооружения.

Это был в самом деле склеп, в котором некогда захоронили останки каких-то представителей знати, может быть, правителя, его жен и детей. В глубине подземной комнаты находилось возвышение, облицованное камнем. На нем среди рассыпанной яркой красной краски лежали останки человеческих костей, принадлежавшие по крайней мере трем погребенным. А рядом с ними беспорядочной грудой были навалены сокровища.

Чего здесь только не было! Статуэтки стоящих и сидящих людей, каких-то уродцев, лягушек, улиток, украшения в виде цветов, бусы, серьги — все из зеленого и голубого нефрита, превосходно обработанного. Конечно, не было недостатка и в изображениях ягуара, культом которого, как метко выразился один исследователь, ольмеки были просто одержимы.

Там, где некогда покоилась голова правителя (кости в болотистой почве Ла-Венты сохраняются очень плохо), лежал странный головной убор — некогда, очевидно, символ власти и могущества его владельца. Шесть длинных игл морского ежа были нанизаны на веревку, каждая игла отделялась от другой несколькими нефритовыми украшениями в виде цветов и листьев. На лице погребенного была когда-то помещена деревянная маска, инкрустированная также нефритом и перла-

мутром. Она, конечно, почти истлела. Здесь же лежали и большие нефритовые серьги.

Но самой драгоценной вещью, по мнению ученых, была найденная в этой гробнице небольшая статуэтка из голубовато-белого, великолепно отполированного нефрита. Она изображала сидящую молодую женщину, очевидно, знатную; в ее сложенных на груди руках находилось зеркальце. Тщательно расчесанные волосы спереди образуют челку, а сзади падают до плеч. Овальное личико ее с большими миндалевидными глазами и с едва заметной улыбкой Джоконды спокойно и приветливо. Мастер, создавший эту статуэтку, несомненно был очень талантливым скульптором.

Гробница из базальтовых столбов была не единственным погребением в Лавенте. Совсем неподалеку от нее Стирлинг нашел каменный саркофаг в виде ягуара, в котором возле останков погребенного также находились нефритовые вещи. Все указывало на то, что в ольмекское время этот небольшой остров был важнейшим святилищем народа, где не только совершались главные религиозные церемонии, но и хоронили вождей, верховных жрецов или правителей.

Вот о чем вспомнил Мэтью Стирлинг, возвращаясь в свой лагерь после свидания с новой гигантской головой — самой большой из всех подобных памятников обнаруженной им ольмекской культуры.

Раскопки в Сан-Лоренсо, Теночтитлане и Потреро-Нуэво продолжались два года — 1945 и 1946. Они, конечно, носили чисто разведочный характер, были лишь зафиксированы важнейшие скульптурные памятники, находившиеся на поверхности (пятнадцать в Сан-Лоренсо и четыре в Потреро-Нуэво), заложены несколько пробных шурфов. На детальное исследование этого несомненно большого городища у Стирлинга не хватило ни времени, ни средств.

И все же даже такой беглый обзор Сан-Лоренсо дал удивительные результаты. Было обнаружено пять колоссальных голов — загадка номер один ольмекской культуры, — монументальные статуи правителя с жезлом в руках и женщины с ягуароподобным ребенком, алтари: один лавентского типа с фигурой в нише, другой — с атлантами, поддерживающими поднятыми руками небесный свод. Атланты эти вовсе не напоминали могучих гигантов античного мира, это были симпатичные пухлые младенцы.

На всех памятниках виднелись следы преднамеренных разрушений, иногда столь жестоких, что трудно было даже догадаться, что они некогда изображали.

Именно на этом городище Стирлинг наконец нашел объяснение давно мучившей его (и других исследователей) загадки: почему ольмеки были так одержимы культом кошачьего хищника. Среди открытых скульптур две изображали могучего ягуара, сжимавшего в своих объятиях женщину. Теперь стали понятны и младенцы — полулюди-полуягуары. Эти скульптуры поведали, что древний народ, живший некогда здесь, верил, что их предком, их родоначальником был сын ягуара и первой женщины. В далекие древние времена люди считали, что животные некогда могли говорить и поступать, как люди. Отсюда — многочисленные предания, сказки, мифы у всех народов земного шара, что тот или иной зверь — родственник или родоначальник какого-то племени. Не составляли исключения в этом отношении и ольмеки.

И здесь мы можем проститься с Мэтью Стирлингом. Больше он уже не копал на ольмекской территории. После Сан-Лоренсо американский ученый проводил археологические раскопки в Панаме, Эквадоре и Коста-Рике. В январе 1973 года исследователь ольмекской цивилизации скончался. Но основное дело его жизни было продолжено другими исследователями.

Еще при жизни Стирлинга археологи снова обратились к Ла-Венте. В 1955 году туда была направлена новая экспедиция. Она проработала на городище несколько лет и сделала новые, иногда ошеломляющие открытия. В этих раскопках принимали участие теперь не только американские, но и мексиканские исследователи. Надо было спешить: на острове была обнаружена нефть и рабочие Мексиканской национальной нефтяной компании буквально наступали на пятки археологам.

К этому времени физики разработали совершенно новый способ датировки по радиоактивному изотопу углерода, $C-14$, — метод несравнимо более точный, чем все прежние, применявшиеся археологами. В результате таких исследований в Ла-Венте и других местах, о которых я расскажу ниже, выяснилось, что правы оказались Коваррубиас и Стирлинг. Теперь ольмекская культура датируется временем около XII—VI веков до нашей эры.

Это было первой сенсацией. Не замедлили явиться и другие.

Выяснилось, например, что Ла-Вента имеет не один, а несколько культурных слоев, то есть, переводя с языка археологии на обычный, это обозначало, что она существовала продолжительное время, около семи веков. При расчистке большой пирамиды обнаружилось, что форма ее совершенно необычна. Все пирамиды Цент-

Стирлинг (в центре) около одной из найденных им каменных голов

ральной Америки имели ступенчатую форму. Стирлинг считал, что таков в древности был облик и лавентской. Но при составлении детальной контурной карты поселения археолог Хейзер с удивлением увидел, что большая пирамида в Ла-Венте имела форму конуса или, образно говоря, гигантской граммофонной трубы, опрокинутой раструбом вниз. Более того: на боках конуса чередовались продольные выступы (всего их было десять) и желобчатые углубления, шедшие сверху вниз. Хейзер долго ломал голову, по какой причине древние строители придали такой необычный облик своему сооружению, но все было тщетно. Разгадка пришла неожиданно и случайно. Как-то раз археолог летел на самолете над горами Тустлы и вдруг увидел, что лавентская пирамида почти в точности повторяет вид многочисленных вулканов, расположенных вокруг озера Катемако. Они имели конусообразную форму и совершенно такие же выступы и углубления на склонах. Итак, ольмеки в память оставленной родины воздвигали на ровном острове подобие горы, почтившейся некогда на далекой отчизне. Эта искусственная гора вышиной теперь в тридцать три метра (в древности она могла быть выше) сооружена из глины, покрытой сверху плотным известковым раствором, по крепости близким к цементу. Хейзер подсчитал, что воздвижение этой пирамиды было связано с колоссальным объемом работ: даже если бы на строительстве трудилось более тысячи человек, то им потребовалось бы не менее восьмисот дней.

Кстати говоря, предположение о том, что жители Ла-Венты первоначально жили в горной области, скоро подтвердилось. Археологов давно интересовало, откуда ольмеки брали базальт для своих скульптурных памятников. Минералоги доказали, что все монолиты доставлены со склонов тех же гор Тустлы.

Новые находки были обнаружены и на церемониальной площади. Один из рабочих, расчищая ее поверхность, заметил на одном участке что-то необычное. Участник экспедиции, мексиканский археолог Эдуардо Контрерас, спешно принял за работу. Скоро его изумленному взору представило удивительное зрелище.

Шестнадцать статуэток из нефрита и серпентина были укреплены в почве, образуя живописную группу. Четырнадцать из них были обращены лицами к двум остальным, стоявшим спиной к шести вертикально воткнутому в землю нефритовым топорам. Особенно замечателен был один человек из этой пары. Сделанный в отличие от остальных из красновато-розоватого гранита без всякой шлифовки, казалось, он изумленно или испуганно взирал на столпившихся перед ним. Вполоборота к нему, словно обращаясь с речью к собравшимся, стояла другая фигура из почти белого нефрита; сама поза, а также удлинённая голова, полуоткрытый рот, крупный нос, косо поставленные большие глаза показывали, что скульптор пытался особо выделить этот персонаж, подчеркнуть власть и знатность изображенного.

Для археологов было ясно, что этой скульптурной группой увековечено какое-то чрезвычайно важное событие в жизни обитателей Ла-Венты. Но какое? То, что этой сцене придавалось очень большое значение, подтверждалось другим обстоятельством. После того как топоры и фигурки были поставлены, тайник был тщательно закрыт и вся площадь покрыта толстым слоем оранжевой, плотно утрамбованной глины. Такое покрытие позже было возобновлено (обычная вещь в жизни древних и современных поселений; вспомним хотя бы, как накладывается на улицах наших городов новый слой асфальта), на этот раз из розового цвета глины. Через некоторое время розовое покрытие было сменено на желтое, а затем на белое. И вот затем (никто не знает когда) кто-то пробил узкий колодец прямо над жертвоприношением, удостоверился, очевидно, что приношение в порядке, и снова засыпал его. Из этого ясно, что у ольмекских жрецов были какие-то «инвентарные описи» или планы погребенных сокровищ, по которым они и проверяли время от времени их наличие. Но из этого также следует, что «приношение номер четыре» имело какое-то особо важное, культовое или историческое значение.

*Один из рельефов алтаря
Ла Вента*

Шли годы исследование ольмекской культуры продолжалось. Памятники таинственного народа археологи обнаруживали в различных районах Мексики, иногда довольно далеко от его родины — в штатах Веракрус и Табаско. Причем не маленькие изделия вроде статуэтки из Тустлы, а большие рельефы и статуи. И не только на территории Мексики, а иногда и в горах Гватемалы или на отделенном многими сотнями километров тихоокеанском побережье Сальвадора.

Так около местечка Чалькацинго (восточная часть штата Морелос) были найдены интересные рельефы на скалах. В 70-е годы здесь работала экспедиция под руководством Дэвида Гроува, раскопавшая древнее поселение. Выяснилось, что в Чалькацинго жил какой-то другой народ, а рельефы несомненно в ольмекском стиле были изготовлены либо группой ольмекских колонистов, обосновавшихся в этом городе, либо (как считают некоторые специалисты) были памятниками кратковременного завоевания этого древнего города ольмеками. Гроув, а за ним и другие исследователи предположили, что ольмеки в погоне за драгоценным нефритом основывали на важнейших торговых путях небольшие крепости-поселения. Через них и проходили ольмекские караваны, их вели опытные предводители, которые были одновременно и купцами и разведчиками.

Открытия следовали одно за другим. Исследователи давно обратили внимание, что архитектура ольмеков значительно уступала их скульптуре, из-за этого их и называли иногда «народом ваятелей». Но столь характерных для позднейших цивилизаций Центральной Америки настенных росписей у ольмеков найдено не было. Поэтому ученые решили, что живопись у них не существовала. Действительность еще раз показала, как опасны иногда бывают преждевременные выводы.

В 1966 году двое любителей археологии — Гэй и Гриффин путешествовали по штату Герреро на тихоокеанском побережье Мексики, разыскивая там ольмекские

памятники. Велико же было их изумление, когда один из жителей селения рассказал им о каких-то рисунках в близлежащей пещере под названием Хуштлауака. Гэй и Грифин сразу же устремились туда. Путь под землей продолжался более километра; они то с великим трудом проползали через узкие лазы-переходы, то проходили зал за залом среди сталактитов и сталагмитов, спугивая неисчислимые полчища летучих мышей. Но самоотверженность исследователей была вознаграждена: в слабом желтом свете керосиновых ламп показалась великолепная фреска, несомненно принадлежавшая ольмекскому времени.

Высокая (около двух метров) мужская фигура правителя или божества противопоставлена второй, маленькой, жалкой и скорчившейся у его ног. На владыке — черный плащ, наброшенный на левое плечо, он полуприкрывает его красную с горизонтальными полосами одежду. Лицо расписано черной краской. На голове — высокий шлем, увенчанный пучком зеленых перьев кецала, в ушах — крупные дисковидные нефритовые серьги, на ногах — сапоги из кожи ягуара. Руки в длинных перчатках тоже из кожи ягуара протянуты к маленькому персонажу; в правой — причудливой формы жезл, имеющий четыре отростка, левая крепко сжимает толстую веревку, идущую от пояса коленопреклоненного почитателя или побежденного.

Через два года, вдохновленный примером Гэя и Грифина, Дэвид Гроув также отправился в горы штата Герреро. И он нашел вторую серию ольмекских росписей всего в тридцати километрах от Хуштлауаки, в местности Оштотитлан.

Сюжеты оштотитланских росписей несколько отличались от хуштлауакских. Здесь и изображение сидящего на троне человека с красновато-коричневым телом, в необычном костюме. На его голове — маска, передающая голову какой-то хищной птицы с мощным клювом, огромным желтым глазом и пятнистыми зелеными ушами. Руки сидящего покрыты пышными перьями зеленого и красного цвета. Изумрудная нагрудная пластина и такого же цвета узкая набедренная повязка дополняют его наряд. Вся фреска настолько необычна для ольмекского искусства, что, если бы не трон — опять-таки в форме головы ягуара, — многие исследователи заколебались бы в ее определении.

Зато вторая фреска выдержана в чисто ольмекском духе. Типично ольмекская человеческая фигура стоит, подняв правую руку и опустив вдоль тела левую. Кроме светлого лица, все тело персонажа окрашено в черный цвет. Перед ним — разъяренная ягуариха, поднявшаяся на дыбы, пасть ее оскалена. Но странно одно: животное не нападает на человека, а явно бежит от него.

Но вернемся из глухих дебрей штата Герреро к Сан-Лоренсо, который был основным местом действия нашей повести.

Молодой американский археолог Майкл Ко возглавил небольшую экспедицию Йельского университета и копал в Сан-Лоренсо три полевых сезона (1966—1968 годы). Так выяснилась многовековая история этого городища.

Первым делом после сооружения лагеря началась работа по составлению топографической карты, работа трудоемкая и сложная, но совершенно необходимая. И она принесла удивительные результаты: когда все промеры были нанесены на бумагу, то исследователи увидели, что плато Сан-Лоренсо... искусственного происхождения. Да, да, не удивляйтесь! Возвышенность высотой около пятидесяти метров и почти километровой длины была в древности насыпана ольмеками вручную. Можно было себе представить, как древние обитатели из поколения в поколение тащили корзинами землю и высыпали ее на постепенно увеличивающийся холм. Эта работа по объему превосходила даже всемирно известную пирамиду египетского фараона Хуфу (Хеопса). На искусственное происхождение насыпи прежде всего указывала строгая симметричность формы, на плане ясно выступали «языки» — своеобразные узкие выступы, вдававшиеся в долину, и перемычки, соединявшие от-

дельные высокие точки плато. Это же подтвердили последовавшие раскопки. Чем вызывалась такая сложная планировка сооружения, сказать невозможно. При желании, конечно, в очертаниях насыпи на карте можно увидеть две головы ягуаров с раскрытыми пастью, языками и клыками, но такое толкование может быть и чистой фантазией. На вершине плато было найдено двадцать углублений различной формы и размеров. Исследование их показало, что в древности это были водоемы-резервуары с выложенным вулканическим туфом дном и стенками.

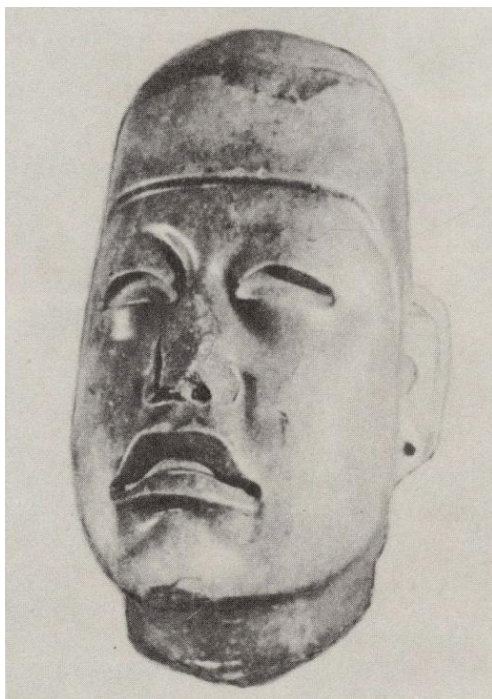
Раскопки принесли очень важные данные и по хронологии поселения. Стирлинг, а за ним и остальные ученые считали Сан-Лоренсо городищем сравнительно поздним. Радиоуглеродный анализ углей из пылавших некогда кухонных костров рассеял в прах это утверждение. Оказалось, что Сан-Лоренсо зародилось около 1300 года до нашей эры, а расцвета своего достигло после 1200 года до нашей эры, когда там появились ольмеки. Величественный город просуществовал до IX века до нашей эры и затем по неизвестным причинам впал в забвение. Потом его ожидал новый подъем, но эти события уже выпадают из хронологических рамок нашей повести.

Раскопки Ко в Сан-Лоренсо выяснили еще одно любопытное и важное обстоятельство. Как уже говорилось выше, большинство скульптур было изуродовано. Но это не было актом вандализма или надругательства вторгшихся завоевателей. Все эти памятники были затем тщательно погребены, иногда даже с сопроводительными жертвоприношениями. Так, памятник двадцать первый (Ко нумеровал их по мере того, как находил) — рельеф с изображением бегущего койота был положен лицом вниз на приношение из шести топоров из серпентина и нескольких брусков из того же минерала. Затем все было тщательно засыпано землей. По оценкам того времени, когда совершалась эта церемония, такое жертвоприношение изуродованному рельефу было неизмеримо значительнее, чем, скажем, золотые медали, которые помещались при закладке сооружений в XIX веке.

Конечно, экспедиция Йельского университета не исчерпала всех археологических и художественных сокровищ, таящихся в Сан-Лоренсо, там осталось немало и для будущих исследователей. Но работу Ко трудно переоценить, и все интересующиеся ольмекской культурой должны быть признательны ему.

Вряд ли стоит в этой книге подробно описывать все исследования, которые велись на земле потомков священного ягуара. Хотелось лишь рассказать о нескольких замечательных находках, являющихся своеобраз-

*Скульптура из нефрита.
Голова ольмекского жреца*

Статуэтка из нефрита.
Знатная женщина. Ла-Вента.

ными опорными точками повести, чтобы читатель имел возможность беспристрастно сравнивать подлинные исторические факты и вымыслы. Но все же перед тем, как закончить, следует в двух словах сказать, что же теперь известно об ольмеках.

Ученые-американисты в результате многолетних упорных исследований выяснили многое об этом загадочном народе. Мы теперь знакомы не только с его изобразительным искусством и материальной культурой, но и с социальной структурой ольмекского общества, имевшей раннеклассовый характер, как в древнем Шумере и Египте. Известны время его становления, расцвета и падения; можно даже предположить, что было причиной заключительных грозных событий. Ольмекское государство было сметено продвигавшимися с юго-востока народами майя.

В основных чертах восстановлена и древняя религия ольмеков, их культовые обряды, связанные с плодородием кукурузы, циклические праздники, имевшие очень важное значение в их жизни. Религия в те времена безраздельно господствовала во всех видах идеологии.

Между учеными давно идет горячий спор, на каком языке говорили

сыны ягуара. Автор этой книги присоединяется к тем, кто видит в ольмеках предков будущей большой языковой группы, включающей майя, — *мике-уаве-соке*. Поэтому имена всех действующих лиц взяты из реконструированного языка *прото-майя-соке*.

Все эти научные данные и позволили восстановить живую картину давно прошедших событий в Сан-Лоренсо и его окрестностях.

Особо стоит вопрос о доколумбовых связях Старого Света и обоих материков Америки. Некоторые зарубежные исследователи, пораженные таким ранним расцветом ольмекской цивилизации, склонны приписывать ее начало какому-то постороннему толчку, видят в ней результат появления в Центральной Америке группы мореплавателей из какого-либо культурного центра Старого Света. Так, известный путешественник Тур Хейердал считает, что ольмекская культура обязана своим возникновением пришельцам из Египта. Собственно говоря, с целью доказать эту гипотезу он и предпринял свой легендарный переход через Атлантический океан на судне «Ра». Американская исследовательница Бэтти Меггерс, наоборот, видит в «сынах ягуара» переселенцев из Юго-Восточной Азии, покинувших свою родину после падения в XI веке до нашей эры государства Шан (династия Инь) в Китае. Эти примеры можно было бы умножить.

Выходившие в океан рыбацьи лодки или корабли торговцев время от времени

уносились, конечно, ураганами и океанскими течениями далеко от родных берегов. Бывали исключительные случаи, когда такие случайные путешественники поневоле пересекали Атлантический океан и оказывались в чужой стране. Римские писатели сохранили рассказ о том, как к берегам Галлии (теперешняя Франция) во время правления императора Клавдия бурей пригнало лодку с несколькими краснокожими людьми. Это первый засвидетельствованный историей случай появления индейцев в Европе. С другой стороны, мексиканский археолог Хосе Гарсиа Пайон обнаружил в древнем погребении голову римской статуэтки, явно привезенной кем-то из-за океана. На побережье Венесуэлы был найден запрятанный кувшин с золотыми римскими монетами, немой свидетель древнего кораблекрушения. Все эти примеры показывают, что описанное в повести путешествие одного из героев, Суэмбахмона, могло иметь место в действительности. Но они же свидетельствуют и о другом. Такие случайно оказавшиеся в дальних странах люди, конечно, не могли сколько-нибудь заметным образом воздействовать на культуру того населения, к которому они попадали. История учит нас, что любое новшество может быть усвоено лишь тогда, когда в воспринимающем обществе созрели необходимые для него условия. В самом деле, что могли бы понять и усвоить люди палеолита, если бы к ним попал наш современник с автомобилем? Кроме того, данные последних раскопок неопровержимо свидетельствуют, что ольмекская культура — результат многовекового развития самых древних обитателей Центральной Америки.

Айáрса. — Под этим названием в повести выведен крупный город, существовавший с XVI до середины VI века до нашей эры на территории современного мексиканского штата Морелос. Археологи условно называют его развалины Чалькацинго. В древности этот город был значительным торговым центром. В Чалькацинго найдено несколько больших рельефов ольмекского стиля.

Анх — украшение в виде креста с петлей вместо верхнего вертикального отрезка. У древних египтян — символ благополучия и вечной жизни.

Анчўк-тек (язык *соке*) — глава селения.

Баál (финикийский язык) — бог солнца в древней Финикии.

Бальчé (язык *майя*) — культовый напиток, приготовлявшийся из коры тропического дерева Лонхокарпус лонгистилус и перебродившего меда.

Дéбен — мера веса в Древнем Египте, равная 91 грамму.

Зеленокудрый — одно из культовых имен молодого божества кукурузы.

Инцест (латинский язык) — брак между близкими родственниками.

Ихцйн (язык *майя*) — младший брат.

Ишй́м (язык *майя*) — кукуруза, основной продукт питания древних индейцев.

Каéче (язык *соке*) — опьяняющий напиток из перебродившего сока агавы.

Карй́н (язык *соке*) — один из видов лиан, родственных ванили; плоды ее обладают стойким приятным запахом.

Кеца́ль — птица Фаромакрус мокинно — обитатель тропических лесов Центральной Америки. Ее хвостовые перья длиной почти в метр необычайно красивы: синие-зеленые с золотистым отблеском. В древности перья кецаля служили украшением только правителей, знати и жрецов; за недозволенную поимку птицы виновный наказывался смертью. Кецаль не может жить в неволе, поэтому он стал у народов Центральной Америки символом свободы и независимости.

Куóку — маленькая черепаха.

Лем-хоолóм (язык *майя*) — Блестящая голова, одно из культовых имен бога кукурузы.

«Летопись какчикéлей» — литературный памятник народа какчикелей (языковая группа *майя*), созданный в XVI веке.

Маджа́и — воинская стража в Древнем Египте, исполнявшая полицейские обязанности.

Меку́р (язык *майя*) — человек, помогающий отцу во время совершения обряда мекхитиар. Его отношения к ребенку близки отношениям крестного отца к крестнику у европейцев.

Мéмфис — крупнейший город Древнего Египта после Фив, во время Древнего царства был столицей страны.

Неферхóтеп-Хóнсу — бог луны в древнеегипетском пантеоне, сын Амона и богини Мут.

Ниваннаа-Чакбола́й (язык *мая*) — Великий дом прекрасного ягуара — столица древних ольмеков, развалины которой находятся около современного селения Сан-Лоренсо — Теночтитлан в Южной Мексике.

Одноногий — одно из культовых имен бога грозы и ураганов у народов древней Мексики.

Пек (язык *соке*) — дерево сапота черное из семейства эбеновых. Древесина его сине-черного цвета и очень твердая.

Пом (язык *мая*) — смола тропического дерева Протиум копали из семейства копаиферовых, употреблявшаяся индейцами Центральной Америки для воскуриваний в культовых целях.

«Пóполь-Вух» — «Книга народа», эпос древних майя, рассказывающий о сотворении мира, о приключениях божественных близнецов Хун-Ахпу и Шбаланке, об истории народа киче.

Пта — один из великих богов Древнего Египта.

Пуа́мы (*финикийский* язык) — боги-покровители мореходов в древней Финикии, изображавшиеся в виде толстых уродливых карликов.

Ра — бог солнца в Древнем Египте.

«Свиток оправдания» — сборник заупокойных молитв, который в Египте клали вместе с мумией при похоронах.

Священная, или «девственная», **вода** — вода, собиравшаяся древними индейцами Центральной Америки в пещерах, где она капала со сталактитов. Считалась даром богини земли, употреблялась в различных обрядах.

Сейба — пирамидальный бовальник, тропическое дерево с гладким стволом и раскидистой кроной; индейцы почитали сейбу как священное дерево.

Сет — бог зла у древних египтян.

Тир — один из главных городов древней Финикии. Выходцы из Тира основали на средиземноморском побережье Африки Карт-Хадашт (Карфаген).

Тирсе́ны — так называли себя этруски, древние обитатели Италии.

Усермаа́т-Расетепе́нра-Раме́ссу-Мериамо́н — тронное имя фараона Рамсеса II (конец XIV — начало XIII века до нашей эры).

Ха́пи — древнеегипетское название реки Нил.

Хатшепсу́т-Нинсу́т-Ра — дочь египетского фараона Тутмоса I, жена Тутмоса II, провозгласившая себя после смерти последнего полноправным фараоном. В ее царствование (1603—1525 годы до нашей эры) Египет не вел войн, были воздвигнуты великолепные постройки, совершена морская экспедиция в далекую страну Пунт. Преемник Хатшепсут фараон Тутмос III преследовал ее память, статуи женщины-фараона были уничтожены, имена в надписях стерты.

Чалаха́т (язык *соке*) — культовая игра в мяч, имевшая широкое распространение у индейцев начиная с Центральной Америки и до территории современных США. Зарождение ее относится к весьма отдаленному времени — к концу третьего тысячелетия до нашей эры. Имелось несколько ее разновидностей: с одним большим мячом, с несколькими малыми, с палками (вроде современной лапты) и другие. Игра была не простым развлечением, а церемониальным действием, имевшим большое религиозное значение, так как она была связана с представлениями о движении солнца и луны, с идеей плодородия и так далее.

Чапулиста́гуа. — Под этим названием в повести выведен большой город-государство, существовавший в древности на территории современного Сальвадора. Его развалины археологи называют по имени соседнего теперешнего города Чальчуапой.

Ча́ти — в Древнем Египте первый вельможа при дворе фараона, обычно начальник города Фив.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие академика Б. Б. Пиотровского

5

Пролог

1 Два брата	9
2 Десять лет спустя	13
Глава I. Бегство	17
Глава II. Грабители царских могил	21
Глава III. Испытание	27
Глава IV. Совет жрецов	35
Глава V. Прогулка с учителем	41
Глава VI. Встреча	49
Глава VII. Наказание Накахона	55
Глава VIII. Лунная ночь	61
Глава IX. Пленники океана	65
Глава X. Две встречи у ручья	79
Глава XI. Ищи, Куоку!	85
Глава XII. День Пасунг	91
Глава XIII. Ураган	97
Глава XIV. Пришельцы из-за моря	103
Глава XV. Объятие Красной земли	109
Глава XVI. Священный чан	117
Глава XVII. Последняя работа Ах-Шооча	123
Глава XVIII. Смерть Чахилия	129
Глава XIX. Последняя попытка	135
Глава XX. Пирамиды острова Усокиток-Петенг	141
Глава XXI. Новое поручение Туг-Ансенгу	147
Глава XXII. Избрание лем-хоолома	153
Глава XXIII. Шествие	157
Глава XXIV. Свидание	165
Глава XXV. Далекое путешествие	175
Глава XXVI. Игра в мяч	181
Глава XXVII. Священный посев	187
Глава XXVIII. Руки пальмы	193
Глава XXIX. Конец священного круга	201
Эпилог	207
По следам сыновей ягуара, или Почему появилась эта книга (послесловие автора)	211
Словарь незнакомых слов	228

Кинжалов Р. В.

К 41 Конец священного круга: Историческая повесть/Предисловие
академика Б. Б. Пиотровского; Рис. и оформл. С. Острова. — Л.:
Дет. лит., 1988. — 230 с., ил. ISBN 5—08—000058—9.

В пер.: 1 р. 20 к

В книге известного ученого рассказывается о жизни ольмеков — таинственного народа, населявшего
во втором — первом тысячелетиях до нашей эры южную часть современной Мексики

К $\frac{4802000000-107}{M101(03)-88}$ 226—88

Р 2 + 902

ДЛЯ СРЕДНЕГО И
СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

*Кинжалов
Ростислав Васильевич*

КОНЕЦ СВЯЩЕННОГО КРУГА

Ответственный редактор *О. В. Москалева.*

Художественный редактор *В. П. Дроздов*

Технический редактор *Т. Д. Раткевич.*

Корректоры *В. Г. Арутюнян* и
И. В. Гармашева.

ИБ 8938

Сдано в набор 23.02.87. Подписано к печати 30.11.87. М-20108. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,96.
Усл. кр.-отт. 104,31. Уч.-изд. л. 17,96. Тираж 100 000 экз. Заказ 186. Цена 1 р. 20 к
Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6.
Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета
РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград,
2-я Советская, 7.

1 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»